

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН

А.С. Прозоровский

**Политический лидер и
модернизация на Востоке**

Опыт Индонезии и Южной Кореи
во второй половине XX века

Москва
ИМЭМО РАН
2009

УДК 316.422
ББК 66.3 (55)
Прозо 798

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 году

Отв. ред. – д.и.н. В.Г. Хорос.

Прозо 798

Прозоровский А.С. Политический лидер и модернизация на Востоке
Опыт Индонезии и Южной Кореи во второй половине XX века.

М.: ИМЭМО РАН, 2009. – с. 132.

ISBN 978-5-9535-0207-8

Монография посвящена опыту модернизации и ее политического обеспечения в двух азиатских странах – Индонезии и Южной Кореи. Сделан акцент на роли национального политического лидера и феномене, который обозначен как «модернизаторский авторитаризм». В ходе исторического и политического сопоставления выявлены как сходства, так и различия между двумя моделями модернизаторского авторитаризма, связанные с политическими, социально-экономическими и культурными характеристиками Индонезии и Южной Кореи. В работе показано, что на определенном этапе модернизации авторитаризм может содействовать ее продвижению. Однако именно в этом случае он объективно готовит почву для своего собственного ограничения и последующей политической демократизации.

Prozorovskiy A.S.

Political Leader and Modernization in the East: The Case of Indonesia and South Korea in the Second Part of the 20-th Century.

The book by Anatoly Prozorovskiy is dedicated to the experience of modernization and its political support in two Asian countries – Indonesia and South Korea. The book is focused on the role of national political leader and on the phenomenon which is defined as authoritarianism of development. Comparing the two varieties of this type of authoritarianism, the author points to a number of similarities as well as differences determined by the political, socio-economic and cultural specifics of Indonesia and South Korea. In Prozorovskiy's view authoritarianism may at times demonstrate its efficiency as promoter of modernization. However, precisely because of this it objectively paves the way to its own limitation and, eventually, democratization.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0207-8

© ИМЭМО РАН, 2009

© А.С. Прозоровский, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	
Глава I. Политическое лидерство: теоретические аспекты	5
Классификации типов лидерства.....	13
Специфика политического лидерства в контексте модернизации.....	13
Модернизаторский авторитаризм.....	18
Глава II. Сухарто и «новый порядок» в Индонезии	22
Индонезия до 1965 г.	25
Завоевание независимости	25
Популизм Сукарно и его крах	26
Индонезийская политическая культура	30
Сухарто – лидер «нового порядка»	34
Армия и политика в Индонезии	37
Переворот	38
Авторитарно-бюрократическая система в Индонезии при Сухарто	41
Экономическая модернизация 70-90х гг.	46
Конец «эры Сухарто»	52
От авторитаризма к демократии.....	59
Глава III. Пак Чжон Хи и форсированная модернизация в Южной Корее 1961-1979 гг.	62
Политические предпосылки южнокорейского авторитаризма	75
Первая республика в Южной Корее	75
Вторая республика в Южной Корее	77
Политическая культура Кореи	81
Третья республика в Южной Корее (1961 – 1979)	84
Приход генерала Пак Чжон Хи к власти	88
Консолидация авторитарного режима	88
Ужесточение методов государственного управления и система «Юсин».....	90
Экономическое развитие Южной Кореи	95
Внешняя политика Южной Кореи при Пак Чжон Хи	98
Правление Пак Чжон Хи: итоги и последствия	104
Южная Корея после Пак Чжон Хи	107
Заключение	108
Литература	119
	127

ВВЕДЕНИЕ

После крушения мировой колониальной системы во второй половине XX в. перед народами, освободившимися от внешней зависимости, встали задачи преодоления экономической отсталости, создания современных политических структур, проведения преобразований в сфере культуры, другими словами – задачи всесторонней модернизации. Если для стран Западной Европы вступление в эпоху Нового времени было процессом во многих отношениях естественно-историческим, то уже в странах, представлявших «второй эшелон» мирового капитализма, – таких, как Россия и Япония, – государству приходилось брать на себя роль локомотива обновления, способствовать созданию крупной промышленности, налаживанию финансовых и транспортных систем. Еще сложнее оказалась роль государства в «третьем эшелоне» (к которому принадлежало подавляющее большинство незападных стран). Там ему выпало руководить процессом модернизации едва ли не во всех сферах общественной жизни, самому создавать необходимые предпосылки данного процесса – так или иначе стимулировать рост национального предпринимательства, формировать экономические и политические институты, правовые нормы, системы образования, выдвигать официальные идеологические установки и пр. Масштабы и сложность этих задач объективно требовали высокой централизации государственного управления. С ней же властные элиты развивающихся стран обычно связывали и перспективу политической стабильности в обществах, разделенных внутри себя многообразными этноплеменными, лингвистическими, религиозными барьерами, – тем более что первые попытки освоения западной демократии оказывались, как правило, неудачными, провоцировали всевозможные конфликты интересов, а нередко и кризисы национальной государственности. Откликом на эти вызовы явилось становление авторитарных режимов на большей части «третьемировского» политического пространства, выдвижение «сильных» лидеров, не просто возглавлявших эти режимы, но претендовавших на роль верховных дирижеров процесса модернизации, пытавшихся диктовать его основные направления, содержание и стилистику.

Сегодня, полвека спустя, авторитарные режимы как будто сдают свои позиции в развивающемся мире. Однако уже тот факт, что в подавляющем большинстве стран Азии, Африки и Латинской Америки процессы модернизации все еще далеки от завершения, предостерегает от поспешных суждений об «окончательной победе» демократии, – тем более, что новые представительные институты зачастую выглядят достаточно шаткими. Как достижения, так и просчеты модернизаторского авторитаризма представляют собой уроки, имеющие значение не только в пределах национально-государственных границ. Успехи и неудачи соответствующих руководителей дают серьезную пищу для размышления всем тем, чья деятельность связана с осмыслением процессов модернизации в современном мире, направлена на практическое содействие их продолжению и завершению. На взгляд автора, приведенные соображения подтверждают высокую актуальность избранной темы.

В качестве объекта исследования в данной работе была взята деятельность национального лидера, стоящего во главе авторитарного режима и координирующего политические, экономические, идеологические усилия власти, направленные на модернизацию периферийного общества. Конкретным же предметом исследования послужила практика государственного управления и социальных преобразований, сложившаяся в Индонезии и Южной Корее в годы, когда во главе этих стран стояли генералы-президенты Сухарто (1967–1998) и Пак Чжон Хи (1963–1979) – яркие представители модернизаторского авторитаризма. За годы их правления Индонезия и Южная Корея значительно продвинулись по пути

социально-экономического развития. Вместе с тем, о трудностях, возникших на этом пути, свидетельствует уже то, что Пак Чжон Хи пал жертвой вершущего заговора (1979), а Сухарто, продержавшийся у власти гораздо дольше, все-таки был вынужден уйти в отставку в разгар Азиатского валютно-финансового кризиса, потрясшего Индонезию не только экономически, но и политически (1998). Стремясь выявить как сильные, так и уязвимые стороны модернизаторского авторитаризма, автор определил хронологический диапазон исследования как вторую половину XX века, охватывающую не только периоды правления обоих диктаторов, но также времена, предшествовавшие установлению диктатур, и события, последовавшие за их падением.

Основной целью исследования был поиск общих моментов и специфических черт, характерных для режимов Сухарто и Пак Чжон Хи, с акцентом на выявление роли верховного лидера в ускорении и регулировании процессов модернизации. Работая в этом направлении, автор решал ряд исследовательских задач. В частности, рассматривались теоретические подходы к изучению политического лидерства как такового, бытующие в современной политической науке; определялись и подвергались анализу основные причины возникновения авторитарных политических режимов в Индонезии и Южной Корее, обозначались этапы их эволюции; выяснялись причины успехов и неудач, сопутствовавших действиям верховных руководителей двух стран.

Проводя изыскания по заявленной теме и стремясь представить объективную картину событий и процессов в изучаемых странах, намерений и поступков их лидеров, автор руководствовался принципами историзма, требующими рассматривать и оценивать те или иные явления в конкретном временном и социальном контексте. Выбор предмета исследования предопределил широкое использование методов сравнительного анализа. Что касается подходов к феномену модернизаторского авторитаризма, то они отрабатывались с опорой на идеи отечественных авторов и авторских коллективов, опубликовавших в свое время такие этапные труды, как «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» (1984) и «Авторитаризм и демократия в развивающихся странах» (1996). Следует особо упомянуть в этом плане концепции первичной, вторичной и третичной моделей капиталистического развития (Н.А.Симония) и трех «эшелонов» мирового капитализма (В.Г.Хорос), а также труды В.Ф. Ли, К.Л. Майданика, Г.И. Мирского, М.А. Чешкова и др.

Прослеживая эволюцию государственно-политических структур независимой Индонезии и Республики Корея, автор пользовался текстами конституций, действовавших в обеих странах в рассматриваемые периоды, сборниками других официальных документов, печатными трудами и текстами публичных выступлений руководителей государств¹. Среди источников этой группы – книга Сухарто «Мои мысли, слова и дела (1992)», книги Пак Чжон Хи «Путь нашей нации (1970)», «Страна, революция и я (1970)», «Построим нацию (1971)», «Сымаиль: новое корейское общественное движение (1979)»². Знакомство с этими публикациями позволило взглянуть на соответствующие политические режимы глазами их лидеров, лучше понять логику и мотивы действий авторитарной власти. С другой

¹ Конституция Республики Индонезии // Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана. М., 1960; Конституция Индонезии 1945 года – творение человека. М., 2000; The 1945 Constitution of the Republic Indonesia. Djakarta, 1966.

² Soeharto. My Thoughts, Words and Deeds – An Autobiography. Jakarta, 1992; Park Chung Hee. Our Nation's Path. Seoul, 1970; *idem*. The Country, The Revolution and I. Seoul, 1970; *idem*. To Build a Nation. Wash., 1971; *idem*. Saemaul. Korea's New Community Movement. Seoul, 1979.

стороны, привлекались труды видных оппозиционеров (в частности, статьи Ким Дэ Чжуна³) с оценками тех или иных аспектов деятельности правящих кругов. В ряде случаев (как, например, при рассмотрении обстоятельств введения чрезвычайного положения в Южной Корее в 1972 г.) полезным было и знакомство с материалами исследовательских служб американского Конгресса⁴. При реконструкции хода общественно-политических событий второй половины XX в. в Индонезии и Южной Корее использовалась отечественная и зарубежная общественно-политическая периодика того времени. В данной связи хотелось бы специально выделить информационно и аналитически насыщенные статьи из гонконгского еженедельника «Фар Истерн экономик ревью»⁵.

Важной составляющей исследовательского процесса было изучение трудов, в которых так или иначе систематизированы сведения о частной жизни и политической деятельности Сухарто и Пак Чжон Хи. Объемистые политические биографии Сухарто опубликованы такими зарубежными авторами, как О.Г. Рудер (1969) и Р.Л. Элсон (2001)⁶. Подчеркнем, что первый из них, имея возможность обозреть лишь первые годы президентства Сухарто (включая 1965-1966 гг., отмеченные жесточайшими проявлениями антикоммунистического террора), сосредоточился на тех аспектах официальной политики, которым сочувствовал вполне. Этого огреха не избежал и Элсон. Но все же его работа охватывает весь период правления Сухарто, подводит основные итоги деятельности последнего, выполнена на богатом фактическом материале и в целом представляется не столь тенденциозной.

Что касается обстоятельств жизни и деятельности Пак Чжон Хи, то они с большей или меньшей степенью подробности излагаются в ряде англоязычных изданий, посвященных становлению его режима и кризисным моментам в его истории, эволюции южнокорейской политической системы и проблематике сосуществования двух корейских государств на протяжении последних 50 лет⁷. Кроме того, ряд фрагментов автобиографического характера содержится в собственных книгах Пак Чжон Хи. Хотя информация, приведенная в них, избирательна и далека от полноты, автор не считал возможным пренебрегать ею.

Характерно, что в советский период отечественные востоковеды не создали специальных работ монографического формата о Сухарто и Пак Чжон Хи – лидерах, в деятельности которых, в силу их откровенной враждебности коммунизму и репрессий по отношению к левым, предпочитали не замечать акцента на ускорение модернизационных процессов. Тем не менее, нельзя не упомянуть, что при выполнении данной работы автор периодически пользовался весьма добротной публикацией М.С. Капицы и Н.П. Малетина – политической биографией первого индонезийского президента Сукарно, дающей хорошее представление об обстановке, в которой формировался как личность и готовился заявить о своих претензиях на власть генерал Сухарто⁸.

³ *Ким Дэ Чжун*. Южная Корея: драмы и надежды демократии. М., 1992.

⁴ См., например: *Korea and the Philippines: November 1972. A Staff Report for Committee on Foreign Relations, United States Senate*. Wash., 1973.

⁵ *Far Eastern Economic Review*. Hong Kong, 1961-1998.

⁶ *Roeder O.G. The Smiling General. President Soeharto of Indonesia*. Djakarta, 1969; *Elson R.L. Suharto: A Political Biography*. N.Y., 2001.

⁷ *Oberdorfer D. The Two Koreas: A Contemporary History*. Addison-Wesley, 1997; *Joungwon Kim. Divided Korea. The Politics of Development. 1945-1972*. New Jersey, Seoul, 1997.

⁸ *Капица М.С. Малетин Н.П. Сукарно. Политическая биография*. М., 1980.

Подготовка монографии предполагала, с одной стороны, изучение трудов, в которых обоснованы теоретические подходы к проблеме лидерства как такового и политического лидерства в частности, а с другой – ознакомление с большим массивом страноведческой литературы.

К наиболее значимым исследованиям первой группы, привлечшим внимание автора, следует отнести монографии американского ученого Джеймса Мак Грегора Бернса и французского политолога Жана Блонделя, а также американского социопсихолога Дж.Белла⁹. Более подробный анализ идей и положений, содержащихся в этих работах, представлен в первой главе данной работы.

Кроме того, ряд отечественных исследований служил источником общеметодологических оценок, связанных с особенностями государства и практикой государственного руководства в незападном мире. Помимо работ, упомянутых при описании теоретико-методологических основ настоящего исследования, необходимо обратить внимание на сборник статей «Общество, элита и бюрократия в развивающихся странах Востока» (научный руководитель и редактор В.Ф. Ли)¹⁰. Будучи новаторской для своего времени, эта книга содержала обоснование особой роли государства в преобразовании пост-колониальных афро-азиатских обществ (включая индонезийское и южнокорейское).

Что касается отечественных и зарубежных исследований по различным аспектам развития и современного положения Индонезии и Южной Кореи, то, работая с ними, автор не в последнюю очередь стремился обозреть «предысторию вопроса» – уяснить, в чем заключались политические, экономические, культурные предпосылки перехода к модернизаторскому авторитаризму в этих странах.

Подчеркнем, что усилиями ряда советских и российских востоковедов создан целый массив исследований, охватывающих различные аспекты новейшей индонезийской и южнокорейской истории. Это, в частности, монографии и статьи о зарождении национально-освободительного движения, политической деятельности крупнейших национальных лидеров, организаций и партий, принимавших участие в антиколониальных движениях, войнах и революциях; о роли, которую играли в революционных процессах местные коммунисты; о положении и борьбе внутри правящих элит по вопросу о выборе государственного курса и пути социально-экономического развития; наконец, но не в последнюю очередь, о тех социокультурных особенностях Индонезии и Южной Кореи, без учета которых изучение политических событий и тенденций в этих странах не будет полноценным. Среди авторов, писавших на эти темы, – А.А. Губер, А.Б.Беленький, А.Ю. Другов, Г.Ф. Ким, В.Ф. Ли, В.М. Мазуров, А.Б. Резников, Н.А. Симония, А.В. Торкунов, В.А. Цыганов, Ф.И. Шабшина¹¹.

События, имевшие место в Индонезии и Южной Корее в течение первых двух послевоенных десятилетий, отражены с достаточной полнотой и во многих

⁹ *Burns J. M. Leadership.* N.Y. e. a, 1978; *Blondel J. Political Leadership: Towards a General Analysis.* L., 1987; *Bell G.D. The Achievers.* Preston-Hill, 1973.

¹⁰ Общество, элита и бюрократия в развивающихся странах Востока. Кн.1-2. М., 1974.

¹¹ Губер А.А. Индонезия. Социально-экономические очерки. М.-Л., 1932; Беленький А.Б. Национальное пробуждение Индонезии. М., 1965; Другов А.Ю., Резников А.Б. Индонезия в период «направляемой демократии». М., 1969; Ким Г.Ф.; Ли В.Ф. Россия и Корея в геополитике евразийского Востока (XX в.). М., 2000; Национально-освободительное движение в Индонезии 1942-1965 г. М., 1970; Симония Н.А. Буржуазия и формирование нации в Индонезии. М., 1964.; он же. Страны Востока: пути развития. М., 1975; Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950-1953 г. М., 2000; Цыганов В.А. Национально-революционные партии Индонезии (1927–1942). М., 1969; он же. История Индонезии. Учебник. Ч.2. М., 1993; Шабшина Ф.И. Южная Корея 1945–1946. Записки очевидца. М., 1974.

иностранных исследованиях – в частности, в трудах Дж. Кейна, В. Вертхейма, Г.Фита, ставших классикой, в монографиях Б. Каммингса, А. Нама, Дж. Пэлэ, пользующихся заслуженной известностью¹². Существуют, разумеется, и работы, написанные непосредственными очевидцами и участниками событий того времени (к примеру, те же публикации Сухарто и Пак Чжон Хи, о которых говорилось ранее).

Важнейшим аспектом подготовки монографии был анализ печатных материалов, посвященных происхождению, сущности и деятельности исследуемых политических режимов, тому систематическому лавированию между отдельными элитарными группировками и подразделениями социума, которое столь характерно для авторитарной власти. Среди наиболее содержательных работ, выполненных в СССР/России и освещающих эти вопросы, – книги и статьи Л.М. Демина, А.Ю. Другова (А.Ю. Юрьева), В.М. Мазурова, Г.И. Мирского, А.А. Прошина, В.В. Сумского, А.А. Тимонина, В.А. Федорова. Г.И. Чуфрина¹³. Говоря об их коллегам, занимавшихся и занимающихся аналогичными темами за пределами нашей страны, прежде всего в США и Австралии, необходимо назвать такие имена, как М. Ватикиотис, Дж. Ким, Д. Кингсбери, Х. Макдональд, Д. Обердорфер, П. Полонка, А. Шварц¹⁴. Особого внимания заслуживают работы А. Шварца, Д. Кингсбери и Д. Обердорфера, для которых характерен очень широкий охват проблем (от экономических и политических реформ до особенностей национального менталитета), в сочетании с привлечением объемного фактического материала.

Постановка вопроса о роли вооруженных сил в процессе модернизации диктуется, применительно к 60–80-м гг. XX в., внутривнутриполитическими реалиями обеих стран. Но если в Южной Корее армию в общем вернули в казармы через некоторое время после переворота, возглавленного Пак Чжон Хи, а за режим полицейского контроля над обществом отвечали прежде всего спецслужбы, то в Индонезии армейское командование активно участвовало в повседневном управлении страной задолго до прихода Сухарто к власти. Для слабого индонезийского государства армия с ее жесткой иерархической структурой была своего рода внутренним стержнем, позволявшим поддерживать в рабочем состоянии всю государственную систему. Об этой ее своеобразной роли подробно писали у нас в советские годы Е.В. Голубева, Г.И. Мирский, Р.Э. Севортян, в ранний пост-советский период – Л.П.

¹² *Cummings B.* The Origins of the Korean War. Vol.2. The Roaring of the Cataract 1947-1950. N.J., 1990; *Feith H.* The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia. N.Y., 1962; *Kahin G.T.* Nationalism and Revolution in Indonesia. 3-d print N.Y., 1955; *Nahm C. A.* Korea. Tradition and Transformation. Seoul, 1988; *idem.* Introduction to Korean History and Culture. Seoul, 1993; *Palais B. J.* Politics and Policy in Traditional Korea. L., 1991; *Wertheim W.F.* Indonesian Society in Transition. The Hague-Bandung, 1956.

¹³ *Демин Л.М., Другов А.Ю. Чуфрин Г.И.*, Индонезия: закономерности, тенденции, перспективы развития. М., 1987; *Другов А.Ю.* Политическая власть и Эволюция политической системы Индонезии (1965-1988). - М., 1989; *Юрьев А.Ю.* Индонезия после событий 1965 г. М., 1973; *Мазуров В.М.* От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин). М., 1996; *Мирский Г.И.* «Третий мир»: общество, власть, армия. М., 1976; *он же.* Исторические корни авторитарных тенденций и факторы, способствующие их сохранению // Авторитаризм и демократия в «третьем мире». М., 1991; Республика Индонезия: политика, экономика, идеология 1965-1977 гг. М., 1978 *Федоров В.А.* Эволюция авторитарных режимов на Востоке. М., 1992; *Прошин А.А., Тимонин А.А.* Неоколониализм США и Южная Корея. М., 1985; *Сумский В.В.* Почему держался так долго и почему рухнул в одночасье индонезийский «новый порядок» // Место и роль государства в догоняющем развитии. М., 1999.

¹⁴ *Polomka P.* Indonesia Since Sukarno. Blackburn, 1971; *Joungwon Kim.* Divided Korea. The Politics of Development. NJ, Seoul, 1997; *Kingsbury D.* The politics of Indonesia. Oxford, 1998; *Oberdorfer D.* The two Koreas: A Contemporary History. Addison-Wesley, 1997. *McDonald H.* Suharto's Indonesia. Blackburn, 1980; *Schwarz A.* A Nation in Waiting. Indonesia in the 1990s. Boulder, 1994; *Vatikiotis M.* Indonesian Politics under Suharto: The Rise and Fall of the New Order. L., N.Y., 1999.

Панченко, а за рубежом – австралийские авторы Д. Дженкинс и Х. Кроуч (уделившие, среди прочего, немало внимания тем принципам ротации военного руководства, которые Сухарто использовал в целях профилактики «брожения умов» в генеральской среде, удаления с политической арены неудобных ему военных группировок и пр.)¹⁵.

Как уже отмечено, авторитарные режимы Сухарто и особенно Пак Чжон Хи в немалой степени способствовали экономическому росту и общему ускорению процессов модернизации. Вопросы экономического роста и развития Индонезии и Южной Кореи нашли подробное освещение в работах Ю.Г. Александрова, М.А. Андреева, В.Я. Архипова, А.А. Бучкина, Л.Ф. Пахомовой, Ю.А. Плеханова, Н.А. Симония, С.С. Суслиной, а также Ён Ми Кима, Дж. Мэки, Р. Робисона и др.¹⁶.

Анализируя экономический курс режима Сухарто, невозможно обойти вниманием феномен так называемого бюрократического капитализма. Охарактеризованный в работах Н.А. Симония как паразитический, этот вид капитализма формировался в Индонезии еще в период «направляемой демократии» и получил дальнейшее развитие при «новом порядке». О влиянии бюрократического капитализма на функционирование индонезийской экономики, об избирательном покровительстве государства отдельным компаниям и лицам, о всякого рода «обменах услугами» между властью и бизнесом говорится также в работах В.Я. Архипова, а австралиец Р. Робисон посвятил этим вопросам крупное монографическое исследование.

Что касается южнокорейской экономики, то ее подъем был неразрывно связан с таким феноменом, как финансово-промышленные группы-*чеболи*. Историю возникновения *чеболей*, их роста и взаимодействия с режимом Пак Чжон Хи подробно освещает южнокорейский исследователь Ён Ми Ким. Многие данные о состоянии экономики Южной Кореи на разных этапах истории этой страны, о государственной политике поощрения индустриализации и промышленного экспорта автор почерпнул в работах С.С. Суслиной.

Становление обоих режимов проходило в условиях противостояния двух мировых систем, что не могло не сказаться на внешнеполитических действиях Сухарто и Пак Чжон Хи. Как для Индонезии, так и для Южной Кореи под властью авторитарных правителей были характерны, при несомненной политико-идеологической ориентации на США и другие страны Запада, определенные противоречия с ними, включая и такие, которые вытекали из различий в понимании текущих задач модернизации. Среди тех, кто преподносит проблемы этого ряда

¹⁵ Голубева Е.В. Государственная бюрократия и политика: Индонезия и Филиппины 70-80 гг. М., 1988.; Мирский Г.И. «Третий мир»: общество, власть, армия.; Панченко Л.П. Армия и модернизация общества. Опыт Индонезии. М., 1994.; Севортян Р.Э. Армия в политическом режиме стран современного Востока. М., 1973; он же. Исторический опыт жесткой власти // Авторитаризм и демократия в «третьем мире». М., 1991; Crouch H. The army and politics in Indonesia. L., 1978.; Jenkins D. Suharto and his Generals: Indonesian Military Politics 1975-1983. N.Y., 1984.

¹⁶ Александров Ю.Г. Современная Индонезия: Аграрная политика 1965-1972 гг. М., 1977; Андреев М.А. Ликвидация экономических позиций голландского империализма в Индонезии. М., 1962; Архипов В.Я. Экономика и экономическая политика Индонезии 1945-1968 гг. М., 1971; Бучкин А.А. Социальная эволюция современной Южной Кореи. М., 1987; Пахомова Л.Ф. Национальный капитал в экономике Индонезии. М., 1966; Плеханов Ю.А. Индонезия: проблемы развития. М., 1980; Симония Н.А. Индонезия. М., 1978; Суслина С.С. Промышленность Южной Кореи. М., 1988; она же. Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 80-х - начало 90-х годов). М., 1997; Eun Mee Kim. Big Business, Strong State 1960-1990. N.Y., Albany, 1997; Robison R. Indonesia: The Rise of Capital. Sydney, 1988; The Chinese in Indonesia: Five essays. Honolulu, 1976.

компетентно, со многими тонкостями и оттенками, назовем Н.П. Малетина и В.Ф. Урляпова, а также М. Лифера и Д. Обердорфера¹⁷.

Процесс ускоренной модернизации не может не проверять на прочность традиционные системы ценностей, складывавшиеся веками. Перед обществом возникает целый комплекс задач, успешное решение которых невозможно не только без четкого администрирования, но и без определенных объединяющих идей, адекватного идеологического обеспечения. Индонезия – одна из тех стран, на примере которых отечественные востоковеды особенно хорошо проработали вопросы, связанные с предысторией и эволюцией официальных идеологий, а также ряда неофициальных идейных течений в условиях авторитарных режимов. Об этом свидетельствуют книги таких ученых, как А.Б. Беленький, Л.М. Ефимова, А.И. Ионова, В.В. Сумский¹⁸.

При работе над монографией автор обращался к научной литературе, в которой подвергнута анализу культурная специфика Индонезии и Южной Кореи, и в особенности их политические культуры. Без знаний об этом зачастую невозможно понять мотивы, которыми руководствовались верховные лидеры при принятии тех или иных решений (не говоря о форме, в которую эти решения облекались). Вопросам социо- и политико-культурного облика рассматриваемых стран посвящен ряд работ таких видных отечественных исследователей, как С.В. Волков, А.Ю. Другов, С.С. Кузнецова, А.Н. Ланьков¹⁹. Опираясь на их достижения, автор не мог оставить без внимания и построения ряда маститых зарубежных авторов (в первую очередь американцев Б. Андерсона и К. Гирца, дающих важные ключи к пониманию политического поведения яванцев как представителей крупнейшего из этносов Индонезии)²⁰.

Поскольку тема экономических и политических изменений в рассматриваемых странах после того, как режимы Сухарто и Пак Чжон Хи прекратили свое существование, также затронута в монографии, автор был должен ознакомиться с литературой, в которой эти изменения так или иначе отражены. Среди материалов, особенно пригодившихся в этом отношении, – статьи Е.П. Бажанова, в которых дан анализ современного политического развития Южной Кореи²¹.

Заключая данный обзор, хотелось бы подчеркнуть, что для целого ряда книг и статей, посвященных Индонезии и Южной Корее второй половины XX в., все-таки характерен скорее акцент на крупных событиях и процессах, имевших место в эпоху господства авторитарных режимов, чем на личностях, помимо которых никакие события и процессы происходить не могли.

¹⁷ Малетин Н.П. Внешняя политика Индонезии 1965-1979 гг. М., 1981; Урляпов В.Ф. Индонезия и международные отношения в азиатско-тихоокеанском регионе. М., 1993; Leifer M. Indonesia's Foreign Policy. L., 1983.

¹⁸ Беленький А.Б. Идеология национально-освободительного движения в Индонезии 1917-1942 гг. М., 1978.; Ефимова Л.М. Современный ислам и политика на зарубежном Востоке. М., 1986; Ионова А.И. «Мусульманский национализм» в современной Индонезии 1945-1965 гг. М., 1972; Сумский В.В. Национализм и авторитаризм. Политико-идеологические процессы в Индонезии, Пакистане и Бангладеш. М., 1987.

¹⁹ Волков С.В. Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987; Другов А.Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим. М., 1997; Кузнецова С.С. У истоков индонезийской культуры. (Яванская культурная традиция XVII-XX вв.). М., 1989; Ланьков А.Н. Политическая борьба в Кореи XVI-XVIII вв. СПб, 1995; он же. Корея: будни и праздники. М., 2000.

²⁰ Anderson B.R.O'G. The Idea of Power in Javanese Culture // Culture and Politics in Indonesia. Ithaca, L., 1972; Geertz C. The Religion of Java. Chicago, L., 1976.

²¹ Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Избранные труды (в 3-х томах). М., 2001-2002.

Особенность данной работы – в том, что в ней предпринята попытка взглянуть на феномены модернизации Индонезии и Южной Кореи с учетом личностного фактора, который придает даже сходным явлениям уникальность и неповторимость. В отечественной (и, насколько можно судить, зарубежной) научной литературе подобный сравнительный анализ еще не проводился

При этом общий взгляд на деятельность Сухарто и Пак Чжон Хи во многом определялся пониманием, что форсированное развитие в странах второго и третьего «эшелонов» мирового процесса модернизации, особенно на начальных своих этапах, едва ли не повсюду протекает при активном участии авторитарной власти. Отсюда – правомерность сделанного в работе акцента на созидательных аспектах деятельности режимов «сильной власти». Подобный акцент, как представляется, отличает данную работу от подавляющего большинства трудов об Индонезии при Сухарто и Южной Корее при Пак Чжон Хи, выполненных отечественными учеными.

Вместе с тем автор стремился избегать апологетики, отдавая себе отчет в том, что можно назвать парадоксами и ловушками авторитарной модернизации. Так, авторитарный режим, озабоченный развитием национального бизнеса и поощряющий его, постоянно рискует переступить черту, за которой властный патронаж оборачивается сращением бюрократической и деловой верхушки, что чревато негативными последствиями.

Немаловажно и то, что социально-экономические сдвиги, вроде бы создающие предпосылки будущей демократизации, в более близкой перспективе отзываются растущей подвижностью различных общественных групп, проявлениями политической нестабильности, вынуждая правителей скорее к дальнейшей централизации власти, чем к мерам обратного рода. С вызовами, как первого, так и второго типа пришлось столкнуться и Сухарто, и Пак Чжон Хи. Взгляд на их деятельность сквозь призму этих вызовов, сопоставление двух генералов-президентов с учетом того, как каждый из них откликнулся на эти вызовы, – является еще одной особенностью данной работы.

ГЛАВА I. Политическое лидерство: теоретические аспекты

Теория политического лидерства – часть политической науки. И, пожалуй, одна из наименее разработанных. Можно сказать, что теория политического лидерства находится пока в процессе становления. Большинство ученых, занимавшихся этой проблемой, считают, что в своих работах они лишь наметили некоторые подходы к созданию настоящей теории²².

Классификации типов лидерства

Определенных успехов в изучении проблемы политического лидерства достигли психологи. Несмотря на то, что цели политологов и психологов при изучении феномена лидерства не совпадают, это не мешает последним использовать свои методы для выяснения природы данного явления. В психологической литературе можно найти многочисленные сведения о характере лидерства в больших и малых группах, классификации лидеров и описание различных стилей руководства.

В качестве примера можно указать на работу американского ученого Джеральда Белла «The Achievers»²³. В этой монографии представлены шесть психологических портретов лидеров и соответствующие им стили руководства. По сути, это попытка нарисовать некие идеальные психологические разновидности лидеров. Кратко рассмотрим их.

Первый тип лидера у Белла называется «Командир». Это дисциплинированный и жесткий с подчиненными руководитель. Он не боится ответственности, но не любит рисковать, поэтому предпочитает действовать проверенными методами. Его действия тщательно спланированы, но часто шаблонны.

«Нападающий», напротив, страдает отсутствием дисциплины. За его склонностью к риску и импровизации скрывается, как правило, отсутствие четко спланированных действий. «Нападающий» склонен к конфликтам, агрессивен, мало способен к сотрудничеству. По натуре он эгоист и разрушитель, стремящийся растоптать как конкурентов, так и партнеров. «Нападающий» может достигать определенных результатов в области созидания лишь при условии, что все делается по его замыслу, а все лавры заранее достаются ему.

«Перестраховщик» – чрезвычайно осторожен. Он очень боится ошибок и ответственности, поэтому его девиз – «кто ничего не делает, тот не ошибается». Впрочем, иногда он способен браться за заведомо непосильные задачи, очевидная невыполнимость которых снимает с него и всякую ответственность в случае неудачи.

«Угодник» прекрасно знает коллектив, в котором работает, мягок и добр в общении с другими. Он постоянно оказывает окружающим множество мелких услуг, превращая их в своих «должников». «Угодник», как правило, довольствуется позицией неформального лидера, является «душой коллектива». Если же в силу обстоятельств он оказывается у руля власти, то природная доброта оказывается для

²² Burns J. M. Leadership. N.Y. e. a, 1978, p. 3.

²³ Bell G.D. The Achievers. Preston-Hill, North Carolina, 1973.

него серьезной помехой. Поддержание дисциплины, требовательность к сотрудникам не в его стиле. Часто он теряет контроль над ситуацией, так как подчиненные, не желая огорчать его, скрывают от него информацию негативного характера.

Цель жизни для лидера-«актера» – «выйти в люди», поэтому карьерный рост и улучшение своего материального положения будут для такого лидера всегда на первом месте. Для достижения этой цели «актер» постоянно стремится произвести впечатление и создать о себе хорошее мнение. Он все время носит маску и исполняет роль человека, принадлежащего к более высокой социальной страте. Люди такого склада глубоко эгоистичны, но в отличие от «нападающих» их поведение тщательно спланировано, а фразы и жесты отточены. «Актеры» любят манипулировать подчиненными, создавать у тех иллюзию участия, а при необходимости перекладывают на них всю ответственность за неудачи.

Наконец, «достигающий результата» (achiever) является собой оптимальный тип руководителя. Он не боится ответственности и способен идти на разумный риск в поисках новых путей решения проблем. «Достигающий результата» всегда планирует свою деятельность, но не страдает шаблонностью подобно «командиру». Развивая у себя и подчиненных творческий подход к работе, он способствует оздоровлению атмосферы в коллективе и повышению работоспособности сотрудников.

Подобные психологические портреты, несомненно, имеют право на существование. Все шесть типов отличаются друг от друга и имеют ярко выраженные черты. Конечно, как признает сам Белл, личность, а тем более лидер, обычно бывает шире классификационных рамок и, как правило, обладает качествами, присущими сразу нескольким психологическим типам. Тем не менее, наличие такой классификации облегчает изучение реальных политических лидеров и порой позволяет выявить некоторые особые, на первый взгляд, незаметные их стороны.

Теперь обратимся к исследованиям в области собственно политической науки. Политическое лидерство трактуется в них как один из аспектов власти. Основное отличие лидерства от власти, по мнению американского ученого Джеймса Мак Грегора Бернса, заключается в том, что «власть реализует свои цели независимо от того, насколько они совпадают с целями объектов власти, лидерство же исходит из мотивов последователей»²⁴. Иными словами, лидер неразрывно связан со своими последователями и не может ставить цели, в которых последние не заинтересованы. Из всех типов лидерства политическое лидерство является наиболее могущественным и всеобъемлющим. При схожем содержании оно может принимать различные формы в зависимости от самого лидера.

Джеймс Мак Грегор Бернс в своей монографии «Leadership» предлагает различать лидеров исходя из мотивов, с которыми они идут во власть. Подобный подход позволяет ему выделить два типа лидеров – «деловой» (transactional) и «преобразовательный» (transforming). «Деловой» лидер стремится к власти как таковой, его мотивами могут быть властолюбие, жажда богатства, славы, престижа. Он по сути обменивает свою предвыборную программу на голоса избирателей, а придя к власти, может ограничиться косметическими изменениями. «Преобразовательный» тип лидера ориентирован в первую очередь на проведение широкомасштабных изменений, его цель – достижение реального улучшения положения дел, как он это понимает.

²⁴ Burns J. M. Leadership., p. 18.

Бернс рассматривает любого лидера в первую очередь как личность. Отсюда особое внимание уделяется процессу становления лидера, а именно его детству и юности. При этом исторические условия, на фоне которых происходит формирование будущего лидера, отходят на второй план, уступая место отношениям в семье, друзьям, образованию и воспитанию. Особое место отводится так называемым «критическим точкам», то есть поворотным моментам в жизни лидера, событиям, повлиявшим в наибольшей степени на формирование характера и устремлений политика.

Иной взгляд на проблему политического лидерства высказывается французским политологом Жаном Блонделем²⁵. Если Бернс выдвигает на первый план мотивы, то есть внутренние побуждения того или иного лидера, то Блондель исходит из того, что действия лидера обусловлены определенной ситуацией.

Лидерство, рассуждает Блондель, теснейшим образом связано с осуществлением власти. Это значит, что, с одной стороны, лидер имеет власть, а с другой стороны, имеющий власть может стать лидером. Процесс превращения властимущего в лидера зависит от конкретной ситуации. Она как бы выносит подходящих людей из среды «управленцев» на поверхность политической жизни. В этой связи Блондель полагает важным выявление критерия, с помощью которого можно будет отделить «настоящих» лидеров от массы рядовых управленцев²⁶. С помощью детальной классификации Блондель устанавливает в качестве такого критерия масштаб деятельности политика. Иными словами, отличие политического лидера от простого функционера заключается в наличии у лидера качеств, востребованных конкретным моментом, и в более крупных масштабах деятельности.

Свою классификацию лидеров Блондель представляет в виде таблицы, где по горизонтали расположены направления в политике («консерватизм», «реформизм», «радикализм»), а по вертикали – масштаб деятельности лидера («широкий», «средний», «узкий»). Каждый тип политического лидера имеет собственное название в классификации. Так, лидеры широкого масштаба – это «спаситель», «патерналист» и «идеолог»; лидеры среднего масштаба – «успокоитель», «модернизатор», «реформатор»; наконец, лидеры узкого масштаба – «управляющий», «корректировщик» и «новатор». Рассмотрим подробнее, что представляют собой данные типы.

«Спасители» приходят к власти в критический для государства момент, как правило, во время войны. Высокая степень внешней угрозы, как, впрочем, и степень консенсуса между различными силами внутри страны позволяет такому лидеру эффективно действовать. Но у него нет времени на реформы, он призван спасти то, что есть.

«Патерналисты» проводят в жизнь умеренные реформы, позволяющие использовать передовой опыт в сочетании с традициями своей страны. Такие лидеры обычно активны как внутри государства, так и на международной арене, где порой ведут себя агрессивно. Деятельность «патерналистов» сопровождается ростом внутренней нестабильности, что является нормальным явлением для «эпохи перемен».

«Идеологи» приносят в политическую жизнь страны новую идеологию, в которой отражены их основные цели. Это, как правило, революционеры, руководствующиеся масштабными доктринами переделки общества и

²⁵ *Blondel J. Political Leadership: Towards a General Analysis.* L., 1987.

²⁶ *Ibid*, p. 12.

мироустройства. В обычных условиях они редко способны прийти к власти, поэтому пользуются сильной внутренней нестабильностью, позволяющей им мобилизовать те или иные слои общества под своими лозунгами.

«Успокоители» действуют в условиях внутреннего мира и стабильности. Их задача – поддержание у людей ощущения защищенности и уверенности в могуществе государства. Лидеры данного типа консервативны и действуют больше речами, нежели делами.

«Модернизаторы» являются своего рода умеренными реформаторами. В отличие от «патерналистов» они более сдержанны. Обнаруживая застойные тенденции в той или иной области, они находят способ вдохнуть жизнь в существующую структуру, не осуществляя кардинальных изменений, реанимировать отжившие идеи, сделав их снова популярными.

«Реформаторы» приходят к власти, когда общество находится в состоянии кризиса. Эти лидеры находят выход из создавшейся ситуации, предлагают новый курс, новые цели. Они концентрируют внимание на сфере, наиболее пораженной кризисом.

Лидеры узкого масштаба – это, по большей части, профессиональные управленцы, представители высших слоев бюрократии, министры. Они не ставят перед собой и обществом такие цели, какие обязан ставить крупный политический лидер.

«Управляющие» решают ежедневные проблемы, с которыми сталкивается государство. Их задача поддерживать функционирование системы. Они не имеют склонности к улучшениям и модернизации системы, чрезвычайно осторожны, консервативны, и находиться у власти им, как правило, позволяет сама ситуация, не требующая от них принятия далеко идущих решений.

«Корректировщики» отличаются от предыдущего типа способностью к улучшениям того или иного звена государственной системы.

«Новаторы» – это по сути реформаторы в узком масштабе. Такие люди способны к проведению серьезных изменений в вверенной им части системы. Из под пера таких руководителей могут выходить и проекты крупных реформ, которые в дальнейшем осуществляются (или не осуществляются) лидерами широкого и среднего масштаба.

Стремясь сделать свою классификацию более «одушевленной», Блондель обращается к таким деятелям как Черчилль, Бисмарк, Ленин, используя их в качестве примера «спасителя», «патерналиста» и «идеолога».

Широко известен также подход Макса Вебера, который делил политических лидеров на традиционных, рационально-легалистских и харизматических. Вебер исходил из того, что определенному уровню политического развития соответствует свой тип политического лидерства. Так, рационально-легалистский тип лидера возникает преимущественно в государстве с развитой политической системой, проверенной временем конституцией, разделением властей, свободными выборами и т.п., иными словами, в условиях более или менее устоявшегося демократического общества. В более отсталом же обществе, не обладающем вышеперечисленными чертами, формируется иной тип лидерства – традиционный.

Особое место у Вебера занимает харизматический тип лидера. Харизма – слово из библейского лексикона, означающее «благодать», «божественный дар». Применительно к политике Вебер трактует харизму как особый тип авторитета. Как таковая, харизма может быть присуща лидерам любой политической системы, однако в странах с рационально-легалистской системой время нахождения лидера у власти законодательно ограничено. Это не позволяет харизме проявиться

полностью, более того, она не является главной составляющей политического облика лидера. Напротив, когда в обществе не существует надежно работающих институтов власти, тогда многое зависит от личности руководителя. Если политик обладает авторитетом, имеет ощущение собственного предназначения, сильную волю и способен вести за собой, то тогда о нем говорят как о харизматической личности.

Оценивая в целом представленные классификации, можно признать их определенную полезность. Они способствуют упорядочению материала, выделяют типы лидерства, имеющие место в действительности. Некоторые разновидности лидерства, по разному обозначенные в различных классификациях, близки друг другу (например, «харизматик» и «спаситель»). Это свидетельствует о том, что указанные типы отражают некую реальность.

Вместе с тем в указанных подходах есть и слабые стороны. Вызывает сомнение тезис о том, что власть, в отличие от лидерства, реализует свои цели независимо от общества. На деле власть для осуществления своих целей не может не опираться хотя бы на какую-то часть общества и не выражать чьи-то интересы. Не слишком убедительно выглядит разграничение на «патерналистов» и «модернизаторов» (и те и другие объявляются умеренными реформаторами), на «модернизаторов» и «реформаторов» (не видно, в чем их реальное различие), а также отделение их от «новаторов».

Но главное возражение, как нам представляется, состоит в том, что авторы вышеописанных моделей ограничиваются в основном личностно-психологическими и функциональными характеристиками лидерства. Конечно, важно выяснить, как и почему тот или иной деятель стал политическим лидером, были ли у него к тому природные задатки, имелась ли у него склонность к реформированию или консерватизму, насколько он был способен сплотить вокруг себя последователей, и т.д. Но не менее, а более важно определить *содержание и результаты* его деятельности – какого характера были проводимые им преобразования, насколько они отвечали объективным потребностям общества в соответствующую эпоху, в какой мере он смог уловить требования своего времени. Иначе говоря, тип лидера должен быть понят на фоне конкретной исторической ситуации, определенного этапа развития общества, в контексте соответствующих общественно-исторических и социокультурных традиций.

Поэтому, скажем, подведение Жаном Блонделем Черчилля под категорию «спасителя», Бисмарка – под категорию «патерналиста», Ленина – под категорию «идеолога», мало что говорит о характере их политической деятельности, которая в силу несхожести времени и места была различной по своей направленности. Точно также не слишком работает сопоставление, к примеру, Дж. Бернсом Гитлера, Вильсона и Ганди, действовавших на стадийно различных исторических этапах.

Последнее соображение имеет прямое отношение к нашей теме. Ибо предметом рассмотрения в настоящей работе являются политические лидеры развивающихся стран, так называемого третьего мира, перед которыми стояли исторические задачи иного порядка, нежели в развитых странах с более или менее устоявшимися демократическими структурами. Эти задачи вытекали из специфической исторической ситуации или стадии развития, без учета которой нельзя адекватно оценить деятельность соответствующего политического лидера. Ситуация эта связана с феноменом модернизации, к краткому рассмотрению которого нам предстоит обратиться.

Специфика политического лидерства в контексте модернизации

В широком смысле слова модернизация – это переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Модернизация является длительным историческим процессом, который, начавшись примерно в XVI в., продолжается во многих странах по настоящий день²⁷.

Модернизация – это комплексный процесс. Она охватывает все сферы жизнедеятельности общества – хозяйство, социальную жизнь, политику, право, культуру. Так, в экономике модернизация означает увеличение производительности сельского хозяйства, индустриализацию, развитие транспорта, инфраструктуры и средств коммуникации. Общество оказывается вовлеченным в мировые экономические процессы, при этом научно-технический прогресс начинает играть все более значимую роль.

В социальной сфере модернизация ведет к колоссальному росту социальной мобильности. Происходит дифференциация социальных групп, в том числе и по профессиональному признаку. Урбанизация приводит к оттоку населения из сельских районов в города, начинается рост буржуазии, промышленного пролетариата и средних слоев. В дальнейшем возникает тенденция к относительному сближению доходов различных групп, что становится основным стимулом прогресса производства в условиях рыночного хозяйства. Характерной чертой социальной модернизации является также и развертывание систем массового образования, медицинского обслуживания и социального обеспечения.

Под действием модернизации изменяется и сфера культуры. Традиционные ценности постепенно отходят на второй план, уступая место новым потребностям – как материальным, так и духовным. В своем поведении человек начинает ориентироваться на собственные личные достижения, стремится к самостоятельности, независимости и материальному достатку. Это в свою очередь приводит к автономизации личности, отходу её от религиозного мировоззрения (свойственного традиционным обществам), секуляризации, то есть отделению церкви от государства, и возрастанию роли научного понимания окружающей действительности.

Зрелое модернизированное общество значительно отличается от традиционного по множеству показателей и признаков. Так доля ВНП на душу населения возрастает в десятки раз, индустриальный сектор экономики составляет 70% и более. Разница в доходах различных групп населения не превышает 5-6:1, против 15-20:1 в традиционных обществах. Среднее образование доступно 80-100% населения, а около 30% получают высшее. Охват населения медицинским обслуживанием и средствами массовой коммуникации несоизмерим с показателями доиндустриального общества.

Особой сферой является политическая модернизация. Таковая связана, прежде всего, с глубоким реформированием властных структур. Результатом становится, с одной стороны, обретение обществом большей свободы от государства, некоторое обособление сферы политики. А, с другой стороны, – значительное расширение круга задач, решаемых государством. Происходит разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Политические

²⁷ Здесь и далее мы опираемся на разработки Хороса В.Г. и Симония Н.А. См: Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996; Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984, с. 223-295.

лидеры получают признание на основе собственных заслуг, а не наследственного или иерархического положения. Разграничиваются функции центральной и местной власти, последняя наделяется правами самоуправления. Одним словом, постепенно складывается демократическая система управления.

Политическая модернизация предполагает не только создание новых институтов власти, но и значительное расширение прав и свобод граждан, закрепляемых законом. В модернизированном обществе постепенно складывается широкий комплекс общественных ассоциаций (профсоюзы, правозащитные и другие неправительственные объединения). Все вместе они составляют то, что называется гражданским обществом. С его помощью население выражает свои интересы, влияет на политические структуры и защищает свои права.

Следует помнить, что становление демократической системы и гражданского общества – это длительный и болезненный процесс. Так в Европе политическая модернизация шла через революции и гражданские войны, сменявшиеся господством реакции, а для многих стран Востока путь к демократии пролегал через длительные периоды авторитаризма, о чем будет подробнее сказано ниже.

Характерной чертой процесса модернизации является неравномерность – как в мировом пространстве, так и в историческом времени. Пионерами модернизации стали страны так называемого первого эшелона, – страны Западной Европы (а позднее Северной Америки). Основной чертой модернизации на Западе стало длительное, постепенное складывание новых общественных институтов и элементов буржуазного общества в процессе естественного развития.

Так, идейно-культурные предпосылки модернизации в Европе создавались еще с глубокого средневековья. Наибольшую роль сыграли здесь два процесса – Возрождение и Реформация. Возрождение позволило приспособить наследие античности к потребностям новой эпохи, выдвинуло идеалы гуманизма и человеческого достоинства. Реформация же способствовала утверждению принципа автономии личности. Начав с отстаивания религиозной эмансипации человека, протестанты затем распространили эту тенденцию и на другие сферы — политику, право, экономические отношения и т.д. Важно, что, в отличие от элитарной культуры Возрождения, Реформация овладела массовым сознанием.

Предпосылки для модернизации вызревали более или менее равномерно во всем европейском регионе. Этот процесс облегчался географическим, экономическим и культурным единством европейских стран и народов. Новые идеи и общественные институты вырастали из традиционных и обладали определенной преемственностью. Поэтому, процесс модернизации проходил органично, в естественном темпе, что позволило европейским странам избежать ряда негативных тенденций, присущих модернизации в других странах. На сегодняшний день сообщество стран Запада намного обогнало остальной мир и перешло в так называемую постиндустриальную стадию развития, успешно завершив процесс модернизации.

В остальных регионах модернизация проходила с запозданием и обладала определенными особенностями, значительно отличавшими ее по сравнению с первым эшелонам. Во-первых, начало процесса оказалось сдвинутым на столетия, а во-вторых, что особенно важно, модернизация в обществах запоздалого развития была не столь органичной. Для стран второго эшелона – России, стран Восточной Европы, Турции, Японии – импульс развития в значительной степени исходил от ушедших вперед стран первого эшелона, которые были не только примером, но и угрозой. Если на Западе имела место стихийная модернизация, то в странах второго эшелона модернизация была во многом уже сознательно направляемая. В

результате процесс модернизации во втором эшелоне характеризовался повышенной ролью государства.

Стадия классической, свободной конкуренции здесь как бы пропускалась, ее место занимал своеобразный «государственный капитализм». Происходило активное насаждение «сверху» крупной промышленности, банковских учреждений, велось строительство железных дорог. При этом государство играло неоднозначную роль. С одной стороны, оно давало толчок освоению технико-организационных форм более развитых стран, с другой – консервировало традиционные политические институты, тормозило процесс демократизации и становления гражданского общества. Задача, стоящая перед странами второго эшелона, осложнялась еще и тем, что необходимые стадии модернизации здесь предстояло пройти в более короткий исторический отрезок времени.

Наконец, третий эшелон модернизации – это развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. Начало процесса перехода от традиционного общества к современному в этих странах оказалось еще больше сдвинуто во времени – примерно от середины XIX до середины XX в. Разделяя со вторым эшелонам ряд черт запоздалого развития, страны третьего мира обладают вместе с тем особой спецификой.

Во-первых, это еще большее запаздывание развития в контексте мирового исторического процесса. К тому моменту, когда страны третьего эшелона приступили к построению основ современного общества, страны Центра уже вплотную подошли к вступлению в постиндустриальную фазу. Разрыв в развитии оказался еще более сильным, нежели в случае со странами второго эшелона, а задачи модернизации в отставших обществах усложнились.

Во-вторых, возросла зависимость Периферии от стран Центра. Исторически большинство стран третьего эшелона интегрировались в мировое сообщество через систему колониализма, играя в этой системе роль сырьевых приделков и рынков сбыта для промышленной продукции своих метрополий. Обретение политической самостоятельности во второй половине XX в. в большинстве отсталых стран не ликвидировало их отсталости и зависимости на мировой арене, в то время как экономический рывок, совершенный странами Центра в послевоенные десятилетия, «поднял планку» модернизации для Периферии на почти недостижимую высоту.

Особый момент, который следует отметить, – это сложность адаптации социокультурных традиций к процессу модернизации. Если страны второго эшелона географически были близки к странам Центра (исключение – Япония) и на протяжении своей истории имели немало культурных контактов с ними, то для стран «третьего мира» дела обстояли совершенно иначе. Культура большинства стран с запоздалым развитием сформировалась под влиянием индийской, китайской и других цивилизаций, уходящих корнями в глубокое прошлое. В этих условиях восприятие идей индивидуализма, рационализма и демократии неизбежно сталкивалось с религиозными воззрениями и корпоративно-коллективистской ментальностью большинства общества.

Наконец, процесс модернизации в «третьем мире» совпал по времени с обострением глобальных проблем человечества (демографической, продовольственной, ресурсной и т.д.). Многие из этих проблем особенно остро ударили по Периферии, усложнив и без того нелегкий путь модернизации.

Разумеется, мировая Периферия уже давно не едина. На сегодняшний день большая часть арабских и латиноамериканских стран по-прежнему принадлежит к «третьему миру» с характерными структурными дисбалансами в экономике и социальными контрастами. Существует несколько десятков так называемых

наименее развитых стран (преимущественно африканских), которые находятся в состоянии стагнации и даже деградации. Тем не менее, для некоторых стран Восточной Азии сложные задачи модернизации все же не оказались неразрешимыми. Так называемые новые индустриальные страны – Тайвань, Южная Корея, Сингапур, Гонконг, а вслед за ними Таиланд, Малайзия, Индонезия и ряд других – вырвались или вырываются из Периферии в Полупериферию, а некоторые из них по отдельным показателям даже приближаются к Центру.

Отличительной особенностью модернизации в этих странах была значительная роль государства на «прорывном» этапе. Если, как уже отмечалось, в странах второго эшелона государство активно способствовало созданию крупной промышленности, налаживанию финансовой и транспортной системы, то на Периферии роль государства была еще масштабнее. Зачастую государству предстояло руководить всем процессом модернизации во всех сферах жизни общества. Не случайно, что по началу некоторые из стран третьего эшелона (например, Индонезия) брали на вооружение элементы социалистической модели с ее доминирующей ролью государства, обеспечивающей, в свою очередь, высокую степень мобилизации населения и осуществление масштабных экономических проектов. Впрочем, и в случае движения по капиталистическому пути государство играло доминирующую роль. Особо ярко руководящая и направляющая роль государства проявилась в Южной Корее, где развитие экономики стало важнейшей задачей власти на протяжении нескольких десятилетий.

Другой особенностью модернизации в странах «третьего мира» была первостепенная роль носителя высшей власти в этом процессе. В условиях слабой политической развитости населения основная борьба разгоралась не вокруг партий с их программами, а между лидерами. На лидера же, утверждавшего власть, ложилась многочисленная задача по реформированию экономики и политической сферы. От того, насколько тот или иной деятель обладал видением стоящих перед страной проблем и умением их решать, зачастую зависела судьба всего процесса модернизации.

Проблемы реформирования осложнялись еще и тем, что для достижения наилучших результатов лидер был вынужден в той или иной мере следовать стереотипам традиционной политической культуры и использовать привычные методы политической мобилизации. Трансформация политической культуры должна была осуществляться постепенно, сообразно достижениям модернизации в иных сферах. Иными словами, модернизируя страну, лидер должен был модернизироваться и сам.

Наконец, необходимо было защищать национальные интересы в сложных международных условиях. Холодная война, разделившая мир на два противостоящих лагеря, поставила перед странами «третьего мира» нелегкую задачу внешнеполитического выбора. В этих условиях перед руководством страны (лидером) возникала проблема не только защиты от давления извне, со стороны более развитых стран и глобальных «игроков» на мировой арене, но и выработки идеологии, которая бы сочетала в себе как традиционные национальные ценности, так и идеи модернизации и развития.

Таким образом, лидерам в странах третьего эшелона приходилось действовать в весьма специфической исторической ситуации. Возникавшие перед ними сложные, неожиданные задачи требовали для своего решения не только ума и таланта, но и сильной воли, авторитета и широчайших полномочий. Здесь мы вплотную подходим к рассмотрению (в общих чертах) той системы власти, которая сложилась во многих странах Периферии в 50-70-х гг. прошлого столетия.

Модернизаторский авторитаризм

Обретение политической независимости странами «третьего мира» после Второй мировой войны привело к тому, что, ранее развивавшиеся в рамках системы колониализма, эти страны теперь были вынуждены встраиваться в мировой процесс модернизации как самостоятельные субъекты. Время для трансформации общества и всех его структур было ограничено, а предпосылки модернизации внутри этих стран – весьма слабы. Возникла необходимость форсированного развития, направляемого «сверху».

Время предъявляло спрос на тип национального лидера, по своим качествам близкий к тому, который М. Вебер называл харизматическим. Именно харизматики были способны, опираясь на свой авторитет, сплотить различные политические силы и направить их усилия на скорейшее развитие страны. Следует отметить, что «первое» поколение харизматических лидеров как правило было вынуждено решать задачи, связанные с созданием предпосылок модернизации – завоевание независимости, борьба за политическую целостность государства и мировое признание, выбор пути развития (капитализм/социализм), выработка идеологии (опора на собственные силы, идея «третьего пути», неприсоединение и т.д.). Попытки же прямо скопировать опыт развитых стран в отдельных сферах общественной жизни, прежде всего в политической, быстро натолкнулись на серьезные препятствия. Ведь утверждение системы политической демократии возможно лишь в обществе со сформировавшимися классами, которые обладают достаточным самосознанием и пониманием своих интересов. Такие классы складывались в странах первого эшелона на протяжении веков. В традиционном же обществе социальная структура в значительной мере «размыта», а существующая в нем иерархия к середине XX в. во многом была уже подорвана воздействием колониализма и внешнего модернизационного влияния.

Собственно проблемы модернизации пришлось решать лидерам «второго» поколения, обладавшим меньшей харизмой, но большим прагматизмом. Зачастую их приход сопровождался военными переворотами, был сопряжен с насилием, а результатом имел возникновение многочисленных авторитарных режимов. Данное явление было настолько характерным в 50-70-х гг. XX в. для государств Азии, а также Африки и Латинской Америки, что сегодня мы можем говорить об авторитаризме как о характерном, типичном этапе политической модернизации в странах третьего эшелона.

Термин «авторитарный режим» зачастую ассоциируется с жесткой, диктаторской властью, политическим произволом, преследованием оппозиции и т.п. Но это относится к крайним проявлениям данного феномена, для которых более адекватно понятие «диктатура». В принципе политический авторитаризм, в отличие от демократии, определяется следующими чертами: доминированием государства над обществом, приматом исполнительной власти перед другими ее ветвями, ограничением (в той или иной форме) легальной оппозиции²⁸.

Иными словами, авторитаризм допускает существование легальной политической оппозиции, лишь ограничивая возможности ее функционирования. Свобода слова, печати, собраний и пр. могут сохраняться, хотя бы частично. Сильно возрастает степень контроля над обществом, что, однако, связано с проведением определенной политики развития. Так, если власть осознает необходимость

²⁸ Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996. с.16.

форсированной модернизации (как это было в ряде стран Юго-Восточной и Восточной Азии), то жесткий контроль в определенной мере способствует мобилизации населения для решения поставленных задач.

Таким образом, авторитаризм может стимулировать ускоренное продвижение страны по пути модернизации. Такой авторитаризм называют «авторитаризмом развития» или «модернизаторским авторитаризмом». Если при этом в обществе имеется достаточно высокая степень согласия относительно путей и целей развития, то о таком авторитаризме говорят как об авторитаризме на базе широкого консенсуса.

Выбор авторитаризма в качестве модели политического устройства объяснялся его способностью обеспечивать политическую стабильность, необходимую для успешного экономического развития. Действительно, с приходом «второго» поколения лидеров (Сухарто, Пак Чжон Хи, Ли Куан Ю и др.) возглавляемые ими режимы «прибавляют» в авторитарности и в то же время активно решают задачи экономического развития. Ярким примером может служить Южная Корея. Форсированная модернизация, начавшаяся здесь в начале 60-х гг. под руководством Пак Чжон Хи, вывела на сегодняшний день Южную Корею в число новых индустриальных стран и приблизила по ряду показателей к странам Центра.

Модернизаторский авторитаризм в Южной Корее решал широкий спектр вопросов связанных с необходимостью «организованного» развития. Так, государство взяло на себя задачу планирования экономической деятельности, способствовало концентрации ресурсов на приоритетных направлениях. Опираясь на финансовые и силовые рычаги, власть заявила о себе, как о главном «игроке». В соответствии со своими интересами она установила новые «правила игры» в бизнесе, что выразилось в ограничении частного предпринимательства, в ориентации бизнеса на решение задач, предусмотренных планом экономического развития посредством избирательного кредитования и т.д. Параллельно ограничению подверглось и профсоюзное движение.

Другая причина, по которой авторитаризм оказался наиболее подходящим для развивающихся стран в тот момент заключается в том, что он соответствовал традиционной политической культуре многих стран «третьего мира». Например, в Латинской Америке он во многом опирался на стереотипы «каудильизма». В Азии - в той или иной мере продолжал наследие монархического правления. Да и колониализм практиковал авторитарные методы управления на протяжении веков.

Что касается модернизаторского авторитаризма, то его особенность заключается еще и в том, что он не только опирается на традиционную политическую культуру, но и постепенно трансформирует ее. В той же Южной Корее власть приложила немало усилий для выработки национальной идеологии, которая, базируясь на традиционных конфуцианских ценностях, включала бы в себя комплекс современных идей.

Независимо от особенностей, присущих тому или иному режиму, модернизаторский авторитаризм обладает одним примечательным свойством. Успешно решая вопросы экономического и социального развития, он тем самым постепенно размывает почву собственного существования. По мере экономического прогресса в обществе появляются слои, которые становятся менее зависимыми от власти, начинают требовать сокращения ее контроля, предоставления себе политических прав. Иными словами, такой авторитаризм создает предпосылки движения в направлении демократизации. Далек не каждый режим способен пойти

на такие уступки²⁹. То, каким образом осуществляется переход к демократическим формам правления, зависит от конкретных обстоятельств и в немалой степени от «первого лица».

Бывают и иные варианты авторитаризма. Авторитаризм на базе ограниченного консенсуса подразумевает лишь частичное согласие как между властью и обществом, так и внутри самой власти. В этой ситуации возрастает угроза срыва модернизации или ее замедления. Впрочем, возможно и иное развитие событий, когда успехи модернизаторской политики властей приводят к расширению общественного согласия.

Наконец, встречается авторитаризм при отсутствии консенсуса или в условиях псевдоконсенсуса. В этом случае политика режима либо далека от модернизации, хотя и прикрывается лозунгами о единстве нации, развитии и т.п., либо режим просто не принимается большинством населения страны. Если одиозный режим может быть свергнут относительно быстро, то режим, мимикрирующий под прогресс и модернизацию, имеет шансы просуществовать достаточно долгое время. Такой авторитаризм наиболее опасен, ибо истощает материальные и духовные силы страны³⁰.

Независимо от типа авторитаризма, возникающего в той или иной развивающейся стране, движение по пути модернизации неизбежно сопряжено с рядом объективных трудностей. Первой из них является фактор времени. Если в странах первого эшелона, как уже отмечалось, времени на поиск выхода из различных тупиков существовало достаточно, то для стран Периферии возможность постепенного развития путем проб и ошибок значительно уменьшилась.

Кроме того, имеются и другие проблемы или «ловушки» модернизации. Например, в экономике сектор индустриального производства может оказаться оторванным от остальных сфер народного хозяйства. В социальном плане нередко серьезными препятствиями оказываются значительные разрывы в доходах различных групп населения. Часто наблюдаются диспропорции в развитии города и деревни. В культурной сфере опасность заключается не только в сопротивлении переменам со стороны массового традиционалистского сознания, но и в элитарной отгороженности образованного меньшинства от широких слоев населения. Наконец, в политике модернизация может приводить к таким крайностям, как технократизм, игнорирующий социальные нужды людей, или популизм, приносящий в жертву социальной демагогии эффективность экономического развития.

Разумеется, в каждом конкретном обществе или стране политический авторитаризм или модернизаторский авторитаризм имеет свои особенности, равно как и соответствующую ему роль национального лидера. К рассмотрению этих особенностей на примере Индонезии и Южной Кореи мы и обратимся.

²⁹ Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. с. 18.

³⁰ Там же, с. 17-18.

ГЛАВА II. Сухарто и «новый порядок» в Индонезии

Индонезия до 1965 г.

Колониальная экспансия на островах Индонезии началась еще в XVI веке, и осуществлялась первоначально португальцами, в дальнейшем голландцами и одно время англичанами. Первопричиной захвата островов Индонезии послужило то, что это был район производства пряностей, высоко ценившихся в Европе. Голландская Ост-Индская компания расширяла свой политический контроль на Яве, ставя в вассальную зависимость от себя местных правителей, или просто захватывая земли.

Голландское господство вело к ломке традиционного образа жизни, а жесточайшая эксплуатация вызывала сопротивление индонезийцев. Борьба против колонизаторов велась на протяжении длительного времени, принимая то форму династической борьбы (восстание Трунуджайи 1674 – 1679 гг. и Сурапати 1683-1706 гг.), то проходя под лозунгами джихада (восстание под руководством султана Джокьякарты Дипонегоро, 1825 – 1830 гг.)

Яростное сопротивление народа заставило голландцев пересмотреть свою колониальную политику и перейти к так называемой системе принудительных культур. Смысл ее заключался в том, что крестьяне обязаны были использовать пятую часть своей земли для выращивания пряностей и других культур, которые потом скупались колонизаторами. Остальная земля могла использоваться ими для своих нужд³¹.

Такая политика позволила голландцам укрепить свои позиции на Яве и активизировать проникновение на «внешние» острова архипелага. По сути, именно голландцы создали Индонезию в известных нам сегодня границах, поскольку существовавшие в разное время в этом регионе государства Шривиджайя, Маджпахит, Бантам и Матарам охватывали лишь часть островов архипелага. Название же «Индонезия» фактически закрепилось в обиходе только после Первой мировой войны³².

К концу XIX века колонизаторы предприняли ряд мер для облегчения проникновения частного капитала на острова Индонезии. Здесь стали создаваться условия для промышленного производства, появились крупные плантации и предприятия по обработке сельскохозяйственной продукции, началось железнодорожное строительство, возникали банки. На промышленную основу были поставлены добыча олова, угля. Разведка недр позволила обнаружить месторождения нефти, добыча и торговля которой заложила базу для процветания известной англо-голландской компании Ройял Датч-Шелл (основана в 1907 г.)³³.

Параллельно с проникновением в экономику Индонезии европейского капитала, шло и усиление китайского предпринимательства. Китайцы держали в своих руках значительную долю розничной торговли, массу мелких и частично средних промышленных предприятий, занимались ростовщичеством. Что касается

³¹ Подробнее об этом см: Холл Д. Дж. Е. История Юго-Восточной Азии. М., 1958.

³² Беленький А.Б. Национальное пробуждение Индонезии. М., 1965, с. 86-87.

³³ Об эксплуатации голландскими колониалистами природных ресурсов Индонезии см: Губер А.А. Индонезия: Социально-экономические очерки. М., 1932, с. 234-252.

национальной буржуазии, то она была невелика и слаба, так как ее рост блокировали европейские и китайские и отчасти арабские конкуренты³⁴.

Что касается модернизаторской роли голландцев, то обсуждать ее можно лишь с серьезными оговорками. Жестокая колониальная эксплуатация низов сочеталась с сохранением прав и привилегий туземной аристократии и сознательной консервацией архаических традиций и обычаев. В отличие от Британской Индии, в Индонезии приобщение местного населения к достижениям европейской культуры не поощрялось. Стремления готовить кадры колониальной администрации из индонезийцев, у которых бы местное происхождение сочеталось с европейской образованностью, долгое время не наблюдалось. Лишь на рубеже XIX-XX веков колониальная администрация Индонезии, осознавая, что время безраздельного господства уходит в прошлое, попыталась перейти к политике, направленной на предоставление индонезийцам некоторого самоуправления, при сохранении в стране голландского господства.

Завоевание независимости

Поиск новых подходов в колониальной политике привел к выработке так называемого «этического курса». Его суть сводилась к тому, что голландцы, столь долго эксплуатировавшие природные богатства Индонезии и труд ее населения, должны теперь выплатить этой стране своего рода долг чести, позаботиться о просвещении и развитии народа, о подготовке его к самоуправлению. Ставились задачи укрепить финансовое положение колонии, улучшить благосостояние туземцев путем совершенствования сельского хозяйства, поощрять национальное предпринимательство, развивать образование и здравоохранение.

Конечно, проводя в жизнь «этический курс», голландцы преследовали в первую очередь собственные интересы. Освоение новых островов требовало численного увеличения администрации за счет допуска грамотных «туземцев» на ее низший уровень. Растущая промышленность нуждалась в здоровых и мало-мальски образованных рабочих³⁵. В Индонезии стали открываться школы и колледжи, издаваться газеты и журналы на малайском языке, издавна являвшимся языком межэтнического общения на архипелаге.

Определенный экономический рост колонии и распространение грамотности нашли свое отражение в создании просветительских кружков, а позже профсоюзов и политических партий. Первоначально они носили религиозную, часто мусульманскую окраску. Так, наиболее массовой из этих ранних организаций (1912 г.) стала партия Сарекат Ислам (Союз Ислама). Зародившаяся как объединение яванских торговцев батиком, она призывала поощрять национальное предпринимательство, ратовала за взаимопомощь в борьбе с китайскими конкурентами и чистоту ислама.³⁶

Вместе с тем, в условиях страны с абсолютно преобладающим мусульманским населением лозунги Сарекат Ислам объективно противопоставляли

³⁴ *Беленький А.Б.* Национальное пробуждение Индонезии., с. 40.

Левинсон Г.И. Китайские этнические группы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1986, с. 31, 35.

³⁵ *Беленький А.Б.* Национальное пробуждение Индонезии., с. 47-49

³⁶ *Холл Д. Дж. Е.* История Юго-Восточной Азии., с. 494-496.

колониальному режиму и европейской буржуазии не только национальных предпринимателей, но едва ли не весь индонезийский народ³⁷.

Наряду с организациями исламского характера и другими религиозно-политическими обществами появились партии национально-демократического характера. В мае 1920 г. Индийский социал-демократический союз преобразовался в Коммунистическую партию Индонезии (КПИ)³⁸. 4 июля 1927 г. на местной политической арене появилась Национальная партия Индонезии (НПИ), возникшая на базе «Бандунгского учебного клуба». Подобные интеллигентские клубы появились в середине 20-х гг. в Батавии (ныне Джакарта), Семаранге и Сурабае. Их молодые участники, пытавшиеся разобраться в проблемах политэкономии, истории новейших идеологических течений, стремились разглядеть перспективы социального развития Индонезии. Руководивший Бандунгским клубом молодой инженер Сукарно возглавил и новую партию³⁹.

В программе партии говорилось, – «Национальная партия Индонезии уверена, что важнейшим условием реконструкции всего общественного строя Индонезии является национальная независимость. Поэтому весь индонезийский народ нужно прежде всего нацелить на достижение национальной независимости»⁴⁰. Принимая в свои ряды крестьян, рабочих, мелких торговцев и ремесленников, НПИ скоро достигла численности десяти тысяч человек и стала одной из крупнейших партий в стране.

Видя растущее влияние НПИ, голландские власти неоднократно запрещали ее деятельность, арестовывали руководство партии. Тем не менее НПИ вновь и вновь возрождалась под другими названиями⁴¹. При участии таких деятелей освободительного движения как Мохаммад Хатта и Сутан Шарип возникли и другие патриотические организации. А в мае 1939 г. было создано Индонезийское политическое объединение (ГАПИ) куда вошли Гериндо (преемница НПИ), ряд исламских партий, партия индонезийских католиков, и многие этнические союзы.

Несмотря на вообщем-то верхушечный характер объединения, создание ГАПИ явилось шагом в направлении единого национального антиколониального фронта. Основными лозунгами были требование статуса доминиона, создания парламента и ответственного перед ним правительства⁴². В случае выполнения этих требований, голландцам обещалась поддержка в борьбе с японским милитаризмом, угроза которого становилась все более реальной. Однако власти не прислушались к этим требованиям.

Начало Второй мировой войны поставило голландскую администрацию в очень трудное положение. Ожидать помощи из оккупированных Германией Нидерландов не приходилось, а неспособность колониальной армии отразить японское вторжение была очевидна. Основные надежды возлагались на англо-американских союзников, но после Пирл-Харбора, американцы пересмотрели свою морскую стратегию, ограничившись обороной жизненно важных для США коммуникаций. В результате Индонезия оказалась беззащитной перед лицом

³⁷ Подробнее об истории и эволюции Сарекат Ислам см.: Губер А.А. Избранные труды. М., 1976, с. 78-79.; он же. Индонезия: Социально-экономические очерки., с. 293-311

³⁸ Подробнее о возникновении коммунистического движения и ранней истории КПИ в Индонезии. см.: Беленький А.Б. Национальное пробуждение Индонезии., с. 245, 265.

³⁹ Цыганов В.А. Национально-революционные партии Индонезии 1927-1942. М., 1969, с. 17.

⁴⁰ Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1956, с.68.

⁴¹ Также об истории НПИ см.: Беленький А.Б. Национальное пробуждение Индонезии., с. 61, 118-119.

⁴² Демин Л.М. Японская оккупация в Индонезии. (1942-1945). М., 1963, с. 60.

Цыганов В.А. История Индонезии. Ч.2. М., 1993, с. 38.

Японии. К началу марта 1942 г. голландская армия была разбита и капитулировала, а колониальная администрация бежала в Австралию.

Попытки создать в этой ситуации независимые национальные органы власти не увенчались успехом. Вторгшись на архипелаг, японцы не только не предоставили Индонезии хотя бы ограниченное самоуправление, но даже попытались переkreить ее сложившиеся границы, расчленив страну на три зоны и установив в каждой из них оккупационный режим⁴³. Всякая политическая деятельность была запрещена, все профсоюзы партии и организации были распущены.

Что касается экономики, то в первую очередь японцев интересовала нефть и продовольствие. Добыча же олова, производство каучука, копры и т.п. неуклонно падали, так как милитаризованная японская экономика была не способна поглотить все индонезийское сырье, шедшее раньше на международный рынок. Кроме того, японцы не располагали достаточными средствами для восстановления и переоборудования индонезийской промышленности, дорожной и портовой инфраструктуры⁴⁴.

Сокращение промышленного производства вело к закрытию предприятий и росту безработицы. «Бороться» с этим явлением японцы пытались путем широкой мобилизации индонезийцев на военно-инженерные работы. Подневольные рабочие – так называемых *хейхо* и *ромуся* – тысячами умирали в Бирме, Индокитае и на островах Тихого океана от голода, болезней и жестокого обращения. Всего же за годы японского владычества погибло около четырех миллионов индонезийцев⁴⁵. Ограбление страны, жестокая эксплуатация и принудительная японизация восстановили против оккупантов практически все слои индонезийского общества.

Надежды японцев на панasiatский шовинизм не оправдались, а военные неудачи фашистского блока заставили их пересмотреть свою тактику в отношении Индонезии. С конца 1942 г. они попытались опереться на авторитетных лидеров национального движения, в первую очередь на Сукарно и М. Хатту. Осенью 1943 г. была создана Добровольческая армия защитников родины (ПЕТА), а в 1944 г. японцы заговорили о возможности предоставления Индонезии независимости. 1 мая 1945 г. была учреждена Исследовательская комиссия по подготовке независимости (ИКПН), которой руководил Сукарно. В ее задачи входила разработка государственных основ будущей независимой Индонезии.

1 июня 1945 г. на заседании ИКПН из уст Сукарно впервые прозвучала концепция «панча сила» – пять основополагающих общественно-государственных принципов, на которых должно было строиться новое государство. Они вошли в преамбулу к конституции и провозглашали установление в Индонезии республики, «в которой суверенитет принадлежит народу, на основе Веры в Единого Бога, Справедливой и цивилизованной гуманности, Единства Индонезии и Демократии, основанной на здравом смысле и воплощаемой путем консультаций/представительства в интересах социальной справедливости для всего народа Индонезии»⁴⁶. С этого момента «панча сила» стали идеологической основой антиколониальной и антиимпериалистической национально-демократической революции.

⁴³ Демин Л.М. Японская оккупация в Индонезии., с. 85-86

⁴⁴ Там же, с. 99.

⁴⁵ Цыганов В.А. История Индонезии., с. 43.

⁴⁶ Конституция Индонезии 1945 г. – творение человека. М., 2000, с. 34.; Подробнее об основном законе Индонезии см: Конституция Республики Индонезии // Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана. М., 1960, с. 153-162.

6 августа Сукарно, Хатта и Раджиман (председатель ИКПН) были вызваны в Сайгон, в штаб главкома японских войск в ЮВА Тераути, где получили разрешение на создание всеиндонезийского Комитета по подготовке независимости и обещание, что страна получит независимость в течение месяца. Но возвратившись 14 августа в Джакарту, Сукарно и коллеги столкнулись с тем, что Япония капитулировала. Сложился благоприятный момент для захвата власти не дожидаясь прихода англо-американских войск. В ночь с 16 на 17 августа 1945 г. Сукарно провозгласил независимость страны и создание Республики Индонезии (РИ)⁴⁷. Подобный оборот дел стал для англо-американских союзников полной неожиданностью. Их войска могли высадиться на Яве лишь в конце сентября. Таким образом, власти РИ получали возможность для осуществления ряда важных самостоятельных шагов в области государственного строительства.

Уже 18 августа на заседании Комитета подготовки независимости была принята конституция страны. Она закрепляла независимость унитарного государства на основе «панча сила» и наделяла президента страны огромными полномочиями. Он становился главнокомандующим, главой исполнительной власти, ему было подотчетно правительство. Кроме того, президент имел право действовать в законодательной сфере наравне с парламентом⁴⁸. Конституция устанавливала принцип смешанной экономики, оставляя в собственности государства все ключевые отрасли промышленности и природные ресурсы. На том же заседании Сукарно был единогласно избран президентом.

Высадка союзников на Яве привела к завершению мирного этапа революции и попыткам голландцев силой вернуть Индонезию под свой контроль. Хотя эти действия натолкнулись на стойкое сопротивление республиканских войск, сорвать голландское наступление сразу не удалось. В 1947 г. в целях ослабления Республики на захваченных островах голландцами были созданы Соединенные Штаты Индонезии (СШИ). Однако одновременно с этими победами произошло ухудшение отношений Нидерландов с рядом европейских держав, осудивших агрессию.

Второе наступление (1948 г.) привело к захвату голландцами почти всей территории Индонезии, но в то же время к повсеместному подъему партизанской борьбы. «Вторая колониальная война, развязанная голландцами, привела к результатам противоположным ожидаемым. На базе общенародного сопротивления... спонтанно развернулось восстановление единого антиимпериалистического фронта, причем этот процесс распространился на всю территорию бывшей Нидерландской Индии»⁴⁹.

Не менее ощутимой, нежели военные проблемы, для голландцев была и критика в их адрес, звучавшая на международной арене. По инициативе Дж. Неру в январе 1949 г. в Дели собралась конференция 14 азиатских государств и Австралии, сурово осудившая интервентов и потребовавшая вывода их войск со всего архипелага. Индия, Цейлон, Пакистан, Бирма и Саудовская Аравия закрыли для голландцев все свои морские и воздушные порты. Движение в защиту Индонезии пользовалось поддержкой и в СССР, соцстранах, и даже в Западной Европе, включая Нидерланды. Многие голландские солдаты отказывались воевать против РИ. Американская пресса обнародовала тот факт, что голландцы ведут войну в

⁴⁷ Подробнее об обстоятельствах провозглашения независимости см: *Демин Л.М.* Японская оккупация в Индонезии., с. 197-198. *Другов А.Ю.* История Индонезии: XX век. М., 2005, с. 135-136. *Цыганов В.А.* История Индонезии., с.47-48.

⁴⁸ *Цыганов В.А.* История Индонезии., с. 60.

⁴⁹ Там же, с. 85.

Индонезии на средства, получаемые по плану Маршалла, причем, из 400 млн. долл., предоставленных Нидерландам в 1948 г., в военных целях было израсходовано 348 млн. долл. Совет Безопасности ООН принял резолюцию с требованием прекращения огня, а приближавшаяся сессия Генеральной Ассамблеи ООН, включившая в повестку дня рассмотрение индонезийско-голландского конфликта, грозила голландцам полной изоляцией⁵⁰.

К 15 августа 1949 г. было достигнуто прекращение огня, а затем на Конференции круглого стола в Гааге, Нидерланды были вынуждены безоговорочно признать суверенитет Индонезии. Последней попыткой удержать этот регион под голландским контролем было принятие решения о том, что Республика Индонезия должна стать одним из равноправных штатов в составе США. Это был шаг, направленный на разделение и ослабление страны.

Однако Индонезии удалось избежать центробежных тенденций, столь часто возникающих в новых суверенных государствах. Чувство общеиндонезийской солидарности, получившее дополнительный стимул вследствие победы в неравной борьбе, проявилось с особой силой, а унитаризм стал синонимом патриотизма. В результате удалось принять чрезвычайное законодательство, допускавшее слияние штатов с Республикой, и к августу 1950 г. процесс объединения страны практически завершился⁵¹.

Популизм Сукарно и его крах

Индонезийцы по сей день гордятся тем, что свою свободу они обрели в борьбе, с оружием в руках, а не в результате переговоров и уступок со стороны колонизаторов, как это было в Британской Индии. Однако, очень скоро стало ясно, что одной политической независимости для успешного развития страны мало. Перед Республикой встали многочисленные задачи государственного строительства, и первой среди них была задача формирования устойчивого работоспособного правительства.

Проблема была в том, что за годы индонезийско-голландской войны, власть президента сильно ослабла. Зачастую в чрезвычайных ситуациях, какой является война, как правило, обстановка благоприятствует тому, что власть главы государства, укрепляется и становится близкой к диктаторской. В Индонезии же произошло нечто обратное. В тоже время высокий президентский статус Сукарно, при отсутствии выборных органов, использовался правящими кругами Англии и Голландии как предлог для нападков на молодую Республику, изображение ее в виде «креатуры японцев» и нового тоталитарного государства.

Стремясь развеять такое представление об Индонезии, власти пошли на создание временного парламента (КНИП) и передачу ему законодательной власти. По конституции 1950 г. Индонезия преобразовывалась в парламентскую республику с президентом как номинальным главой государства. За Сукарно, оставшемся на этом посту, сохранялись лишь функции главнокомандующего, а также право

⁵⁰ Другов А.Ю. История Индонезии: XX век., с. 161.

⁵¹ Цыганов В.А. История Индонезии., с. 91-93.

ропуска парламента, назначения новых выборов и определения лица, которое будет формировать кабинет⁵².

Если на международной арене все эти меры и способствовали признанию Индонезии как демократической республики, то ситуацию внутри страны они скорее осложнили. Десятки старых и новых партий повели активную политическую борьбу друг с другом. За годы голландской интервенции сменилось несколько правительств, а за период с сентября 1950 г. по июнь 1953 г. – еще три. С начала 50-х гг. неуклонно росло влияние Компартии Индонезии. На выборах 1955 г. КПИ получила 16,4% голосов и вошла в четверку наиболее влиятельных партий, что вызвало настороженность среди гражданских и военных властей⁵³.

Что касается экономики страны, то здесь был достигнут ряд временных улучшений. Бум периода Корейской войны на товары индонезийского экспорта позволил поддерживать сбалансированный бюджет. Однако уже при кабинете Вилопо (1953 г.) ситуация начала ухудшаться.

Характерным для деятельности всех первых республиканских правительств было проведение курса на «индонезиацию экономики». Постепенно были национализированы голландские электростанции, верфи, авиакомпании и т.д. Другой стороной этого процесса было стимулирование частного предпринимательства. Правительства выражали стремление способствовать росту и усилению национальной буржуазии⁵⁴.

Коренным индонезийцам (*прибуми*) выделялись импортные лицензии и продавалась валюта по льготному курсу. Однако, довольно часто *прибуми* просто перепродавали свои кредиты западным и китайским предпринимателям. Особенно широкого размаха такая практика достигла при первом кабинете Али Састроамиджойо (июнь 1953 г. – июль 1955 г.). Результатом стало сокращение валютных резервов страны и рост антикитайских настроений среди населения⁵⁵.

В довершение всего стало проявляться стремление окраин к автономии (поощрявшиеся между прочим США, недовольными индонезийской политикой неприсоединения в разгар «холодной» войны). Полковник Ахмад Хусейн ввел чрезвычайное положение на Суматре, заявив о разрыве с «явацентристским» правительством, не желающим уделять внимание нуждам окраин.

Слабость президентской власти, многопартийность и частая смена правительств обманывали народные ожидания. Неспособность справиться с экономическим кризисом и отсутствие должного внимания к окраинам лишний раз убеждали население в том, что существующая власть не состоятельна. Проявления провинциального партикуляризма встречались и раньше, но тогда они умерялись такими факторами, как победа в войне, обретение единого независимого государства и более благоприятная экономическая ситуация, но времена изменились, и Индонезия оказалась на грани дезинтеграции⁵⁶.

В этой ситуации Сукарно решил на установление нового курса так называемой «направляемой демократии». Помимо принципов «панча сила», изложенных в преамбуле к конституции 1945 г., новую систему подпирала концепция «мархаэнизма». Идеология эта была разработана самим Сукарно еще в довоенный

⁵² Цыганов В.А. История Индонезии., с. 65.

⁵³ Feith H. The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia. Ithaca, N.Y., 1962, p. 434.

⁵⁴ Schwarz A. A Nation in Waiting. Indonesia in the 1990s. Boulder. 1995, p.117.

⁵⁵ Robison R. Indonesia: The Rise of Capital. Sydney, 1988, p. 254-256.

Feith H. The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia., p. 374-377.

⁵⁶ Цыганов В.А. История Индонезии., с. 112.

период при создании НПИ, и являлась разновидностью популизма, идейного течения народнического типа. Сам термин «мархаэнизм» был образован Сукарно от широко распространенного на Западной Яве имени Умар Хайэн. Под «мархаэнами» индонезийский президент понимал «простых людей» «Фактически Сукарно включал в эту категорию всех «бедных индонезийцев» – «мелких крестьян, рабочих, мелких торговцев, владельцев мелких парусников, матросов»⁵⁷.

Как и многие популистские доктрины, «мархаэнизм» испытал на себе идейное влияние других социалистических учений. Сам Сукарно не раз подчеркивал, что его учение представляет собой синтез национализма, исламизма и марксизма. Необходимость единства действий националистов, верующих и коммунистов закреплялась в массовом сознании с помощью формулы НАСАКОМ – одной из популярнейших пропагандистских конструкций времен «направляемой демократии». Основные же задачи нового курса Сукарно видел в противодействии любым видам капитализма и империализма и создании такого общественного и государственного строя, который во всех отношениях обеспечит благополучие мархаэна⁵⁸.

Сукарно считал, что настало время отказаться от идей, некритически заимствованных у Запада. «Индивидуализм, безответственное межпартийное соперничество и полемика погубили национальное единство времен революции. Нужна, считал президент, подлинно индонезийская форма народоправства. Тогда исполнительная власть сможет без помех со стороны неконструктивного парламента «направлять» политические, экономические и культурные процессы...»⁵⁹

По сути готовился возврат от парламентской республики к президентскому правлению в соответствии с конституцией 1945 г. При этом парламентские процедуры планировалось привести в соответствие с традиционными нормами общинного поведения и семейной солидарности. Основными из них были принцип взаимного сотрудничества индивидов и социальных групп (*готонг-ройонг*), принцип всестороннего обсуждения проблем с целью поиска компромиссов (*мушаварах*) и принцип единогласия при принятии окончательного решения (*муфакат*).

Правительство мыслилось как формируемое президентом и подотчетное ему, а не парламенту. Кроме того, президентом была выдвинута идея создания Национального совета, состоящего из представителей провинций и функциональных групп. Под последними понимались общности людей связанных одной сферой деятельности или иными признаками, часто безотносительно к их положению в системе производственных отношений (крестьяне, рабочие, молодежь, женщины). Представление о функциональных группах, связанных узами сотрудничества, было призвано сглаживать социальные антагонизмы и работать на поддержание национального единства.

Особое место в новой системе отводилось вооруженным силам. Свертывание парламентаризма и возвращение к Конституции 1945 г. в условиях политической нестабильности можно было осуществить лишь с помощью армии. Военные, в целом, поддержали президента, так как армия выставлялась одной из функциональных групп, причем критически важной. Таким образом, «направляемая демократия» открывала ей дорогу в политику.

14 марта 1957 г. Сукарно принял отставку очередного правительства и одновременно ввел на всей территории страны военное положение. Началось

⁵⁷ Хорос В.Г. Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. с. 149.

⁵⁸ Там же, с. 151.

⁵⁹ Сумский В.В. Почему держался так долго и почему рухнул в одночасье индонезийский «новый порядок». // Место и роль государства в догоняющем развитии. М., 1999. с. 35.

становление «направляемой демократии». В апреле было сформировано правительство, большинство мест в котором заняли представители Национальной партии Индонезии, а два министерских поста впервые достались военным. В мае–июне был создан Национальный совет, где левые силы оказались представлены очень широко (в частности, коммунисты составляли около 25 %).

До ноября 1957 г. еще предпринимались попытки мирного разрешения конфликта с мятежными генералами на Суматре и Сулавеси. Но после 30 ноября, когда произошло неудачное покушение на Сукарно, президент перешел к активным действиям. В короткие сроки все мятежи были подавлены армией. «Сопротивление оказалось вялым: «борцы за права окраин» успели скомпрометировать себя как авантюристы и грабители, связанные вдобавок с империалистическими силами»⁶⁰. Эта победа чрезвычайно повысила престиж армии. При поддержке ее верховного командования Сукарно сделал решающий шаг к «направляемой демократии», вернув страну летом 1959 г. к конституции 1945 г. Был также сформирован рабочий кабинет, в котором глава государства занял пост премьер-министра, а четвертую часть всех мест заняли военные. Гражданских министров обязали покинуть свои партии, дабы их не связывали партийные установки.

Далее Сукарно выступил с политическим манифестом (МАНИПОЛ), в котором провозглашалось создание «направляемой демократии» и «направляемой экономики». При этом отмечалось, что результатом будет «семейственная демократия без анархии и либерализма и без авторитаризма и диктатуры». МАНИПОЛ стал основой государственного курса. Были проведены изменения и в административном устройстве. Губернаторы были подчинены теперь лишь президенту, отменялся закон о местной автономии⁶¹.

Наконец, Сукарно получил возможность упростить многопартийную систему, сложившуюся в период борьбы за независимость. Еще в 1956 г. он высказывался за то, чтобы «похоронить все партии», видя в многопартийности излишнее подражание Западу. Теперь, когда в его руках оказалось достаточно власти, он принял ряд декретов об упрощении партийной системы. Отныне, допускалось существование только таких партий, которые имели как минимум 150 тысяч членов и 65 отделений на местах. При этом партии должны были быть лояльно настроены по отношению к Конституции 1945 г. и МАНИПОЛу, должны были осудить сепаратистские мятежи и предоставить списки своих членов правительству.

В итоге таких партий набралось десять. Из их представителей был сформирован парламент взамен распущенного в марте 1960 г. Сторонники Сукарно получили в нем большинство мест, а поскольку принятие решений должно было базироваться на консенсусе и единогласии, то парламент вскоре превратился в орган утверждения президентских решений. Несмотря на то, что наличие сильной исполнительной власти и «единогласного» парламента, работающего в соответствии с нормами общинного поведения, во многом соответствовало индонезийской политической культуре, рано или поздно это должно было привести к осложнениям.

Основными силами в стране, были в это время коммунисты и армия, находившиеся в постоянном противоборстве. Ситуация бесперспективности борьбы за власть, в которую Сукарно стремился поставить любые партии и группировки не могла устраивать ни КПИ, ни военных. Сам же президент, воцарившись над

²¹ Цыганов В.А. История Индонезии., с. 112.

⁶¹ Там же, с. 125-126.

функциональными группами и партиями, не уделял при этом должного внимания строительству собственной партии власти, рискуя остаться без поддержки при любом неблагоприятном повороте событий.

В сфере экономики курс «направляемой демократии» не приносил каких бы то ни было улучшений. По подсчетам ООН в 1963 г. на нужды экономического развития Индонезии отводилось около 8% бюджетных средств. Большая же часть бюджета шла на содержание чрезвычайно разросшегося бюрократического аппарата и армии. В экономике основным результатом «направляемой демократии» стал необычайно быстрый и массовый рост бюрократического капитала, то есть капитала, формировавшегося не за счет частного предпринимательства, а за счет незаконного использования чиновниками государственных средств и рычагов власти⁶². По сути бюрократия использовала госсектор в целях личного обогащения, о чем речь пойдет ниже.

Для самого Сукарно сохранение режима постепенно превращалось в самоцель, не связанную с задачами экономического и общественного развития страны. «Ни один социальный слой не выигрывал в стратегическом отношении благодаря политике «направляемой демократии», те же, кто, подобно армии или бюрократической буржуазии, укреплял свои позиции, делали это вопреки официальному курсу, пользуясь его аморфностью, бессилием власти»⁶³.

Индонезийская политическая культура

Для более полного понимания тех процессов, которые в дальнейшем имели место в Индонезии, следует обратиться к содержанию национальной политической культуры. Подобно тому как культура в широком смысле этого слова определяет правила и нормы поведения в различных сферах жизни и деятельности, политическая культура предписывает определенные ценности и нормы поведения в политической сфере. Для Индонезии вопрос политической культуры чрезвычайно важен еще и потому, что здесь национальные и религиозные традиции всегда оказывали очень сильное влияние на социальную и политическую жизнь.

Важную культуuroобразующую и интегрирующую роль в истории Индонезии сыграл религиозный фактор. До того как в XI – XIII вв. в Индонезию пришел ислам, там широко присутствовали буддизм и индуизм. В колониальный период возникли анклавы католицизма и протестантизма. С незапамятных времен существовало и существует большое количество сугубо местных культов и мистических течений, объединяемых термином *кебатинан*, которые отнюдь не всеми воспринимаются как нечто несовместимое с исповедованием той или иной мировой религии. Эта конфессиональная ситуация способствовала формированию ряда социокультурных типов присущих исключительно Индонезии. Известный американский исследователь К. Гирц, занимавшийся этой темой, выделяет среди яванцев, составляющих большинство населения страны, три основных социокультурных типа – *абанган*, *сантри* и *прияи*⁶⁴.

К *абанган* относятся так называемые статистические мусульмане. Представители этого течения лишь эпизодически отправляют мусульманские

⁶² Симония Н.А. Индонезия. М., 1978, с. 30-31.

⁶³ Другов А.Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим. М., 1997, с. 123.

⁶⁴ Подробнее об основных чертах и отличиях индонезийских социокультурных типов см: Geertz C. The Religion of Java. Chicago, L., 1976, p. 5-6.

обряды, пренебрегают шариатом, часто тяготеют к анимизму и мистицизму. В социальном же плане абанган представлены крестьянством, ремесленниками и городскими низами.

Сантри – это правоверные мусульмане, старающиеся руководствоваться исламом во всех случаях жизни, в том числе и в политических вопросах. Они сведущи в мусульманской догматике, в вопросах обрядности и морально-правовых предписаний ислама. Многие из них имеют религиозное образование, совершали хадж, занимали должности священнослужителей и т.д. В социальном плане *сантри*, представлены, как правило, мелкой и средней буржуазией, городской и сельской.

Наконец, *прияи* – это сравнительно узкая группа сочетающая принадлежность к исламской общине с тяготением к наследию яванского индуизма. К *прияи* относят представителей аристократии и чиновничества, сведущих в тонкостях древнеиндийской мифологии, хорошо знакомых с Махабхаратой, Рамаяной и, подобно *абанган*, склонных к мистицизму. Однако, в отличие от *абанган*, *прияи* – обладатели более высокого социального и культурно-образовательного статуса, а их мистицизм носит гораздо более рафинированный характер.

Поскольку основной массой индонезийцев-мусульман являются *абанган*, Индонезия довольно сильно отличается от ряда других мусульманских стран, особенно ближневосточных. Вообще, длительное сосуществование с ранее утвердившимися верованиями и культурами, вплоть до взаимопереплетения с ними, сделало местный ислам сравнительно менее жестким и требовательным.

Религиозно-культурный фактор, сыгравший значительную роль в возникновении упомянутых социальных групп, оказал большое влияние также на политическую культуру, на понимание и трактовку власти и политического лидерства. «В европейской культуре власть представляет собой способность одного индивида навязать свою волю другим индивидам, заставить их поступать в соответствии со своими желаниями... В индонезийском же обществе, в особенности на Яве и Мадуре, власть выступает как проявление божественной энергии, не имеющей конкретной формы»⁶⁵. Эта энергия (*секти*) присутствует везде и количество ее постоянно, но она может концентрироваться в определенных местах, вещах или людях.

Политический лидер, если он хочет добиться успеха, должен учиться аккумулировать эту энергию. Если в странах Запада лидер предпринимает в поисках популярности поездки по стране, выступает перед гражданами или в печати, то в Индонезии, не менее важно посещать святые места, следовать астрологическим прогнозам, выполнять всевозможные тайные обряды и медитировать, ибо это способствует накоплению *секти*.⁶⁶

Трактовкой власти как энергии, которую можно «собирать» и «накапливать», определяется и понимание легитимности власти. В обыденном сознании «настоящим» считается не столько всенародно избранный правитель, сколько тот человек, который своими успехами в управлении сумел доказать, что обладает достаточной энергией власти. Биография лидера в Индонезии имеет особую ценность в случае если она отражает его связь с древними правителями, но и отсутствие такой биографии не является непреодолимым препятствием. Человек с неясным происхождением, но достигший больших политических высот может

⁶⁵ Другов А.Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим., с. 14-15.

⁶⁶ Anderson B.R.O'G. The Idea of Power in Javanese Culture. // Culture and Politics in Indonesia. Ithaca, L., 1972., p. 137.

предстать в глазах индонезийцев потомком древних могущественных правителей, ибо подтвердил на практике, что способен аккумулировать *секти*.

Трудности лидера на пути к власти не являются чем-то предосудительным, ибо, тем самым, он уподобляется героям древнеиндийского эпоса, которые в борьбе за власть тоже неоднократно терпели поражения. Однако, став правителем, лидер больше не может позволить себе промахи и просчеты.

Индонезийцы порой бывают готовы претерпеть от власти многое, но одновременно с этим они предъявляют к ней и весьма высокие требования. Правитель, допустивший неурядицы в государстве, с трудом восстановит свой авторитет, так как в глазах людей он уже частично потерял свою *секти*. Это свидетельствует о его слабости, а в некоторых случаях может быть истолковано как признак его «незаконности».

Само отправление власти пронизано в Индонезии традициями, идущими из глубины веков. Как и во многих других странах Востока, на Яве издавна существовал значительный бюрократический аппарат, на который ложилась основная часть задач, связанных с управлением страной. Правитель же (по крайней мере в идеале) играл роль не столько политически активного деятеля, сколько *рату пинандита* – государя-мудреца, своего рода «неподвижного движителя» жизни государства, от которого исходит магическое благотворное влияние, изливающееся на страну до ее самых отдаленных пределов. В обычных обстоятельствах основу поведения правителя составляло поддержание равновесия между различными политическими и социальными группами и предотвращение прямых столкновений между ними. Вмешиваться в ход событий ему приходилось лишь в исключительных случаях, грозящих нарушением гармонии в рамках всего космоса и социума⁶⁷.

Активным началом государства – носителем исполнительных функций был *патих* (великий визирь), чье «нецарское» происхождение соответствовало возложенным на него задачам. Он возглавлял внешнюю администрацию, держал в подчинении правителей областей и т.д. Впрочем, стиль руководства, при котором человек, обладающий настоящей Властью не должен повышать голос и отдавать прямые, конкретные указания, был распространен на весь бюрократический аппарат⁶⁸. На каждой ступени иерархии у подчиненных вырабатывалась привычка улавливать волю вышестоящих без дополнительных объяснений.

Подводя итог, заметим, что не следует переоценивать роль традиционной политической культуры в современной жизни Индонезии, как не следует переоценивать и модернизирующую роль голландских колонизаторов. Утверждая свое господство над архипелагом, голландцы всячески способствовали консервации традиционных отношений, и при дворах некоторых султанов древняя политическая культура смогла просуществовать до начала XX века.

Пришедшая же на смену колониализму эпоха независимости внесла свои коррективы. В ходе пребывания у власти Сукарно, а в дальнейшем и Сухарто, в значительной мере модернизировали политическую культуру, приспособили ее к сегодняшнему дню, сохранив в ней, однако, многие самобытные черты.

Очень ярко это проявилось в период «направляемой демократии», когда депутаты в парламенте решали текущие вопросы, руководствуясь традиционными

⁶⁷ Кузнецова С.С. У истоков индонезийской культуры. (Яванская культурная традиция XVII-XX вв.). М., 1989, с. 106-107. Также см: Geertz C. The Religion of Java. Chicago, L., 1976, p. 232.; Anderson B.R.O'G. The Idea of Power in Javanese Culture., p. 158.

⁶⁸ McDonald H. Suharto's Indonesia. Blackburn, 1980, p. 6.

нормами общинного поведения, терпеливо добиваясь компромисса и единогласия, а важные политические документы преподносились населению как нечто сакральное.

С приходом Сухарто и установлением «нового порядка» политика стала прагматичнее, а политическая культура приобрела более современные черты. Однако, утверждать, что Сухарто полностью вестернизировал политическую культуру Индонезии, было бы заведомым преувеличением. Этот деятель всегда исходил из того, что правитель является не только средоточием энергии власти, но и силой, примиряющей противоборствующие стороны и поддерживающей равновесие и порядок в государстве. Наглядное подтверждение этому – официальный призыв поддерживать «динамичную стабильность», постоянно звучавший в эпоху «нового порядка».

Сухарто – лидер «нового порядка».

Склонность приписывать главе государства высокое и благородное происхождение, свойственное части индонезийцев, имеет свое объяснение. Согласно традиционным представлениям, получить власть можно, во-первых, с соизволения небес, а во-вторых, лишь путем длительной аккумуляции *секти*. Способностью к такой аккумуляции обладают, прежде всего, люди, ведущие свой род от древнеиндийских богов и героев.

Когда Сухарто стал президентом, пошла молва о том, что он является будто бы внебрачным сыном Султана Джокьякарты Хаменгку Бувоно VIII. Однако из биографии обнародованной творцом это не следовало.

Согласно официальным данным, будущий президент Индонезии родился 8 июня 1921 г. на центральной Яве, а точнее – в деревне Кемусу, неподалеку от Джокьякарты. Отец Сухарто был не последним человеком среди крестьян. В его обязанности входило наблюдение за исправностью системы ирригации и поступлением воды на поля, что было сопряжено с немалой ответственностью в условиях поливного рисоводства⁶⁹.

Поскольку родители мальчика вскоре развелись ему приходилось жить то с отцом, то с матерью, в кругу сводных братьев и сестер, прерывая посещение школы из-за частых переездов. Тем не менее, в отличие от очень многих сверстников, вышедших из крестьянской среды, он все же получил к 18 годам среднее образование⁷⁰.

В конце 30-х гг. юноша недолго поработал в банке, но вынуждено оставил эту работу, после того, как, упав с велосипеда, порвал свой единственный костюм. Вскоре, однако, открылась возможность для новой карьеры. Недобрые вести из Европы и угроза японского вторжения заставили колониальные власти объявить о призыве представителей местного населения в Королевскую армию Нидерландской Индии (КНИЛ). Сухарто встал в строй и довольно быстро дослужился до сержанта.

В годы японской оккупации военная служба Сухарто продолжилась, но теперь уже в рядах созданной японцами «Армии защитников Родины» (ПЕТА). Показав себя человеком дисциплинированным и исполнительным, он был произведен в офицеры, командовал сначала ротой, а потом батальоном.

⁶⁹ McDonald H. Suharto's Indonesia., p. 10.

⁷⁰ Подробнее о детских и юношеских годах Сухарто см: вводные главы Soeharto. My Thoughts, Words and Deeds – Autobiography. Jakarta, 1992.

В период освободительной войны 1945-1949 гг. отряд во главе с Сухарто участвовал в боевых действиях на Центральной Яве. Его имя приобрело известность в связи с одним из ярких эпизодов того времени – партизанским рейдом на Джокьякарту (1 марта 1949 г.), когда удалось очистить от голландцев ряд районов города и удерживать их в течение нескольких часов⁷¹. Тогда партизанский командир познакомился с молодым султаном Хамежку Бувоно IX, европейски образованным аристократом-яванцем, а 20 лет спустя – министром экономики и промышленности в правительстве Сухарто и вице-президентом Индонезии.

Оставшись в армии после войны, Сухарто быстро поднимался по служебной лестнице. В 1957 г. его произвели в полковники и поставили во главе элитной дивизии «Дипонегоро», дислоцированной в его родной провинции Центральная Ява. Заботиться приходилось не только о боевой подготовке вверенной ему части но и об элементарном обустройстве быта солдат и офицеров. А поскольку бюджетные средства, отпускавшиеся на эти цели, были скудны, оставалось изыскивать необходимые суммы окольными путями, на черном рынке, и, с ведома Сухарто, подобные сделки проводились его подчиненными и приближенными⁷². Вообще, уже тогда вокруг него сгруппировались весьма неглупые и ловкие ассистенты, следовавшие за ним к верховной власти, получившие впоследствии генеральские погоны, высокие посты в спецслужбах и правительстве. Подобными путями шли, в частности, Али Муртопо, Йога Сугама, Бенни Мурдани, Суджоно Хумардани. Были и такие, кто оставаясь в тени, но регулярно сотрудничая с Сухарто на ниве финансов и коммерции, со временем вошли в число влиятельнейших и богатейших граждан страны. Таковы, в частности, предприниматели китайского происхождения Лим Сиу Лионг (он же – Судано Салим) и Мохаммад («Боб») Хасан.

С введением 14 марта 1957 г. военного положения возможности Сухарто по части изыскания дополнительных внебюджетных средств значительно возросли. Однако соответствующие начинания чуть было не стоили ему карьеры: высокое начальство прознало том, что вверенная ему дивизия систематически ведет контрабандную торговлю с Сингапуром. В результате Сухарто был снят со своего поста, но в дальнейшем дело удалось замять.

Окончив курсы повышения квалификации в Школе командного состава при генеральном штабе, Сухарто стал в 1962 г. генерал-майором. В дальнейшем он играл важную роль в разработке и ведении военных операций против Западного Ириана и Малайзии. Не будучи особо приближенным к президенту, он стал, однако, в 1963 г. командующим стратегическим резервом сухопутных войск (КОСТРАД). Таким образом, под его началом оказалась самая боеспособная единица Индонезийской армии – десантники-парашютисты, которые сыграют свою роль в консолидации его власти.

Армия и политика в Индонезии

Устойчивость и долговечность «нового порядка» во многом обеспечивалась за счет Национальной индонезийской армии (ТНИ). В момент создания ТНИ (в 1945 г.) в ее состав влились подразделения ПЕТА, созданные японцами. С началом голландской интервенции армия превратилась в символ непреклонной борьбы за независимость. Военные неудачи на первом этапе привели к тому, что армия была

⁷¹ *McDonald H.* Suharto's Indonesia., p. 35-37.

⁷² *Elson R.L.* Suharto: a political biography. N.Y., 2001, p. 72-73.

вынуждена вести по сути партизанские действия. Отсутствие связи между подразделениями, нехватка вооружения, продовольствия и т.п., вырабатывало у командиров привычку полагаться исключительно на свои силы. Армия оказалась на полном самообеспечении. Нередко отдельные командиры занимались контрабандной торговлей, закупая на вырученные деньги оружие.

Завоевание независимости оправдывало применение любых средств, хотя некоторые высокие армейские чины уже тогда проявляли беспокойство по поводу такой «самодостаточности» армии. Генерал Т.Б. Симатупанг писал: «Самообеспечение и финансовая самостоятельность войск и регионов достойны самой высокой оценки в условиях народной войны. Но не превратится ли это в привычку, которую трудно будет искоренить, когда жизнь вернётся в нормальную колею?»⁷³ В дальнейшем оказалось, что привычку военных добывать деньги любыми путями, в том числе и незаконными, и впрямь не удалось искоренить.

Более того, ощущая себя единственной победительницей в войне, армия давала понять гражданским властям, что их заслуги в освобождении Индонезии невелики. Так, принося присягу правительству, первый главком ТНИ генерал Судирман сказал: «Я буду верен и лоялен правительству РИ, исполняющему свои обязанности в соответствии с Конституцией республики и непоколебимо защищающему независимость страны». Таким образом, подчеркивает А.Ю. Другов, Судирман «очертил условия, на которых он и армия были готовы сохранять верность правительству»⁷⁴.

Ситуация для гражданских властей осложнялась ещё и тем, что население за годы войны привыкло во всем полагаться на армию как на первейшего защитника. Как отмечал Сукарно, привычка населения доверяться во всем «зелёным курткам» сохранялась и в мирное время. Он так же отмечал, что в глубинных районах армия берёт на себя функции по наведению и поддержанию порядка, организации местного управления, оказанию помощи населению в вопросах здравоохранения и строительства, и выполняет целый ряд других задач, не входящих в её сферу деятельности в мирное время⁷⁵.

С установлением «направляемой демократии» военные заговорили о «двойной функции» армии. С одной стороны, основной функцией оставалась оборона страны. С другой стороны, ссылаясь на то, что армия – это наиболее образованная и дисциплинированная часть населения, сыгравшая главную роль в завоевание независимости, они требовали позволить ей активно и на законных основаниях участвовать в политической и экономической жизни государства. По сути, это было стремление законодательно закрепить то особое положение в обществе и государстве, которого армия уже добилась.

Доктрина «двойной функции» была опробована на практике при осуществлении «индонезиации» экономики. В 1957 г. возник новый конфликт с Голландией по вопросу Западного Ириана. Поднялась волна политических забастовок на голландских предприятиях в Индонезии. Это встревожило военных, которые объявили, что во избежание анархии армия устанавливает над предприятиями свой контроль. Политический конфликт затянулся до 1962 г., однако армия сумела извлечь из него существенную выгоду. Взяв под контроль компании, она не собиралась передавать их гражданским администраторам. На предприятия было направлено 4 тысячи офицеров-управленцев, якобы для поддержания порядка

⁷³ Цит по: Другов А.Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим., с. 55.

⁷⁴ Цит по: Другов А.Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим., с. 56.

⁷⁵ Там же, с. 56.

и налаживания производства. На деле это дало толчок к ускоренному росту прослойки крупных армейских чиновников, капиталистов-бюрократов (*кабиров*).

Ее представители нанесли огромный вред предприятиям госсектора, как и в целом экономике страны. Растаскивание государственного сектора происходило самыми разными способами. Наиболее распространенным было создание «теневых» предприятий параллельно с государственными предприятиями того же профиля. При этом использовалось сырье и оборудование госпредприятия. Часто госпредприятия брались в аренду с целью «переливания» их доходов в собственные «теневые» структуры, с последующим банкротством государственного предприятия. Используя должностные полномочия, *кабиры* осуществляли распределение государственных заказов между «своими» предприятиями, а также помогали в получении государственных кредитов за крупные взятки (достигавшие иногда половины суммы кредита)⁷⁶.

При этом связь *кабиров* с армией сохранялась. Сама же армия отнюдь не страдала от невнимания верховной власти. Именно тогда происходило ее масштабное перевооружение. Новая техника, в первую очередь советская, поступала в военно-воздушные силы и флот. Создавались элитные подразделения воздушных десантников (РПКАД). Многие офицеры сухопутных войск обучались в США и союзных им странах.

Немалые дивиденды приносила армии и конфронтация с Малайзией. Ведение настоящих военных действий было не в интересах командования ТНИ, но балансирование на грани войны позволяло требовать дополнительных бюджетных средств. Готовность армии к вооруженной борьбе была во многом демонстративной, и не исключено, что часть высших военачальников держало малайзийское командование в курсе своих действительных намерений. Известно, что задания такого рода выполняла группа офицеров индонезийской разведки, находившаяся в Бангкоке. «Как свидетельствует президент Сухарто, сразу после прихода армии к власти те же офицеры начали секретные переговоры с Куала Лумпуром о прекращении конфликта, что позволяет предположить наличие к этому времени налаженных секретных связей между индонезийскими и малайзийскими военными»⁷⁷.

Наконец, армия в этот период активно искала себе союзников, имеющих прочные связи в мире бизнеса. Таким союзником стали китайцы. Положение китайцев было сходно с положением евреев в средневековой Европе. У них покупались товары, брались ссуды, а любые народные волнения, независимо от причины, часто выливались в китайские погромы. Китайская диаспора в Индонезии нуждалась в защите. «Союз между начинающими предпринимателями из числа военных-яванцев и состоятельными китайцами – в некотором роде брак по расчету между крупнейшим из народов Индонезии и самым экономически удачливым из меньшинств – имел свои удобства для каждой из сторон»⁷⁸.

Из сказанного выше видно, что на протяжении всего периода после завоевания независимости армия стремилась к укреплению своего положения, концентрации в своих руках значительных денежных средств и поиску каналов для запуска этих средств в оборот. Однако на этом пути возникал ряд препятствий.

Первым из таких препятствий была КПИ. Коммунисты заняли лояльную позицию по отношению к президенту и его курсу, одобрили МАНИПОЛ, а новый

⁷⁶ Симония Н.А. Буржуазия и формирование нации в Индонезии. М., 1964, с. 87-88.

⁷⁷ Другов А.Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим., с. 108.

⁷⁸ Сумский В.В. Почему держался так долго и почему рухнул в одночасье индонезийский «новый порядок»., с. 35.

лозунг Сукарно – НАСАКОМ, предполагавший сотрудничество националистов, мусульман и коммунистов, открывал им путь в правительство. Объектом критики КПИ избрала *кабиров*, чья хищническая деятельность вызывала негодование широких слоев населения. В результате за годы «направляемой демократии» КПИ сильно увеличила численность своих приверженцев и стала крупнейшей партией Индонезии.

Другим препятствием со временем стал сам президент Сукарно. Популистский «антиимпериалистический» курс с элементами левизны явно не устраивал военных и *кабиров*. Не менее опасными становились внешнеполитические демарши президента. Конфронтация с Нидерландами из-за Западного Ириана дорого обошлась Индонезии. Нидерланды немедленно отозвали в метрополию из плавания все суда, принадлежащие голландским компаниям и всех голландских граждан, (около 46 тысяч) проживавших в РИ, включая и специалистов⁷⁹.

Эти меры существенно дестабилизировали экономику страны. К середине 60-х гг. Индонезия оказалась в условиях глубокого кризиса. Государственный бюджет планировался с огромным дефицитом, который покрывался за счет эмиссии бумажных денег. Если в конце 1962 г. в обращении было около 136 млрд. рупий, то к 1966г. эта цифра выросла до 5 трлн. рупий. Стоимость жизни за этот же период увеличилась в 360 раз⁸⁰. Инфляция приобрела чудовищные размеры и стала представлять угрозу даже для *кабирских* накоплений.

Еще большими осложнениями грозила начавшаяся в этой ситуации конфронтация с Малайзией. Если в случае с Ирианом основную роль должно было сыграть дипломатическое давление, то Малайзию Сукарно собирался «сокрушить» именно с помощью армии. Надо сказать, что армия на этот раз не была уверена в своих силах, тем более, что за спиной Малайзии стояли Англия и США.

Одним словом, к 1965 г. рост численности и влияния КПИ при одновременном обнищании массы населения и признаках физического нездоровья Сукарно, поставил армию перед необходимостью решительных действий, направленных на смену существующего режима.

Переворот

История «Движения 30 сентября» и подоплека государственного переворота 1965 г. – одно из самых темных пятен в истории современной Индонезии. Истинный ход событий восстановить вряд ли когда-либо удастся: слишком многих участников уже нет в живых, слишком усердно «новый порядок», пришедший на смену «направляемой демократии», фильтровал информацию, касавшуюся периода его становления. При всем том, официальная версия событий 1965 г. остается довольно противоречивой.

Летом 1965 г. Сукарно стало известно, что командование сухопутных войск готовит правый государственный переворот. Замысел заговорщиков состоял в столкновении лбами коммунистов и президента, с последующим разгромом КПИ и отстранение Сукарно от власти. В ответ на это группа молодых националистически настроенных офицеров из ВВС, КОСТРАД (стратегического резерва) и президентской охраны во главе с подполковником Унтунгом предложила план ареста генералов-заговорщиков и представление их на суд президента. Сукарно видимо одобрил этот план, хотя точных данных на этот счет нет.

⁷⁹ Цыганов В.А. История Индонезии., с. 121.

⁸⁰ Симония. Н.А. Индонезия., с. 31.

В ночь с 30 сентября на 1 октября 1965 г. резиденции семи высших генералов были блокированы силами «прогрессивного офицерства», вслед за этим генералы были арестованы и вскоре убиты. Спасаться удалось лишь министру обороны Насутиону. Одновременно с этим под контроль были взяты связь и прочие средства коммуникации в Джакарте.

Утром 1 октября по радио было объявлено, что антиправительственный генеральский заговор штабных генералов обезврежен патриотическим «Движением 30 сентября». Тут же было заявлено о роспуске правительства и создании Революционного совета, берущего в свои руки всю полноту власти. Имя президента, который в течение 1 октября находился вместе с главой КПИ Айдитом в штаб-квартире «Движения» на военном аэродроме Халим Пердано Кусума, близ Джакарты, в списках членов Революционного совета не упоминалось. Видимо, узнав о том, что предполагаемые заговорщики перебиты, а Насутиону удалось бежать, Сукарно занял выжидательную позицию и не спешил с одобрением действий Унтунга.

Правомерность действий «прогрессивного офицерства» оказалась под большим вопросом. Внешне складывалось впечатление, что настоящими заговорщиками являются как раз участники «Движения 30 сентября»: ведь это они перебили своих противников, объявили о захвате власти, сформировали ее новый орган и удерживают президента в своей штаб-квартире как заложника (что на самом деле было не так).

Ситуацией воспользовался командующий стратегическим резервом сухопутных войск генерал Сухарто. Он сумел вывести из подчинения Унтунга и обратить против него один из двух батальонов парашютистов. Сделано это было благодаря существовавшей директиве, в соответствии с которой Сухарто, в случае отсутствия Насутиона и Ахмада Яни (командующего сухопутными силами) принимал на себя командование всеми сухопутными силами. Кроме того, этот батальон был оставлен Унтунгом на центральной площади в Джакарте, под палящим солнцем, без воды, продовольствия и четких указаний, что сильно ослабило дух солдат.

Подчинив себе половину войск «Движения», Сухарто сумел в кратчайшие сроки рассеять остальных мятежников. Попытки переворота имели место не только в столице, но также на Центральной Яве и Северной Суматре. Однако и там они потерпели неудачу и были пресечены в кратчайшие сроки. Далее последовали массовые репрессии против коммунистов. Формальным поводом послужила статья в коммунистической газете «Хариан ракьят» с осторожным одобрением «Движения 30 сентября». Террор против КПИ продолжался в течение года. За это время по разным оценкам было физически истреблено от 300 тыс. до 1 млн. коммунистов и сочувствующих компартии (а во многих случаях и тех, кто не имел к ним никакого отношения, но по какой-то причине вызывал враждебность погромщиков).

Прежде чем перейти к рассмотрению дальнейших событий, следует подробнее остановиться на самом перевороте. Обычно в таких случаях принято спрашивать, кому это было выгодно. На сегодняшний день имеется четыре основные версии относительно того, кто режиссировал попытку переворота⁸¹.

Версия первая была выдвинута Сухарто и в дальнейшем постоянно поддерживалась официальной Джакартой. Это версия о КПИ как организаторе событий 30 сентября. Серьезное рассмотрение этой версии побуждает очень многих исследователей усомниться в ее основательности.

⁸¹ Подробнее о версиях переворота см. *Crouch H. The army and politics in Indonesia. Ithaca, L., 1978, p. 101-107.; Anderson B.R.O.'G., McVey R. T. A Preliminary Analysis of the October 1, 1965 Coup in Indonesia. Ithaca, 1971.*

Действительно, Айдит был в штаб-квартире «Движения», но как и Сукарно не проявлял там активности⁸². Кроме него на аэродроме находились 2000 гражданских добровольцев из коммунистических женских и молодежных организаций, собранных для прохождения военной подготовки на случай «империалистического» вторжения в Индонезию⁸³. Дальнейшее развитие событий показало, что эти люди были совершенно не готовы к вооруженной борьбе, и оказались вовлечены в переворот по воле случая.

Косвенным подтверждением того, что компартия как таковая не была инициатором переворота служит на редкость пассивное поведение ее рядовых членов после событий 30 сентября. А.Ю. Другов объясняет это так: «Армия развернула действия против дезориентированных партийных организаций, не получивших никаких указаний от своего руководства и не приученных к самостоятельности. Дисциплина и организованность КПИ, всегда считавшиеся одной из сильных ее сторон, обернулись слабостью»⁸⁴.

Хотя Айдит и ряд других членов Политбюро ЦК КПИ обозначили свою связь с «Движением», масса партийцев ничего об этом не знала и не получила никаких указаний по поводу дальнейших действий. Что касается одобрения «Движения» в коммунистической печати, то к этому мы вернемся чуть позже.

Вторую версию выдвинули известные американские ученые Бенедикт Андерсон и Рут Макви. Заключалась она в том, что события 30 сентября были инициированы группой офицеров из дивизии «Дипонегоро». Причиной, толкнувшей их на подобное выступление, было неприятие положения, сложившегося в высших армейских инстанциях. Согласно Андерсону и Макви, «прогрессивное офицерство» было недовольно коррумпированными генералами, отрекшимися от ценностей революционной эпохи. Судя по всему эти оценки не безосновательны. Деятельность штабных генералов и связанных с ними *кабирос* действительно вызывала недовольство молодых офицеров. Даже про Яни (служившего раньше в «Дипонегоро») говорили, что, став начштабом сухопутных сил, он забыл «дух Джокья» (революционной столицы) и пропитался «духом Ментенга» (элитарного района Джакарты)⁸⁵. Впрочем, следует помнить, что многие из участников «Движения» лишь начинали карьеру в «Дипонегоро», а в 1965 г. уже давно служили в других местах.

В соответствии с третьей версией во главе переворота стоял Сукарно. Информация о готовящемся заговоре в среде высшего генералитета должна была насторожить президента, тем более, что 5 октября в Джакарте готовилось празднование Дня вооруженных сил и в столицу должны были прибыть воинские контингенты из провинции. Действовать было необходимо быстро и решительно. «Его выбор был близок методам восточного правителя. Сукарно не обратился к народу за хотя бы формальной поддержкой, как он не раз делал по разным поводам, а решил обезглавить оппозицию «точечным ударом» силами президентской гвардии и некоторых других безусловно верных президенту подразделений»⁸⁶. Когда же стало ясно, что Унтунг отступил от первоначального плана и генералы убиты, Сукарно не решился одобрить его действия, оставив таким образом «Движение» на произвол судьбы.

⁸² *McDonald H. Suharto's Indonesia.*, p. 43.

⁸³ *Ibid*, p.41.

⁸⁴ *Другов А.Ю.* Индонезия: политическая культура и политический режим., с. 130.

⁸⁵ *Crouch H. The army and politics in Indonesia.*, p. 113.

⁸⁶ *Другов А.Ю.* Индонезия: политическая культура и политический режим., с. 122.

Наконец, четвертая версия выдвинутая видным голландским ученым В. Вертхеймом, определяет самого Сухарто как главного заговорщика. Прямых доказательств в этом случае как будто нет, но имеется немало косвенных, сопоставление которых дает интригующую картину. Из сведений, представленных Вертхеймом, следует, что Сухарто знал о готовящемся перевороте, но ничего не предпринял дабы его предотвратить, хотя в его руках находились элитные подразделения десантников. Похоже, имея определенные разногласия с Насутионом и Яни и в то же время не принадлежа к наиболее влиятельным генеральским группировкам, Сухарто решил не мешать выступлению против ряда высших офицеров, чем бы оно ни было мотивировано. Ведь их устранение могло кардинально улучшить его собственные карьерные перспективы.

Информацию о готовящемся перевороте он мог получить как от разведчиков КОСТРАД во главе с Али Муртопо, так и напрямую от лидеров «Движения». Сухарто знал Унтунга по службе на Центральной Яве и по кампании за освобождение Западного Ириана. Ближе знал он и другого лидера «Движения», полковника Абдул Латифа. Более того, с последним он виделся поздним вечером 30 сентября.

У Элсона эта встреча выглядит следующим образом. В ту ночь Сухарто отправлял своего сына Томми, получившего ожог, в больницу. Латиф нашел Сухарто в палате и сообщил, что «завтра семь генералов доставят к президенту». В ответ Сухарто кивнул и спросил – «кто будет этим руководить»? Латиф назвал Унтунга. На этом разговор закончился⁸⁷. Элсон строит ряд предположений, склоняясь к тому, что здесь имело место простое недопонимание. Мол, Сухарто предполагал, что генералов вызывают «на ковер» к президенту, а Унтунг, как офицер президентской охраны, будет при сём присутствовать. Однако то, что разговор происходил в ночь переворота, не на дому и был столь кратким, наводит на мысль, что Сухарто уже располагал основной информацией о заговоре и лишь уточнил недостающую деталь.

Ночью погибло шесть генералов, войска перемещались по городу, но Сухарто оставался в столице, ничего не опасаясь. Более того, с утра он отправился на службу – в штаб КОСТРАД, который находится как раз на площади Независимости. Президентский дворец, радиостанция и телецентр, выходящие на эту площадь, контролировались войсками «Движения», но здание КОСТРАД не было блокировано, несмотря на то, что имело свою систему связи, способную работать в масштабах всей страны⁸⁸.

Что касается последующего разгрома коммунистов, то он был явно спланирован заранее. Номер «Хариан ракьят» со статьей в поддержку «Движения» появился 2 октября, в это время Сухарто полностью контролировал Джакарту, в том числе столичную прессу, а «Движение» было уже почти подавлено. Б. Андерсон и Р. Макви полагают, что подготовка и публикация этой статьи были явной провокацией, необходимой для разжигания антикоммунистической истерии.

Подводя итог можно сказать, что независимо от того, кто был главным инициатором переворота (армия, КПИ, Сукарно или Унтунг) налицо была полная беспомощность исполнителей. Единственный человек, чьи действия были точны и безупречны, был Сухарто. Он же получил в итоге и максимальную выгоду от всего произошедшего. Это, впрочем, не означает, что он организовал все сам от начала до конца. Правильнее было бы рассматривать его, как деятеля, владевшего разносторонней информацией, усмотревшего в готовящемся перевороте

⁸⁷ *Elson R.L. Suharto: a political biography.*, p.115.

⁸⁸ *McDonald H. Suharto's Indonesia.*, p.46.

уникальную возможность для собственного карьерного взлета и сумевшего хладнокровно воспользоваться ею.

После событий 30 сентября начался полуторагодовой период, в течение которого из рук Сукарно постепенно уходила власть, а Сухарто неуклонно укреплял свои позиции. Активные действия Сухарто в условиях переворота привели к тому, что он был назначен главнокомандующим сухопутными силами взамен убитого Яни. Кроме того, Сухарто возглавил КОПКАМТИБ – специально созданное оперативное командование по восстановлению безопасности и порядка. Этот сыскной и карательный орган с неограниченными полномочиями принялся «наводить» порядок в стране, обрушившись в первую очередь на коммунистов.

Нельзя сказать, что Сукарно не старался сохранить КПИ. Поскольку генералитет всячески саботировал распоряжения президента относительно прекращения репрессий против партии, Сукарно предпринял ряд перестановок в кабинете. Он удалил оттуда Насутиона и требовал роспуска правых молодежных объединений, принимавших участие в антикоммунистических погромах.

В ответ на президента грубо и откровенно надавили. 11 марта 1966 г. дворец Сукарно был блокирован парашютистами КОСТРАД. Президент был вынужден спасаться бегством на вертолете и укрыться Богоре, в своей загородной резиденции. В тот же день его вынудили издать приказ, фактически наделявший Сухарто всей полнотой исполнительной власти для нормализации внутривнутриполитического положения.

Приказ этот получил многозначное название – «Суперсемар» (по первым буквам индонезийского названия «Приказ от 11 марта») «Семар в индуистской мифологии – существо, ниспосланное на землю с миссией покровительства простым смертным и, что было особенно актуально в той ситуации, воспитатель и советник потомков богов»⁸⁹. Вокруг Сухарто возникал ореол спасителя нации. Антипрезидентски настроенные генералы интерпретировали издание приказа как передачу верховной власти. Уже на следующий день КПИ была запрещена.

Позиции Сухарто сильно укрепились, но понимая, что Сукарно – харизматический вождь и открытые посягательства на него могут вызвать недовольство населения, особенно крестьян, Сухарто не настаивал на немедленном смещении первого президента Индонезии.

Сухарто решил осуществлять давление на своего соперника через ВНКК (Временный народный консультативный конгресс). По Конституции он состоял из депутатов парламента и ряда назначенных лиц, и являлся высшим органом власти, которому был подотчетен президент⁹⁰. Конгресс лишил Сукарно статуса пожизненного президента, а приказ от 11 марта был возведен в ранг постановления ВНКК. Таким образом, с юридической точки зрения Сухарто сохранял все свои полномочия, но теперь уже благодаря решению Конгресса. Хотя Сукарно формально еще оставался главой государства, но реальная власть оказалась уже в руках Сухарто, совмещавшего посты министра обороны, главнокомандующего сухопутных войск и руководителя КОПКАМТИБ.

Окончательное воцарение Сухарто было лишь вопросом времени. Индонезия остро нуждалась в иностранной помощи, но другие державы (прежде всего США) обещали помочь лишь при условии политической стабильности. Тем самым они фактически подталкивали Сухарто к окончательному решению вопроса о власти. В феврале 1967 г. под напором многочисленного блока антисукарновских сил, куда

⁸⁹ Другов А.Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим., с. 216.

⁹⁰ Цыганов В.А. История Индонезии., с. 127.

входили многие генералы и связанные с армией *кабирь*, помещики, сельская буржуазия, бюрократия, интеллигенция и ряд правых молодежных организаций, ВНКК отправил Сукарно в отставку. Справедливости ради надо отметить, что Сухарто занимал в вопросе о судьбе Сукарно двойственную позицию. Считая эту отставку необходимой, он тем не менее не допустил судилища над бывшим президентом, а в дальнейшем даже апеллировал к имени и наследию Сукарно для укрепления базы собственного режима.

Авторитарно-бюрократическая система в Индонезии при Сухарто

Новая власть, начав свою деятельность с уничтожения сотен тысяч коммунистов, достигла сразу двух целей: во-первых, был ликвидирован ее главный противник – КПИ, а во-вторых, населению страны было продемонстрировано, что в случае необходимости новая власть не остановится перед самым жестким применением силы. В результате появилась возможность формирования такой системы и такой официальной политической культуры, при которой индивиды не помышляли бы о сопротивлении и признавали бы легитимность «посланной свыше» исполнительной власти⁹¹.

После смещения Сукарно, Сухарто провозгласили сначала исполняющим обязанности президента, а год спустя в 1968 г. – полноправным главой государства. При этом, ранее обещанные парламентские выборы отложили под предлогом невозможности обеспечить должным образом их безопасность. Таким образом, Сухарто дал себе дополнительное время, чтобы упрочить свои позиции, на всех уровнях управления. Наиболее ответственные посты достались людям, с которыми генерал-президент был долгое время связан по службе, и чья личная преданность не вызывала у него сомнений.

В кратчайшие сроки государственный аппарат пополнили многочисленные военнослужащие. «Высшие и старшие офицеры занимали важнейшие посты в государственном аппарате, в центре и на местах. В 1966 г. в 12 из 24 провинций посты губернаторов занимали военные. В 1973 г. их было уже 23, кроме того военные возглавляли 185 из 256 районов (кабупатенов), не считая офицеров на постах мэров городов и начальников уездов. В 16 невоенных министерствах на постах генеральных секретарей было 11 генералов, а на постах начальников главных управлений – 21»⁹². Особо тщательно отбирались кандидаты на руководящие должности в КОПКАМТИБ, спецслужбах и других органах охраны порядка. Зачастую такие назначения получали старшие офицеры, но не яванцы по национальности и не мусульмане по вероисповеданию. Не составляло секрета, что яванское происхождение и приверженность исламу считались обязательными для потенциального кандидата в президенты страны. Неудивительно, что Сухарто старался не назначать людей формально отвечающих этим критериям на ключевые посты в исполнительной власти и силовых структурах.

Другой особенностью стиля руководства Сухарто была постоянная ротация кадров, которая не давала генералам «засидеться» на своих постах в округах и элитных соединениях. Делалось это для того, чтобы основанные на иерархическом подчинении и общей патриархальной культуре отношения в округе или соединении не достигли опасной грани, когда лояльность подчиненных местному военачальнику

⁹¹ Другов А.Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим., с. 140.

⁹² Там же, с. 143.

становится выше верности президенту. «Так, с 1966 по 1978 г. министр обороны сменялся два раза, а на посту командующего стратегическим резервом побывало девять генералов – Сухарто с этой должности начал восхождение к власти и не давал своим преемникам слишком укореняться в этом самом боееспособном объединении»⁹³.

Параллельно с процессом ротации кадров, в рядах вооруженных сил и органов правопорядка шел усиленный поиск членов и сторонников компартии и участников «Движения 30 сентября». Сухарто не желал оказаться в ситуации подобной той, в которой оказался его предшественник. Но одного соблюдения мер безопасности было мало. Для легитимизации режима необходимо было добиться подобного результата на назначенных в конце концов на 1971 г. парламентских выборах.

Однако даже будучи признана функциональной группой армия не могла, подобно политическим партиям, участвовать в выборах: с точки зрения военной организации не должно быть ситуации, когда военный служащий вынужден выбирать между лояльностью своему командованию, правительству и президенту и обязательствами перед избирателями, чьи интересы могут не совпадать с политикой власти⁹⁴. Военным пришлось отказаться от активного и пассивного избирательного права. Вместо этого вооруженные силы получили возможность создавать в представительных органах различных уровней свои фракции путем назначения туда своих представителей. В центральном парламенте на долю военных приходилось до четверти депутатских мандатов.

Другой стороной политической деятельности армии стало руководство прочими функциональными группами и создание их объединения Голкара (от Голонган карья – функциональные группы). Еще в 1957 г. Насутион вел активную работу по налаживанию сотрудничества армии и функциональных групп. Тогда ее приостановил Сукарно, увидевший в ней стремление армии к усилению своего политического влияния. Теперь этот опыт пригодился. Всем государственным служащим было предложено либо, вступить в Голкар, либо оставить службу⁹⁵.

Для обеспечения победы Голкар на выборах были созданы самые благоприятные условия. Государственная поддержка открывала ему доступ к практически неограниченным средствам⁹⁶. Суммы выделенные режимом на его предвыборную кампанию не шли ни в какое сравнение с ресурсами других партий. Точные цифры установить непросто, но достаточно сказать, что деньги в Голкар шли по линии Министерства внутренних дел, и от крупнейшей индонезийской нефтедобывающей компании «Пертамина», и от богатейших китайских бизнесменов⁹⁷.

Помимо отменного финансирования, Голкар имел еще ряд преимуществ. Его кандидаты могли без помех вести предвыборную кампанию, в то время как кандидаты других партий беспрестанно проверялись КОПКАМТИБом и при малейшем подозрении на нелояльность отстранялись от участия в кампании. Часто таким образом выводили из игры наиболее популярных неправительственных кандидатов.

⁹³ Другов А.Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим, с. 150.

⁹⁴ Там же, с. 164.

⁹⁵ Цыганов В.А. История Индонезии., с. 175.

⁹⁶ Nawaz M. B. Indonesia under Suharto. N.Y., 1987, p. 273.

⁹⁷ Ibid., p. 273.

Применялись и совсем уж нехитрые методы. В ряде деревень по ночам армейские автомобили развозили по деревням регистрационные списки избирателей, и военные заставляли всех взрослых жителей расписываться или ставить отпечаток пальца в подтверждение того, что они проголосуют за Голкар. Вести политическую агитацию в такой деревне запрещалось, на том основании, что население уже изъявило поддержку Голкару. Деревня объявлялась закрытой для других агитаторов, а староста водружал на въезде в деревню щит с уведомлением, что данная территория «свободна от партий»⁹⁸.

Как правило в подобных случаях безотказно работали механизмы патрон-клиентных отношений. Достаточно бывало «разъяснить» деревенской верхушке, что голосовать надо за Голкар, чтобы ее примеру последовали сельская беднота и арендаторы.

Неудивительно, что на выборах 1971 г. партии потерпели сокрушительное поражение, а Голкар и фракция вооруженных сил получили в парламенте доминирующие позиции⁹⁹.

Не смотря на эту победу, Голкар нельзя признать правящей партией в точном смысле слова. Ведь армия установила над ним серьезную опеку, и не Голкар направлял своих лидеров для руководства режимом, а, напротив, правящая верхушка, захватившая и удерживавшая власть еще помимо Голкар, направляла своих эмиссаров для руководства этой организацией¹⁰⁰.

Что касается остальных партий, то после выборов 1971 г. идею о сокращении их числа и об «упрощении» партийной системы, которую вынашивал еще Сукарно, претворили в жизнь. В январе 1973 г. четыре мусульманских партии преобразовали в «Партию единства и развития» (ПЕР). А пять христианских и националистических партий, (одной из которых была НПИ) образовали «Демократическую партию Индонезии» (ДПИ). В довершение всего режим попытался нивелировать идеологические различия между реформированными партиями и Голкар. Всем им вменялось в обязанность строить свою деятельность на основе принципов «панча сила». Не только коммунистические идеи, но и постулаты мархаэнизма и «индонезийского социализма», сформулированные Сукарно, были строжайше запрещены военными властями еще в конце 1960-х гг¹⁰¹.

Политическая реформа конца 60-х – начала 70-х гг. стала важной вехой на пути консолидации режима «нового порядка». Логическим завершением этого тура перемен стало переизбрание Сухарто на президентский пост в марте 1973 г.

В значительной степени поддержанию стабильности общественной жизни способствовали и экономические успехи, о чем подробнее будет сказано в следующем разделе. Пока отметим лишь, что объем ВВП Индонезии рос в это время в среднем на 7,6% в год, а в расчете на душу населения на 4,5%. В четыре раза увеличился объем экспорта, заметно пополнились инвалютные резервы страны. Однако именно в этой ситуации, когда положение «нового порядка» представлялось достаточно стабильным, проявились симптомы его недостаточной устойчивости.

Чем уверенней чувствовала себя правящая верхушка, тем в большей степени государственная экономическая политика обслуживала интересы узких групп военной и гражданской бюрократии. Их стремление вкладывать значительные

⁹⁸ Другов А.Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим., с. 168.

⁹⁹ Там же, с. 78-79.

¹⁰⁰ Там же, с. 85.

¹⁰¹ Цыганов В.А. История Индонезии., с. 177.

средства в недвижимость и неутолимая тяга к роскоши способствовали усилению социальных контрастов. Становилось все более очевидно, что официальные декларации о преодолении социальной несправедливости лежат за пределами действительных интересов и возможностей режима.

Характерный пример – деятельность Али Муртопо и Суджоно Хумардани из штата личных помощников президента (АСПРИ), выходцев из дивизии «Дипонегоро» и давних спутников и приближенных Сухарто. Пользуясь своим особым статусом, эти генералы устанавливали контакты с капитанами японского бизнеса, обеспечивали крупномасштабное проникновение японского капитала в экономику Индонезии и извлекали из этого сотрудничества значительные личные выгоды¹⁰². Власть АСПРИ в начале 70–х гг. стала практически бесконтрольной, их действия оценивались многими как несовместимые с национальными интересами страны.

Ядро оппозиции генералам из АСПРИ составили начальник КОПКАМТИБА генерал Сумитро и шеф Бюро по координации разведдеятельности (БАКИН) Сутопо Ювоно. Эти люди настраивались на пресечение коммерческой деятельности офицеров, состоящих на действительной службе и ограничение контактов АСПРИ с японским бизнесом, на некоторую демократизацию политических порядков, позволяющую «выпустить пар из котла» и дать какой-то выход недовольству непривилегированных слоев населения¹⁰³. Их гражданскими союзниками оппозиции стали министры-технократы, тесно связанные с США, и рассматривавшие деятельность АСПРИ как вторжение в сферу своей компетенции, активисты студенческого движения, политизированные интеллигенты и партийно-политические деятели, недовольные ограничениями демократических свобод.

Возможно, что Сумитро, открыто поощрявший критику в адрес верхов во второй половине 1973 г., планировал вынудить Сухарто к отставке и занять его место¹⁰⁴. Обычно очень внимательный к расстановке кадров Сухарто в данном случае допустил просчет – ведь будучи яванцем и мусульманином начальник КОПКАМТИБ имел анкетные данные, позволявшие претендовать на кресло президента.

Кульминация противостояния власти и ее критиков стали события 14-15 января 1974 г., в ходе которых столица была потрясена массовыми выступлениями протеста, погромами китайских кварталов и местных представительств японских концернов, приуроченных к визиту японского премьер-министра К. Танаки. Ввиду того, что примеру бунтующей молодежи последовали представители социальных низов Джакарты, возникла угроза не только личной власти Сухарто, но и всей системе господства военной бюрократии. Потрясения такого масштаба никоим образом не входили в планы Сумитро, ввиду чего он, его союзники и подчиненные были вынуждены участвовать в силовом подавлении беспорядков. 11 человек было убито, 140 ранено и свыше 800 арестовано. Допустив столь массовый бунт против «нового порядка», Сумитро был вынужден подать в отставку. Его соратника Сутопо Ювоно отправили послом в Нидерланды, а высшие должности в КОПКАМТИБ и БАКИН достались соответственно адмиралу Судомо, и генералу Йога Сугама. Оба были давно известны Сухарто и входили в его «ближний круг».

¹⁰² Сумский В.В. Национализм и авторитаризм. Политико-идеологические процессы в Индонезии, Пакистане и Бангладеш. М., 1987, с. 48.

¹⁰³ Сумский В.В. Национализм и авторитаризм., с. 49.

¹⁰⁴ Там же, с. 49.

Поскольку лейтмотивом январских выступлений 1974 г. стало обвинение «нового порядка» в том, что он не принес подлинной демократизации и не повысил народного благосостояния, режиму пришлось озаботиться проблемами социальной справедливости. Были декларированы меры, направленные на содействие национальному предпринимательству и ужесточение контроля за деятельностью иностранных компаний. Группу АСПРИ официально упразднили. Наряду с этим начался поиск новых, более эффективных форм идеологического воздействия на общество.

Отчасти к этому побуждала меняющаяся региональная ситуация. Руководство Индонезии испытывало растущую озабоченность в связи с крупнейшим военно-политическим поражением США, объединением Вьетнама на условиях Ханоя и гипотетической экспансией за пределы Индокитая. Такого рода угрозам следовало срочно противопоставить более привлекательную национальную идеологию¹⁰⁵. Именно в это время в индонезийском политическом лексиконе появляется словосочетание «национальная сопротивляемость». С другой стороны, пора было объяснить собственному народу, по какому пути движется страны, что за общество создается в Индонезии и что требуется в этих условиях от ее населения.

Сразу же после январских событий Сухарто выступил с серией речей, в которых подробно истолковывал смысла «панча сила». Все пять принципов в интерпретации Сухарто так или иначе освящали усилия «нового порядка» по достижению социального мира и динамичного экономического развития.

Подлинная социальная справедливость, убеждал он, возможна лишь на базе развитой экономики, а это последнее, в свою очередь, не мыслимо политической стабильности. Справедливость и гуманизм, объяснял президент, могут установиться лишь при отсутствии деструктивных движений в обществе. Демократически плюрализм может выражаться в форме дискуссий, но ни как не в форме воинственных демонстраций и насильственных действий¹⁰⁶.

В течение некоторого времени, касаясь вопроса об общественном строе, который должен восторжествовать в Индонезии, Сухарто определял его как «религиозный социализм». Однако разработка этой концепции не пошла дальше заявлений, что «религиозный социализм» предполагает подчинение личных интересов общественным и соблюдение освященных веками моральных норм. Высшие должностные лица вовсе не стремились ограничивать свои запросы в угоду общенациональным приоритетам, а использовать «религиозный социализм» оказалось гораздо удобнее для критики «нового порядка», нежели для укрепления его авторитета¹⁰⁷.

К концу десятилетия эта концепция была забыта, а принятый в марте 1978 г. «Наказ о возрождение принципов “панча сила” и служения им» уже не содержал упоминаний о построении в Индонезии какого бы то ни было социализма. С этого момента режим сосредоточился на пропаганде «панча сила» в той трактовке, которую Сухарто давал этим принципам после января 1974 г. Примерно в это же время в газетах и журналах появилось множество материалов о Сукарно.

Существует целый ряд причин, по которым «новый порядок» вспомнил о бывшем президенте. Во-первых, испытав неудачу в плане поиска идей, консолидирующих общество, режим сделал попытку найти объединяющие идеалы и символы в недавней истории страны, и в этом смысле образ первого президента

¹⁰⁵ Сумский В.В. Национализм и авторитаризм., с. 52.

¹⁰⁶ Там же, с. 56.

¹⁰⁷ Там же, с. 59.

оказался очень кстати. Акцент был сделан на признании его заслуг как «провозвестника независимости» «первооткрывателя «панча сила» и деятеля, неизменно стремившегося к поддержанию национального единства¹⁰⁸.

Во-вторых, возрождение престижа Сукарно можно было выгодно использовать в целях сдерживания мусульманской оппозиции. Известно, что будучи мусульманином, Сукарно тем не менее всегда был категорически против попыток создания в Индонезии «государства ислама».

Наконец, на рубеже 80-х гг. Сухарто готовил серьезные перестановки в своем окружении передачу ключевых постов более молодым деятелям. В связи с этим высказывались мнения, что предстоящая смена поколений в государственном руководстве может стать источником «уязвимости», если не скрепить ее всеобщей приверженностью национальным идеалам.

Для изучения «панча сила» была создана система специальных двухнедельных курсов. Попытки уклониться от них сурово наказывались. Министерство образования разработало учебник по основам государственной идеологии для школ и вузов, оценки по этому предмету заносились в личные дела и учитывались при решении вопроса о продвижении по службе или при выдаче виз для выезда за рубеж. Программами обучения «панча сила» было охвачено до 96 млн. человек¹⁰⁹.

Делу прославления государственной идеологии служила и монументальная пропаганда. Наиболее яркий пример соответствующих усилий – мемориальный комплекс «панча сила сакти» (Священные принципы Панча сила), (открыт в 1975 г. близ Джакарты, в районе, где разыгрались события 30-го сентября 1965 г.) По своему пространственному решению он напоминает шиваитско-буддийские храмовые комплексы Явы XIII-XV веков. В его символике и иконографии проглядывают глубоко традиционные мотивы, в частности, деление на три тематических уровня, соответствующих «земле», «среднему миру» и «небу». Основание монумента покрывают барельефы, отображающие эпизоды, связанные с борьбой за независимость, деятельностью Сукарно и «движением 30 сентября». «Средний мир» представлен скульптурами генералов, ставших жертвами переворота 1965 г. «Небо» же явлено в виде герба Индонезии – мифической птицы Гаруды, парящей над героями, и символизирующей собой божественное начало¹¹⁰.

Как бы ни оценивать общие результаты по внедрению «панча силы» в сознание масс, «перекрыть кислород» оппозиции с их помощью не удалось. Фактически ни одна предвыборная компания не проходила без публичных акций протеста. Так было в 1977 г. в Бандунге, где местное студенчество выступило с требованием «чистого» правительства, так было и в 1982 г., когда предвыборные страсти довели сторонников Голкар и мусульман до кровавых столкновений. Спустя три года мусульманские экстремисты осуществили серию террористических актов, при расследовании которых выяснилась причастность к ним ряда известных военных и гражданских деятелей (включая отставного генерала Х. Дарсоно приговоренного к длительному сроку тюремного заключения).

¹⁰⁸ Сумский В.В. Национализм и авторитаризм., с. 61.

¹⁰⁹ Другов А.Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим., с. 179.

¹¹⁰ Сумский В.В. Национализм и авторитаризм., с. 65. Подробнее об особенностях храмовой символики см: Бандиленко Г.Г. Культура и идеология средневековых государств Явы. Очерк истории VIII-XV вв. М., 1984.

Помимо мусульманской оппозиции, режиму неоднократно бросали вызов и другие силы. Так, в 1976 г. был раскрыт заговор яванского мистика Савито Картовивово. Обвинив Сухарто в том, что он запятнал себя *памрихом* (действиями преследующими корыстную цель) Савито предложил Сухарто отказаться от власти и заручился с этой целью письмом за подписью глав четырех крупнейших религиозных общин. По плану Савито, власть должна была перейти к Мохаммаду Хатте – еще одному подписанту письма, участнику провозглашения независимости и в высшей степени уважаемому деятелю. Характерно, что при видимой наивности этого демарша (выдержанного однако в традициях индонезийской политической культуры и сильного именно в этом отношении), власти отнеслись к нему с исключительной серьезностью. Савито был схвачен предан суду и получил 12 лет тюрьмы¹¹¹.

Еще одним примером давления на главу государства стала «Петиция пятидесяти» – документ, осуждавший Сухарто за систематическое нарушение конституции 1945 г., извращение «двойной функции» армии и использование «панча сила» для запугивания политических противников. Документ подписали виднейшие граждане Индонезии, и справедливость высказанных упреков была для многих очевидна.

Однако, проблема режима Сухарто заключалась именно в том, что президент не рассматривал демократизацию политической системы как насущную задачу. Конечно, как-то приспособлять свое авторитарное правление к тем изменениям, которые несла с собой экономическая модернизация, Сухарто приходилось. Перестановки в аппарате и его «омоложение» были призваны обеспечить гибкость режима, не дать ему совершенно окостенеть. Чутко реагировал Сухарто и на подъем мусульманской религиозности, наблюдавшийся в Индонезии, как и во многих странах исламского мира, в 80 – 90-е гг. Дабы поправить отношения с мусульманской общиной, Сухарто не только совершил хадж (1991 г.), но стал активнее привлекать умеренных мусульман в правительство, выдвигать их на командные посты в армии, спонсировать Индонезийскую ассоциацию исламских интеллектуалов, поощрять постройку многочисленных мечетей и т.п.

Все эти маневры, однако, не могли заменить реальных мер по демократизации системы. Будучи долгожителем среди афро-азиатских авторитарных режимов, «новый порядок» до самого конца отвергал представление о том, что по мере экономической модернизации на повестке дня оказываются и вопросы модернизации политической.

Экономическая модернизация 70-90х гг.

Сухарто утверждался у власти в момент, когда индонезийская экономика пребывала в глубоком упадке. Финансовая система была полностью разбалансирована. Инфляция в 1966 г. доходила до 600%. Займы и помощь, поступавшие из-за рубежа, использовались для обеспечения страны товарами первой необходимости, в том числе рисом, (хотя сама Индонезия традиционно считалась рисоводческой страной). Как уже отмечалось, большинство предприятий госсектора, служило источником обогащения *кабиров*, но не государства. Ключевые отрасли промышленности работали с недогрузкой, так текстильная промышленность по приблизительным подсчетам работала на 5-10% своей мощности. Не лучше

¹¹¹ Кузнецова С.С. У истоков индонезийской культуры., с. 173.

обстояли дела в сфере связи и транспорта. К примеру, владельцы автобусных парков имели автобусов на линии меньше, чем простаивающих в парке из-за отсутствия запчастей¹¹².

Понимавший, что будущее его режима в огромной степени зависит от умения выправить хозяйственное положение и придать новый импульс экономической модернизации, Сухарто сосредоточил свое внимание на двух важных моментах. Во-первых, было необходимо добиться, если не сокращения суммы внешних долгов, то хотя бы отсрочки их выплат. Во-вторых, нужны были новые займы, чтобы как-то оживить экономику, с перспективой привлечения иностранных инвестиций.

Действия на обоих направлениях пришлось детально согласовывать с представителями западных стран-кредиторов, а также Всемирного Банка и Международного валютного фонда, объединившихся в 1966 г. в межправительственную группу по Индонезии. В результате серии переговоров по линии этой группы и МВФ (а также параллельных переговоров на тему внешней задолженности с советским руководством) удалось добиться необходимых отсрочек по текущим выплатам и новых кредитов. После этих успехов в сфере экономической дипломатии появилась возможность сосредоточиться на выработке таких долгосрочных программ развития, которые, отражая собственные потребности Индонезии, учитывали бы также интересы транснационального капитала¹¹³.

Собственные познания Сухарто в вопросах макроэкономического планирования и регулирования были тогда не велики, поэтому в круг его советников были в срочном порядке включены так называемые технократы, – Виджойо Нитисастро, Али Вардана, Эмиль Салим и другие. Этим молодым профессорам-экономистам, получившим образование в США и располагавшими там хорошими личными связями, была поручена разработка программы модернизации страны в течение 25 лет, на базе ряда последовательно реализуемых пятилетних планов. Центром этой деятельности (а также многих усилий по привлечению иностранных инвесторов) стал «Совет планирования национального развития» во главе с Виджойо Нитисастро.

В числе первых шагов, направленных на экономическую стабилизацию, были меры по поддержанию сбалансированного бюджета (облегченные в том смысле, что иностранные займы и внешняя помощь заносились в статью доходов)¹¹⁴. Кроме того, принимались меры по сокращению импорта, прежде всего предметов роскоши и ряда второстепенных потребительских товаров. Замораживалось или совсем прекращалось осуществление нескольких сотен дорогостоящих проектов времен «направляемой демократии», сокращались также военные расходы¹¹⁵.

Политика бюджетной экономии привела к тому, что уже в 1968-69 гг. резко снизились темпы инфляции, замедлился рост цен. Приток иностранной помощи позволил укрепить бюджет. Признаком финансовой стабилизации стал также переход рупии в разряд свободно конвертируемых валют (начало 70-х гг.).

Основным позитивным результатом первого пятилетнего плана было завершение стабилизационного периода и подготовка базы для экономического роста в следующей пятилетке. Элементы инфраструктуры, пришедшей в упадок за годы «направляемой демократии», были восстановлены, дорожная сеть расширилась. Грузооборот транспорта вырос на 50%, значительно увеличился

¹¹² *McDonald H.* Suharto's Indonesia., p.70.

¹¹³ *Kingsbury D.* The Politics of Indonesia. Oxford, 1998, p. 78.

¹¹⁴ *Schwarz A.* A Nation in Waiting., p. 54.

¹¹⁵ *Симония. Н.А.* Индонезия., с. 36-37.

тоннаж морского и океанского флота. Началось широкое производство стройматериалов – стекла, бетона, фанеры. Постоянно наращивались экспорт нефти и мощность электростанций¹¹⁶.

В тот же период в центре внимания правительства оказались проблемы деревни. Надо думать, обращение Сухарто и его советников к нуждам села, было связано не столько с крестьянским происхождением нового лидера, сколько с учетом того, что постоянная нехватка риса являлась сильным дестабилизирующим фактором. Ставка делалась как на применение высокоурожайных сортов семян, механизацию, химизацию и другие подходы, характерные для «зеленой революции», так и на меры в духе трансмиграции (т.е. переселение избыточного населения с Явы на слабозаселенные территории Внешних островов). Создавались программы помощи крестьянам (Бимас, Инмас), в рамках которых в деревню направлялись семена, удобрения, химикаты, а также велось обучение крестьян новым методам хозяйствования.

Следует отметить, что поначалу успехи на этом направлении были не столь уж очевидны. С одной стороны, нехватка транспорта и химических удобрений тормозила реализацию программ. С другой стороны, расширение площадей, занятых рисом, шло за счет сокращения посевов кукурузы, батата и кассавы – культур, составляющих основу рациона крестьян. Так что от государственных инициатив в области сельского хозяйства крестьянский стол в некотором смысле оскудел¹¹⁷. Самообеспечения рисом и перехода к его экспорту Индонезии удалось добиться лишь в более далекой перспективе. На Яве крестьянские наделы систематически сокращались в ходе индустриализации, отходя под промышленные зоны и жилые районы растущих городов, тогда как на Внешних островах подспудно зрели конфликты между коренным населением и мигрантами-яванцами.

Что действительно подтолкнуло макроэкономический рост, так это резкое повышение цен на нефть в первой половине 70-х гг., благодаря которому Индонезия с ее запасами углеводородов, обрела дополнительный, и при этом, очень значительный источник дохода. Главная роль принадлежала здесь крупнейшей индонезийской нефтедобывающей компании «Пертамина». Следует, однако, подчеркнуть, что хотя экспорт нефти и приносил государству значительные прибыли, весьма крупные суммы оседали на личных счетах руководства компании и самого Сухарто.

Надо сказать, что с самого начала своего правления президент был озабочен необходимостью подведения под него, так сказать, финансово-экономического фундамента. Чтоб удержать страну в состоянии управляемости и сохранять власть, необходима была опора в виде сразу нескольких сил, способных либо влиять на деловой климат в стране и принимать компетентные управленческие решения, либо реализовывать ключевые хозяйственные проекты и обеспечивать режиму регулярные денежные подпитки.

Первой такой группой были технократы. Воспитанные в традициях рыночного либерализма, эти эксперты уделяли большое внимание соблюдению бюджетной дисциплины, развитию частного сектора, а в дальнейшем вопросам приватизации госпредприятий и реформированию финансовой сферы. Наличие таких людей в правительстве облегчало также диалог с МВФ, Всемирным банком и, соответственно, США.

¹¹⁶ Симония Н.А. Буржуазия и формирование нации в Индонезии., с. 115.

¹¹⁷ Подробнее об аграрном вопросе в Индонезии см: Александров Ю.Г. Современная Индонезия: Аграрная политика 1965-1972 гг. М., 1977, с. 54-93.

Другой, не менее, если не более, важной опорой был слой капиталистов-бюрократов. Именно они мобилизовали те средства, без которых не могла бы работать система негласного государственного патронажа. Яркие примеры их деятельности дает все та же «Пертамина».

Официально функции этой компании состояли в добыче нефти и газа, экспорте углеводородов и размещении концессий на бурение скважин среди иностранных партнеров. На деле же, генерал Ибну Сутово, возглавлявший эту государственную компанию более десяти лет, решал, и под час единолично, куда более обширный круг вопросов.

За счет средств заработанных «Пертаминой» финансировались не только хозяйственные проекты национального масштаба вне нефтяного сектора, но также внутривнутриполитические компании. В частности, именно этими деньгами была оплачена победа Голкар на парламентских выборах 1971 г., имевшая ключевое значение для стабилизации «нового порядка». Точно также средства «Пертамины» использовались для покрытия текущих расходов армии, для которых не хватало средств военного бюджета¹¹⁸.

С наступлением нефтяного бума первой половины 70-х гг. Ибну Сутово значительно диверсифицировал деятельность «Пертамины». С одной стороны, создавались новые нефтеперерабатывающие мощности и обслуживающая их инфраструктура, брались в аренду крупные нефтеналивные суда. С другой стороны, наращивались непрофильные активы (типа гостиниц и других объектов рекреационной сферы)¹¹⁹. Денежные потоки, генерированные всей этой деятельностью, направлялись в казну лишь отчасти. Немалая доля оседала в благотворительных фондах, управление которыми Сухарто доверил своей супруге. Не остался в накладе и сам Ибну Сутово, ставший на пике своей карьеры одним из богатейших и влиятельнейших людей страны.

Если слой капиталистов-бюрократов практически целиком состоял из гражданских и военных чиновников, являвшихся коренными индонезийцами, то в сфере частного предпринимательства господствовали представители самой экономически преуспевающей этнической общины страны – китайцы. Без участия этой силы ни восстановление экономики, пошатнувшейся при направляемой демократии, ни экономический рост и создание предприятий с участием западного капитала (с которым заморские китайцы всегда умели находить общий язык) были бы немыслимы.

Китайских коммерсантов, умеющих завязывать взаимовыгодные отношения с носителями власти, называют в Индонезии *чуконгами*. Именно им доставалась при «новом порядке» львиная доля заказов, именно на них режим выводил наиболее перспективных иностранных инвесторов. И самым крупным из *чуконгов* был Лим Сиу Лионг (он же – Судано Салим), строивший свою торгово-промышленную и финансовую империю благодаря теснейшим связям с Сухарто и его кланом.

Предпринимательская деятельность Лим началась еще в эпоху национально-освободительной войны 1945-1948 гг. с контрабандной торговли и поставок оружия индонезийской армии. В 1950 г. он стал крупнейшим поставщиком дивизии Дипонегоро, где сблизился с Сухарто, занимавшим в то время пост начальника отдела снабжения дивизии. Но настоящий расцвет деятельности Лима начался с

¹¹⁸ Панченко. А.П. Армия и модернизация общества. Опыт Индонезии. М., 1994, с. 123.; Crouch H. The army and politics in Indonesia., p. 191.

¹¹⁹ Цыганов В.А. История Индонезии., с. 191.

приходом Сухарто к власти. Ее приоритеты определились, исходя из официальной установки «нового порядка» на необходимость обеспечения населения одеждой, продовольствием, а старые связи позволили получить ряд выгоднейших контрактов и привилегий.

Так, его фирма «P.T. Bogasary» получила исключительное право на производство и поставку пшеничной муки. При этом зерно по монополюно низким ценам закупалось у государственного агентства по снабжению (БУЛОГ), после чего тому же самому агентству продавалась мука по завышенным ценам. По условиям договора 26% доходов Лим отчислял в фонд «Yayasang Harapah Kita», принадлежащий первой леди Индонезии г-же Тьен Сухарто. Собственная же прибыль Лима от таких операций составляла около 30%, эту монополию он сохранял на протяжении всего правления Сухарто¹²⁰.

При этом другой его фирме «P.T. Mega» было предоставлено эксклюзивное право на импорт гвоздики – необходимого ингредиента для производства особого сорта сигарет *кретек*, пользующихся в Индонезии широчайшим спросом.

Капитал, приобретенный по ходу этих операций, позволил Лиму расширить свою деятельность в торговле пищевой промышленности и текстильном производстве, лесозаготовках и морских перевозках, а также в гостиничном бизнесе, на рынке недвижимости и т.д.

В середине 70-х Лим получил лицензию на сооружение цементного завода, и в скором времени создал крупнейшую в мире сеть предприятий «Indocement», которые давали до 4,5 млн. т. продукции в год, принося колоссальную прибыль¹²¹. Другим суперпроектом стало вложение 875 млн. долл. в строительство сталепрокатного завода, «поднять» который самостоятельно правительство было не в силах¹²².

Несмотря на то, что со временем Лим начал осторожно дистанцироваться от власти, контакта с Сухарто он не утрачивал. Благотворительные фонды г-жи Сухарто спонсировали Лима и вместе с тем имели долю прибылей с его операций, а многочисленные дети президента были компаньонами в целом ряде его предприятий. При помощи президента компания «Indocement» смогла зарегистрироваться на джакартской фондовой бирже в обход установленных правил. Взамен, когда банк «Duta», близкий к семье Сухарто, погорел на валютных спекуляциях, Лим покрыл его убытки, приближавшиеся к 420 млн. долл.¹²³

Тем не менее, при всей своей видимой мощи опоры режима периодически давали трещину. Пожалуй, крупнейшая неприятность такого рода приключилась в середине 70-х гг. с «Пертаминой», когда ее руководство обнаружило, что собственных средств компании для поддержания ее экспансии и завершения всех начатых проектов нехватает.

Однажды приступив к набору дорогостоящих краткосрочных кредитов в иностранных банках, Ибну Сутово довел компанию до состояния, когда расплачиваться новыми кредитами за старые долги она уже не могла. В начале 1975 г. она сократила свои отчисления в бюджет, а вскоре, просрочив очередной платеж группе американских банков, оказалась на грани банкротства. Новость о том, что общие долги компании по долгосрочным и краткосрочным обязательствам

¹²⁰ Панченко. А.П. Армия и модернизация общества., с. 131.

¹²¹ Сумский В.В. Почему держался так долго и почему рухнул в одночасье индонезийский «новый порядок»., с. 44.

¹²² Schwarz A. A Nation in Waiting., p.111-112.

¹²³ Ibid., p. 112.

составляют 10,5 млрд. долл. оказалась неприятнейшим сюрпризом для режима, только-только приходившему в себя после январских волнений 1974 г. Путем длительных переговоров с кредиторами, распродажи непрофильных активов и реорганизации компании, доверенной технократам, сумма долга была снижена до 6,2 млрд. долл. Но тяжесть выплат этой колоссальной суммы все равно ложилась на государство. Для Ибну Сутово кризис «Пертамины» обернулся охлаждением отношений с Сухарто, потерей должности, но отнюдь не личного богатства: в его распоряжении остались семейный банк, джакартский отель «Хилтон» и ряд других компаний.

Таким образом, мы видим, что Сухарто имел несколько опор своей власти. Это не только давало ему возможность поддерживать баланс сил в своем окружении, но и позволяло корректировать экономический курс страны. Так во время первого пятилетнего плана особое внимание уделялось группе технократов, ибо они могли способствовать улучшению финансового положения Индонезии. С началом же нефтяного кризиса на первое место выдвинулись *кабирь* и генералы. К этому времени экономическое положение Индонезии заметно улучшилось, а упустить благоприятную ситуацию на топливном рынке было бы не резонно. Когда же вслед за крушением «Пертамины» государство оказалось в долговой яме, влияние технократов было вновь восстановлено.

С ухудшением конъюнктуры мирового нефтяного рынка в 80-х гг. Индонезия оказалась перед необходимостью срочно пересматривать свои экономические приоритеты. «В некотором роде, наличие нефти и газа оказало «усыпляющее» воздействие на наше представление о дальнейшем экономическом развитии страны»¹²⁴, – отмечал позднее один из министров экономического блока Р. Правиро.

Технократы, на время отодвинутые в тень другими группами, вновь заявили о себе. В Индонезии начался период поэтапных структурных реформ 1983, 1988 и 1989 гг., целью которых был отход от политики протекционизма, частичная дерегуляция предпринимательской деятельности и создание диверсифицированной экономики, ориентированной на экспорт промышленных товаров. Особое внимание уделялось финансовой сфере, в которой предполагалось расширить деятельность иностранных портфельных инвесторов. Снижение доходов от продажи нефти потребовало срочного поиска других источников инвестиций. В связи с этим был принят ряд законов, существенно облегчивших открытие новых банков и их отделений в Индонезии, снявших ряд ограничений на деятельность иностранных банков и предприятий с участием иностранного капитала. Банкам дали возможность продавать свои акции на фондовой бирже. Усилия технократов на этом направлении совпали по времени с переводом ряда индустриальных мощностей из «новых индустриальных стран» Восточной Азии (к первому поколению которых относят Южную Корею, Тайвань, Гонконг и Сингапур) в страны АСЕАН. Последнее обстоятельство несомненно ускорило общий ход экономического развития страны¹²⁵.

Характерно, что в этот же период, желая сгладить впечатление о безраздельном доминировании китайцев в сфере частного предпринимательства, режим декларировал стремление поддержать бизнесменов-*прибуми* (т.е. коренных индонезийцев) и принял с этой целью ряд практических мер¹²⁶.

¹²⁴ Schwarz A. A Nation in Waiting., p. 56.

¹²⁵ Сумский В.В. Почему держался так долго и почему рухнул в одночасье индонезийский «новый порядок»., с. 48, 54.

¹²⁶ Schwarz A. A Nation in Waiting., p. 53.

В общем и целом период «нового порядка» был отмечен высокими темпами экономического роста. Годовое приращение составляло, как правило, не менее 5 %, а случалось, превышало 7-8 %, особенно к середине 90-х гг. Еще в 1983 г., определив размеры дохода на душу населения в 530 долл., Всемирный банк перевел Индонезию в категорию стран со средним уровнем доходов¹²⁷. В актив режима можно было занести решение продовольственной проблемы, создание «с нуля» автомобилестроительной, авиационной, химической промышленности, первые подступы к освоению новых наукоемких технологий. С 1975 по 1990 гг. мощность энергосети в стране увеличилась в 18 раз. Запуски телекоммуникационных спутников, осуществленные с помощью США, позволили наладить связь с самыми удаленными уголками страны. Доходы от продажи нефти позволили построить тысячи школ и сделать начальный уровень образования доступным практически для всех индонезийских детей. К числу существенных социальных сдвигов относился количественный и качественный рост среднего класса. По некоторым оценкам он охватывал на последнем этапе существования «нового порядка» до 15% населения страны, в том числе государственных служащих среднего и низшего звена, инженерно-технический персонал промышленных предприятий, преподавателей школ и ВУЗов, представителей свободных профессий и мелких бизнесменов.

Тем не менее, оставалось еще множество неразрешенных проблем. Как отмечал австралийский ученый Х. Хилл, социально-экономические условия в 1965 г. были настолько ужасные, что любой возврат к норме представлял как серьезное улучшение¹²⁸. А между тем, на фоне быстрого роста экономики неравномерность распределения доходов скорее увеличилась, нежели сокращалась. Иными словами, ускоренная модернизация вела к тому, что «богатые становились значительно богаче, в то время как бедные с трудом сводили концы с концами»¹²⁹. Следует иметь в виду, что черта бедности проведена в Индонезии на достаточно низком уровне, и то, что основная часть населения статистически приподнялась выше этой черты, еще не значило, что с нищетой покончено бесповоротно. Достаточно сказать, что обычный дневной заработок рабочего составлял 2-3 долл. в день. Для женщин этот показатель еще ниже. «Доход в 1 долл. (и меньше) в день – обычен для женщин, составляющих до 40% рынка рабочей силы»¹³⁰. Даже у представителей индонезийского среднего класса уровень заработной платы остался отнюдь не высоким – 6-10 долл. в день. При этом свободных рабочих рук было столько, что трудоустроенным приходилось мириться со своим далеко не завидным положением.

В конечном счете, именно сочетание не всегда явной, но достаточно высокой социальной напряженности с определенным рода конъюнктурными факторами сыграло едва ли не роковую роль в судьбе режима Сухарто. Банковские реформы, проводимые технократами, были осуществлены более поспешно, чем следовало бы. Тогдашняя ситуация на мировом финансовом рынке казалась благоприятной, и реформаторы не устояли перед соблазном воспользоваться этим. Как отмечал министр финансов Сумарлин, реформы велись методом проб и ошибок: стремясь «ковать железо пока горячо», технократы рассчитывали принять далеко идущие меры по дерегуляции, а в дальнейшем корректировать их по мере надобности.

¹²⁷ Цыганов В.А. История Индонезии., с. 208.

¹²⁸ Schwarz A. A Nation in Waiting., p. 58.

¹²⁹ Kingsbury D. The Politics of Indonesia., p. 92.

¹³⁰ Ibid., p. 92-93.

В результате первоначальные требования к уставному капиталу новых банков оказались заниженными, что привело к быстрому росту их численности. Кредитная же экспансия этих банков сопровождалась ростом «невозвратных» займов в их портфелях. К 1995 г. доля таких «плохих» займов составляла до 10,4% у частных и до 16,6% у государственных банков¹³¹.

Ситуация грозила обернуться многочисленными банкротствами. Меры, принятые технократами по слиянию и укрупнению банков, не дали серьезных результатов. Инвестиционный бум, отмечавшийся в 1994-1996 гг., сопровождался новым витком фаворитизма и коррупции, в то время как ввиду доступности иностранных кредитов внешний долг Индонезии быстро возрастал.

2.3. Конец «эры Сухарто»

Несмотря на то, что негативные тенденции не были секретом для экспертов, последовавшая в 1997-1998 гг. глубокая дестабилизация, а затем и крах «нового порядка», стали почти для всех неожиданностью. Несомненно, важную роль сыграл финансовый кризис. Но тот же кризис, обрушившись на ряд других стран ЮВА, не имел столь серьезных политических последствий. Поэтому в данном случае можно говорить лишь о том, что кризис сыграл роль детонатора, взорвавшего систему. Основная же причина краха авторитарного режима заключалась в нем самом и, не в последнюю очередь, в личности его руководителя.

Придя к власти насильственным путем по итогам исключительно кровавого переворота, Сухарто стал заложником своего прошлого. Если верна версия о том, что он знал про подготовку выступления Унтунга, то это означает, что, имея всю необходимую информацию и располагая военной силой, он не пришел на выручку своим начальникам, так как их истребление открывало для него самого возможность головокружительной карьеры. В рамках этой интерпретации разгром КПИ, спровоцированный армией, был призван не только устранить могущественного противника, но и скрыть следы причастности Сухарто к событиям 30 сентября 1965 г.

Вообще, на протяжении всего своего правления Сухарто неоднократно прибегал к насилию в самых разных формах. К примеру, в 80-х гг. под эгидой КОПКАМТИБа были проведены операции «Сискамлинг» и «Петрус». Основной целью была борьба с организованной преступностью. В случае с «Сискамлинг» преступникам предлагалось стать «добровольными помощниками» полиции. Операция же «Петрус» предусматривала физическое истребление не желавших сотрудничать и проводилась, как подчеркивает Б. Андерсон, в таком стиле, чтобы вселить страх перед властью не только в преступников, но и в обывателей. В той же Джокьякарте власти заявили, что имеют готовые списки всех, кто связан с криминалом, и предложили им сдаться в трехдневный срок. Поскольку имен названо не было, всякий человек должен был спросить себя: «Нет ли моего имени в этом списке?» Повторилась ситуация 1965 г., когда каждый задавался вопросом: «Не был ли я когда-нибудь сторонником КПИ?»¹³²

Если преступников просто уничтожали, то против политических соперников использовались разного рода провокации. Особенно здесь преуспела организация «Специальные операции» (ОПСУС), руководимая Али Муртопо. Поскольку за годы

¹³¹ Сумский В.В. Почему держался так долго и почему рухнул в одночасье индонезийский «новый порядок», с. 55.

¹³² Violence and the State in Suharto's Indonesia. Ithaca, L., 2001, p. 30-33.

существования режима армия и органы безопасности совершили немало преступлений, осуществление политической либерализации неминуемо привело бы Сухарто и его клан к ответственности. Долгое время экономические успехи страны позволяли избегать либерализации в сфере политики. Но чем дальше, тем больше противоречия, копившиеся в обществе, выливались в явные протесты разнообразных общественных слоев. Недовольство режимом множилось внутри политических партий, находившихся в ущемленном положении и лишенных возможности бороться за власть. К середине 90-х гг. вошли в систему вооруженные сепаратистские выступления на окраинах (Восточный Тимор, Западный Ириан, особый округ Аче)¹³³.

Экономический курс также находил своих противников, в частности, среди крестьянства, чьи земли систематически сокращались в ходе индустриализации, отходили под промышленные предприятия и жилые районы растущих городов, а продукция скупалась за бесценок обогатившимися *прибуми* и китайскими предпринимателями. Конец XX века ознаменовался многочисленными выступлениями рабочих, уже не боявшихся требовать повышения заработной платы, несмотря на то, что забастовки были по-прежнему запрещены.

Что касается среднего класса, то его уровень жизни и политической свободы не шел ни в какое сравнение с положением среднего класса на Западе. Кроме того, слишком многие представители мелкого и среднего предпринимательства подвергались дискриминации со стороны властей, по сравнению с более могущественными бизнесменами¹³⁴.

Наконец, с какого-то момента недовольство, слишком затянувшимся правлением Сухарто, стало проявляться и в армии. Для молодых офицеров становилось все очевидней, что из всех военнослужащих наибольший выигрыш от этого правления достался незначительной группе карьеристов – прежде всего выходцев из сухопутных войск, в особенности из дивизии «Дипонегоро», принадлежавших к «ближнему кругу» президента (начальники спецслужб, помощники, адъютанты и др). Характерно, что несмотря на значительно большую техническую оснащенность и подготовленность кадров ВВС и ВМФ, эти рода войск в целом оказались весьма сильно отодвинутыми от политики и связанного с ней крупного бизнеса.

Наконец, необходимо остановиться на явлении, вызывавшем негативную реакцию во всех без исключения слоях населения. Речь идет о nepoтизме Сухарто, родня которого (включая шестерых детей) обогатились за счет системы как никто другой из ее бенефициариев.

Особенно преуспели на поприще коммерции старшая дочь президента Сити Хардиянти Рукмана, более известная как Тутут, и средний сын Бамбанг Триатмоджо, – владельцы корпораций и предприятий в самых разных областях экономики.

Принадлежащий Сити Хардиянти конгломерат «Citra Lamtoro Gung» объединил порядка сотни компаний – от предприятий легкой промышленности и строительства платных шоссейных дорог (что стало в Индонезии чрезвычайно прибыльным бизнесом) до банковского дела. На закате «нового порядка» Тутут достался контракт на строительство Джакартского метро. Ей же была предоставлена и первая в стране коммерческая телевизионная лицензия. Размер ее состояния точно не известен, но по некоторым оценкам достигал 2 млрд. долл.

¹³³ Подробнее о выступлениях на окраинах см: *Kingsbury D. The Politics of Indonesia.*, p. 163-174.

¹³⁴ *Симония. Н.А. Индонезия.*, с. 53.

Что касается конгломерата Бамбанга «Bimantara», то он объединял корпорации, действовавшие в областях нефтехимии, электроники, автомобильного производства, строительства, телекоммуникации, радио и телевидения. К сорока годам он, как и старшая сестра, был миллиардером.

Среди остальных детей президента выделялся младший и самый любимый сын Сухарто – Утомо Мандала Путра (Томми). Ему принадлежало, по крайней мере, 70 компаний, в том числе авиалиния «Sempati Air», ряд предприятий по производству древесины, сахара, удобрений¹³⁵.

Следует отметить, что все эти богатства накапливались не столько благодаря личным усилиям их обладателей, сколько благодаря протекции отца. Кроме того, многочисленные домочадцы президента были любимыми деловыми партнерами китайского бизнеса. Нередко отдельные предприятия создавались специально для обогащения того или иного члена или друга семьи, а выполнив свою функцию, банкротились.

Особенно скандальный резонанс приобрела история, связанная с проектом национального автомобиля. Его реализацию Сухарто лично доверил своему любимцу Томми. Однако тот, вместо создания предприятия по сборке автомобилей из корейских комплектующих, занялся ввозом из Южной Кореи уже готовых автомобилей, на которых по прибытию в Индонезию меняли корейскую эмблему на индонезийскую (после чего их стоимость возрастала в 2 раза). Для этой операции Сухарто приказал тринадцати банкам выделить для Томми кредит в 1,3 млрд. долл., а всем крупным чиновникам и департаментам предписал приобретать «национальный автомобиль»¹³⁶. Понятно, что имея в своем активе такие аферы, Сухарто имел все основания беспокоиться за свою безопасность и за будущее детей в случае ухода от дел или неосторожных попыток «играть в демократию».

Пример Южной Кореи середины 90-х гг. (не говоря о более ранних примерах СССР и всего соцлагеря) был в этом смысле у всех на виду. Любое ослабление режима могло привести к фатальным последствиям, причем армия уже не была для Сухарто абсолютно надежной опорой. «Многие молодые офицеры спрашивают меня, почему армия не может дать Сухарто гарантии, что мы защитим его семью? Но это не так просто, как кажется. Мы можем защитить семью физически, но мы не можем сделать ее неподсудной по закону» – подчеркивал фрондирующий генерал-лейтенант в отставке Хаснан Хабиб¹³⁷.

Финансовый кризис января 1997-1998 гг. потряс до основания всю экономику страны. Обменный курс национальной валюты упал в январе до 17 тыс. рупий за доллар. Неплатежеспособные банки, промышленные и торговые компании начали массовое увольнение работников. Оценки общей численности людей, потерявших работу в это время, колебались в диапазоне от 2,5 до 6,6 млн. человек. Начались паническая скупка товаров первой необходимости, забастовки, уличные манифестации студентов и китайские погромы¹³⁸.

С отменой государственных субсидий на горючее (апрель 1998 г.) цены на основные товары и услуги поднялись еще выше, и хотя чуть раньше НКК в седьмой раз избрал Сухарто на пост главы государства, было ясно, что правитель, допустивший подобные неурядицы, теряет моральное право на дальнейшее

¹³⁵ Kingsbury D. The Politics of Indonesia., p. 204-205.

¹³⁶ Ibid., p. 214-215.

¹³⁷ Schwarz A. A Nation in Waiting., p. 160.

¹³⁸ Сумский В.В. Почему держался так долго и почему рухнул в одночасье индонезийский «новый порядок»., с. 62.

государственно-политическое лидерство. В середине мая в результате беспорядков, вылившихся в массовые акты насилия над местными китайцами и разграбление их собственности, в Джакарте воцарился хаос.

Армия, за исключением спецназа под командованием президентского зятя Прабово Субианто, практически не вмешивалась в конфликт. Ближайшее окружение заговорило о том, что Сухарто не контролирует ситуацию, с чем он в конце концов был вынужден согласиться. 21 мая 1998 г. он передал верховную власть вице-президенту Б.Х. Хабиби.

От авторитаризма к демократии

На первый взгляд, само по себе крушение режима личной власти Сухарто не означало неоправданного краха всей системы. Казалось, что уход Сухарто позволит спасти «новый порядок», а замена нескольких ключевых фигур позволит укрепить пошатнувшуюся конструкцию. Эту задачу предстояло решать третьему президенту Индонезии Бахаруддину Юсуфу Хабиби.

Будучи инженером по образованию и работая в аэрокосмической отрасли, он до начала 90-х гг. оставался не слишком заметной фигурой на политической арене страны. Однако благодаря личным и семейным связям с Сухарто, который был для него почти приемным отцом, Хабиби за последнее десятилетие прошлого века быстро набрал политический вес. В последнем правительстве «нового порядка» он занял пост вице-президента. В том же правительстве министром социального обеспечения была старшая дочь президента Сити Хардиянти, министром торговли и промышленности – близкий друг Сухарто, его деловой партнер и крупнейший чуконг Боб Хасан, а войсками Стратегического резерва (верной опоры режима) командовал президентский зять Прабово Субианто, срочно произведенный для этого в генерал-лейтенанты в обход многих заслуженных военных.

Сухарто прекрасно понимал всю сложность положения, в котором оказался он сам и его режим. Вряд ли он рассчитывал на то, что технократам или иным экспертам удастся выправить ситуацию. Он надеялся лишь на тех, чье положение, богатство, и даже жизнь зависели от сохранения «нового порядка». Вот почему последнее правительство оказалось настолько «семейным». Что же касается Хабиби, то в этом правительстве ему отводилась роль своеобразного подстраховщика на случай провала. В случае неудачи именно на Хабиби возлагалась задача защитить «семью» от преследований. И здесь Сухарто не просчитался. Хабиби не допустил суда над бывшим президентом и его родственниками, хотя это далось ему нелегко. Более того, эта верность Хабиби «семье» стала одной из причин, по которой его лишили президентства.

Осуществляя управление страной в ситуации затянувшегося кризиса, Хабиби был вынужден действовать в весьма жестких рамках. С одной стороны, большая часть политической элиты относилась к новому президенту негативно, с другой, – сам президент не мог идти на слишком быстрые и радикальные реформы системы, боясь утратить контроль над ситуацией. Своей опоры в политических кругах у Хабиби практически не было. Созданный им «Союз мусульманской интеллигенции» был скорее некоторым официальным противовесом традиционным исламским организациям, нежели действительной политической силой. Правда, с самого начала Хабиби получил поддержку армии. Являвшийся долгое время протее Сухарто, Хабиби, естественно, был вынужден искать поддержки у военных и Голкара. Генералы, растеряв свой авторитет в условиях кризиса 1997-98 гг., теперь

просто не могли выдвинуть на президентский пост человека из своей среды. Передача же власти гражданскому лицу позволяла снять с «нового порядка» ярлык военного режима и облегчала получение внешней помощи, которая была в тот момент крайне необходима. В новом кабинете военным было отдано шесть портфелей, немало постов было отдано и представителям Голкара. Хабиби обещал провести реформирование политической системы, а также осуществить программу реформ в экономике, согласованную с МВФ.

Экономическая ситуация, доставшаяся в наследство от Сухарто, была весьма тяжелой. Конечно, это был не тот развал экономики, с которым столкнулся Сухарто в 1965 г. Например, значительная часть сельскохозяйственного сектора, а также отрасли, работавшие преимущественно на экспорт, почти не пострадали. Тем не менее результатом кризиса стал значительный рост государственного долга при одновременном снижении возможностей осуществлять его выплату. Выплаты по внешнему государственному долгу в 1998 г. должны были составить 10 млрд. долл., но наряду с этим предстояла выплата еще в общей сложности 17 млрд. долл. долга по частным банковским займам, гарантированным Центральным банком Индонезии. В результате погромов, произошедших в мае 1998 г., страну покинуло примерно 150 тыс. китайцев, увезших с собой до 20 млрд. долл.¹³⁹. Впрочем, к июлю 1998 г. правительству удалось добиться отсрочки выплат по долгам на три года, оговорив, что дальнейшие выплаты будут осуществляться в рассрочку, и получить от МВФ 6,2 млрд. долл. на субсидии и социальную поддержку беднейших слоев населения.

Сессия Народного консультативного конгресса (НКК), проведенная 10-13 ноября 1998 г., приняла ряд решений по стабилизации экономической ситуации. В частности, от правительства требовалось уделять больше внимания мелкому и среднему бизнесу, не допускать чрезмерной концентрации активов и средств производства в одних руках, строже контролировать внешние частные займы. Предстояло стабилизировать валютный курс и банковский процент, а также обеспечить население продовольствием. Кроме того, Конгресс принял постановления по усилению роли представительных органов, расширению автономии провинций и увеличению полномочий местной администрации. Это положило начало процессу децентрализации. Наконец, конгресс определил сроки новых парламентских выборов, назначив их на май-июнь 1999 г.

Главной проблемой оставалась дискредитация власти и законопорядка. За долгие годы режима Сухарто в низах накопился колоссальный заряд ненависти к богатым и власть имущим. Теперь это недовольство требовало выхода и зачастую оборачивалось стремлением решать все противоречия насильственным путем.

На момент падения «нового порядка» наиболее тяжело и болезненно складывалась ситуация в провинциях Аче и Восточный Тимор. В течение нескольких лет к ним добавился ряд менее значительных (но не менее опасных) конфликтов на Калимантане, в Ириан Джая (Папуа), на центральном Сулавеси и Молуккских островах. Все они выливались в кровавые столкновения, и имели определенную религиозную окраску. Немало конфликтов было вызвано процессом децентрализации, в ходе которого крупные провинции дробились на ряд небольших районов, более однородных в этно-конфессиональном плане. Такое дробление зачастую оборачивалось опасным обострением отношений, например, в случае территориальных или административных споров. Мусульманская солидарность зачастую вела к тому, что незначительные столкновения притягивали боевиков из

¹³⁹ Другов А.Ю. История Индонезии. – М., ИВ РАН, 2005, с. 335.

районов крупных, давних конфликтов, затрудняя мирное урегулирование, а подчас делая его невозможным.

Детонатором, способным запустить процесс дезинтеграции, стала провинция Аче, расположенная на северо-западной оконечности острова Суматра. Стремление к независимости исторически было свойственно ачехцам. Они не раз отвечали вооруженными выступлениями на попытки ограничения своей свободы, а в годы правления Сукарно пользовались некоторой автономией.

С установлением «нового порядка» провинция была лишена своих привилегий. Активная разработка на территории Аче в 70-х гг. богатых месторождений нефти и природного газа дала толчок развитию индонезийской промышленности, но при этом обернулась для коренного населения несправедливым распределением доходов и засильем приезжих чиновников-яванцев. Недовольство и сепаратистские тенденции подогревались религиозным фактором, поскольку ачехцы, известные своей приверженностью исламу, склонны считать яванцев с их синкретизмом чуть ли не неверными¹⁴⁰.

Борьбу за отделение провинции повело созданное еще в 1976 г. «Движение за свободный Аче» (ГАМ). «Новый порядок» неоднократно вводил на территории Аче военное положение, проводил спецоперации, в ходе которых погибли тысячи человек. С падением режима Сухарто обстановка только обострилась.

Армии и спецслужбам постоянно приходилось участвовать в наведении порядка в различных частях Индонезии. Если в центре военные были вынуждены, учитывая свою непопулярность в обществе, снижать активность (в первую очередь политическую), то на окраинах порой возникали упорные слухи, что за теми или иными беспорядками скрываются высокопоставленные военные, заинтересованные в дестабилизации обстановки и создании условий для нового прихода армии во власть.

Однако в первой половине 1999 г. нестабильность на окраинах была скорее своеобразным «фоном», на котором развернулись основные политические баталии. Предвыборная борьба велась как в высоких кабинетах среди политиков, так и на улицах среди демонстрантов. Люди чувствовали, что решение очень многих вопросов, от которых зависит будущее страны, лежит в политической плоскости. В свою очередь партии и их лидеры постарались подогреть эти чувства и обеспечить себе поддержку.

На выборах 7 июня наиболее значимых результатов добилась ДПИ(б) – Демократическая партия Индонезии (борющаяся) – партия Мегавати Сукарнопутри, дочери Сукарно. Она получила 154 из 462 депутатских мест. Далее шел Голкар – 120 мест, что, учитывая ситуацию, можно было считать весьма неплохим результатом. Остальные места делили преимущественно мусульманские партии. Партия единства и развития (ПЕР) – 58 мест, Партия национального возрождения (ПНВ) под руководством Абдурахмана Вахида – 51 место, Партия народного мандата во главе с Амином Раисом – 34 места. Представители армии получили квоту в 38 мест.

Хотя итог выборов оказался для ДПИ(б) успешным, Мегавати не получила подавляющего большинства. Уже к августу в парламенте сложилась так называемая «Ось центра», куда вошли ПЕР, Партия национального мандата, Партия месяца и звезды, Партия справедливости (в общей сложности около 110 мест). Своим

¹⁴⁰ Другов А.Ю. История Индонезии. – М., ИВ РАН, 2005, с. 310.

кандидатом на пост президента «Ось» выдвинула А. Вахида. ПНВ тоже примкнула к «Оси», что позволило данному блоку превзойти по численности Демпартию.

Вслед за этим начался период упорного противостояния, в ходе которого партия Мегавати терпела неоднократные поражения. «Ось центра» обошла ДПИ(б) при формировании руководящих органов парламента и НКК, а на выборах председателя столичного муниципалитета, где у ДПИ(б) было больше трети мест, Мегавати пришлось дополнительно блокироваться с армейской фракцией. Хотя этот блок и победил, сам пост отошел военным.

Все эти перипетии лишней раз свидетельствовали, что большинство политической элиты оказалось недостаточно готовым к совместной работе и взятию на себя ответственности за вывод страны из кризиса. Вместо этого, ее первоочередное внимание было уделено борьбе за те или иные посты и должности.

Оказавшись в сложнейшей ситуации, когда к экономическим проблемам добавились непрекращающаяся борьба внутри истеблишмента, нестабильность на окраинах и возросшее социальное напряжение, правительство Хабиби попыталось «заработать очки» на решении хотя бы одного (хоть и важного) вопроса, связанного с вооруженным конфликтом в Восточном Тиморе.

Вторгшиеся туда в 1975 г. индонезийские войска столкнулись с сопротивлением местного населения. Широкое применение насилия дискредитировало индонезийскую армию в глазах коренных жителей.

С присоединением Восточного Тимора к Индонезии темпы экономического роста в провинции стали превышать среднестатистические показатели в полтора раза. Однако быстрый экономический рост сопровождался столь же быстрым ростом «бюрократического капитализма» со всеми его издержками. Из ежегодных 50 млн. долл., выделявшихся из бюджета для помощи Восточному Тимору, около 30% расхищалось. Ведущую роль здесь играла «семья» Сухарто, которой принадлежало до 40% хозяйственных объектов провинции¹⁴¹.

Положение усугубилось с началом работы миграционной программы, в соответствии с которой в Восточный Тимор было переселено порядка 100 тыс. индонезийцев с центральной Явы. Приезжие сосредоточили в своих руках контроль над почти 75% бизнеса. В результате квалифицированным местным работникам стало практически невозможно найти работу на родине. Перебраться на Яву для них тоже было весьма непросто, так как из соображений безопасности связи с Восточным Тимором были ограничены.

В первой половине 90-х гг. прошел ряд переговоров с представителями «Революционного фронта за независимый Восточный Тимор» (Фретелин), однако, никаких соглашений достигнуто не было. Между тем индонезийская армия продолжала безуспешно бороться с партизанским движением и проводить карательные операции против гражданского населения. По разным оценкам, с 1976 по 1997 г. в таких акциях погибло 100-200 тыс. тиморцев.

Сейчас трудно с уверенностью сказать, насколько решение о проведении референдума в тот момент было продуманным и взвешенным. Некоторые исследователи склоняются к мысли, что это была инициатива лично Хабиби, который хотел доказать всем, что способен «внести весомый вклад в дело борьбы за мир»¹⁴². Как бы то ни было, но 27 января 1999 г. правительство выступило с предложением о проведении в Восточном Тиморе референдума, который должен был определить, будет ли эта провинция автономной в составе Индонезии или

¹⁴¹ Другое А.Ю. История Индонезии. – М., ИВ РАН, 2005, с. 323.

¹⁴² Parry R. In the Time of Madness. On the Edge of Chaos in Indonesia. L.: 2006. p. 237.

получит полную независимость. Характерно, что виднейшие политические фигуры Восточного Тимора высказались за то, чтобы пойти навстречу центральной власти и воздержаться от демонстраций и вооруженных акций. Более того, многие склонялись к мысли, что Индонезия не должна снимать с себя ответственность за судьбу Восточного Тимора, и автономия была бы наилучшим решением. В то же время оппозиция (прежде всего А.Вахид и М. Сукарнопутри) выступила с резким осуждением инициативы Хабиби. По их мнению, Восточный Тимор не должен был даже помышлять о независимости. Аналогичную позицию заняла и армия: тиморская проблема была позорным пятном на ее репутации.

Дальнейшее развитие событий показало, что Хабиби был не способен полноценно контролировать армию. В преддверии референдума военные создали ряд так называемых милицейских формирований, основной задачей которых было выявление, аресты, а чаще расправа со сторонниками независимости¹⁴³. Начавшиеся столкновения между этими частями и группировками, выступавшими за отделение Восточного Тимора, лишь подтолкнули колеблющихся голосовать за независимость. Вслед за референдумом, прошедшим 30 августа 1999 г., когда порядка 78 % участников высказались за отделение от Индонезии, началась настоящая резня. Этот террор был спланирован заранее. Еще до объявления итогов военные заявляли, что «если голосование окажется не в пользу Индонезии, то как только иностранные наблюдатели уедут, армия «разберется» с тиморцами»¹⁴⁴.

В результате после некоторых колебаний, Хабиби был вынужден заявить о своем согласии на ввод контингента миротворцев ООН в Восточный Тимор. К слову сказать, первое время этим миротворцам пришлось иметь дело как с партизанами, так и с индонезийскими войсками.

Несмотря на то, что проблема Восточного Тимора (хоть и ценой большой крови) была для Индонезии в принципе решена, для самого Юсуфа Хабиби такое решение обернулось дискредитацией. Национальный консультативный конгресс отверг его отчет о деятельности на посту президента с мая 1998 г. Среди многочисленных обвинений основным было то, что он не удержал Восточный Тимор в составе страны. Помимо этого, Хабиби ставились в вину защита «семьи», неспособность покончить с коррупцией, а также торможение темпов демократизации политической жизни. Спустя несколько дней – 20 октября 1999 г. – НКК избрал президентом Абдуррахмана Вахида.

Кандидатом на пост вице-президента от «Оси центра» был выдвинут лидер Голкара Акбар Танджунг. Но сторонники Мегавати Сукарнопутри устроили в знак протеста массовые демонстрации с поджогами машин, магазинов и государственных учреждений. В итоге Танджунг снял свою кандидатуру, а Мегавати стала вице-президентом. В данном случае народное недовольство было вполне объяснимо – дочь Сукарно была наиболее популярным политическим лидером, а «Ось» – непрочным блоком, созданным исключительно в противовес Демпартии. Однако, приход Мегавати в правительство на волне насилия создавал опасный прецедент. Среди людей крепло ощущение, что наверху по-прежнему царят коррупция и интриги, и лишь насильем, идущим снизу, можно чего-то добиться от политиков.

Состав нового кабинета оказался неудачным. Видимо, стараясь не обидеть ни одну из партий, входящих в «Ось», и одновременно уравновесить влияние ДПИ(б) в лице Мегавати, Вахид попытался создать коалиционное правительство. Помимо партийного баланса на уровне кабинета, президент пытался соблюдать еще и

¹⁴³ Parry R. In the Time of Madness. p.222-223.

¹⁴⁴ Ibid. p. 233.

профессиональный, и этнический баланс. Традиционное доминирование сухопутных войск было уменьшено – главкомом был назначен адмирал Видодо Сучипто, а министром обороны – гражданский деятель Ювано Сударсоно. В правительстве, помимо яванцев, были широко представлены другие этносы Индонезии. Министром экономики стал китаец Квик Киан Ги. В целом, однако, подобный баланс не оправдал себя и не сказался положительным образом на работе правительства.

В актив ему можно занести такие достижения как дальнейшая политическая либерализация, расширение властных полномочий представительных органов, децентрализация, сопровождавшаяся усилением местных органов власти и перераспределением доходов в пользу провинций. Был положен конец всевластию спецслужб, разграничены функции армии и полиции. При этом политическая роль армии была снижена. Наконец, были ратифицированы международные соглашения по правам человека, освобождены политзаключенные. Был снят запрет с обсуждения «событий 30 сентября 1965 г.», а также возбуждено несколько расследований по фактам правонарушений со стороны властей в период Сухарто.

Тем не менее общая обстановка в стране становилась все более напряженной. Первая эйфория в обществе, связанная с победой над «новым порядком», прошла, а на первый план «наверху» опять вышли любовь к интригам и корыстные политические игры внутри элиты. Сказалось и авторитарное наследие «эры Сухарто» – большинство партий оставались рыхлыми объединениями, сформировавшимися вокруг определенных лидеров и не имеющими четких программ на будущее. Даже столь популярная ДПИ(б) не была исключением. Свои политические очки партия заработала на том, что была гонима в период Сухарто и притесняема «Осью центра» после крушения «нового порядка». Реальной программы развития у нее не было. Что касается Голкара, то его результаты на выборах 1999 г. были достигнуты за счет голосов чиновников выросших в эпоху Сухарто. Среди молодежи он не пользовался популярностью, что обещало снижение числа его сторонников в будущем.

Наконец, армия, являвшаяся на протяжении долгих лет своеобразным стержнем режима и общества, теперь была в значительной мере вытеснена из политики. Следует иметь ввиду, что армия всегда была внеэтнической и надрелигиозной силой, которая если и не до конца справлялась с проблемами в «горячих точках», то в целом на окраинах страны была способна поддерживать стабильность и порядок. Удаляя военных из политики, слабое, страдавшее от нехватки авторитета правительство А. Вахида получало дополнительные политические трудности.

Наиболее сложными для решения проблемами из доставшихся в наследство новому правительству были этно-конфессиональные конфликты, которые приобретали угрожающий размах. Стремясь урегулировать ситуацию в Аче, А. Вахид планировал проведение референдума по вопросу отделения провинции, однако, под давлением военных был вынужден отказаться от этой идеи. Аче были обещаны широкая автономия, справедливое распределение «газовых» и иных доходов, гуманитарная помощь и т.п.

Достигнутую договоренность о прекращении огня в марте 2001 г. заменило соглашение о «мире через диалог». Но полноценного урегулирования конфликта так и не произошло. Причиной тому была слабость власти и порой откровенный саботаж военных и гражданских чиновников. Многие высшие офицеры сумели прочно внедриться в экономику провинции, прибрав к рукам лесоразработки, транспортные

перевозки и другой прибыльный бизнес, который мог оказаться под угрозой из-за инициатив Абдуррахмана Вахида¹⁴⁵.

Посетив в январе 2000 г. другую «горячую точку» – Ириан Джайя, президент предложил переименовать провинцию в Папуа, как того требовали местные диссиденты, и разрешил использовать, наряду с национальной, местную символику. Однако, опять же под давлением гражданской и военной элиты эти уступки были вскоре взяты назад. В ответ Конгресс коренного населения Ириан Джайи принял постановление об отделении провинции, что еще больше осложнило дальнейшее урегулирование.

Неудачи попыток мирного разрешения конфликта, а также непредсказуемое поведение центральной власти и резкий стиль руководства, присущий Абдуррахману Вахиду, привели к тому, что блок политических сил, стоявших за президентом, распался очень быстро. С середины 2000 г. к обвинениям в непрофессионализме и неэффективности президента добавились обвинения в коррупции.

Один из скандалов получил название "Булогейт". Речь шла о том, что личный массажист президента сбежал из страны, прикарманив 4 млн. долл., принадлежавших национальному агентству по снабжению «Булог». По мнению парламентариев, этот инцидент был невозможен без ведома Вахида. В ходе другого скандала, известного как "Брунейгейт", президент обвинялся в нецелевом использовании 2 млн. долл., полученных от султана Брунея для помощи провинции Аче¹⁴⁶.

Начавшееся расследование переросло в процедуру импичмента, которую, впрочем, было весьма непросто осуществить. Отметая всяческие обвинения и списывая все неудачи на переходный период, президент постоянно грозил дестабилизацией политической обстановки и открыто заявлял, что в случае его отставки или свержения 5-6 провинций немедленно потребуют независимости. Этот аргумент не был лишен основания, тем более, что президенту, сочетавшему авторитет политического деятеля и мусульманского богослова, все чаще приходилось играть сдерживающую роль по отношению к исламским фанатикам, чьи выступления сотрясали окраины страны.

Видя неуступчивость президента, парламентарии предложили компромисс, при котором с А. Вахида снимались обвинения в коррупции (за недоказанностью), но сохранялись обвинения в непрофессионализме. Возможно, со стороны это и выглядело как попытка дать престарелому лидеру сохранить лицо. Однако, для А. Вахида подобный уход означал бы, что все его достижения (в том числе по части демократизации системы, вскрытию «темных» пятен индонезийской истории) были бы принижены. В ответ он попытался интенсифицировать расследования махинаций и коррупции, которые велись в тот момент и касались представителей высшего эшелона власти времен Сухарто. Надо отметить, что многие представители элиты «нового порядка» сохранили свои высокие посты и не могли допустить разоблачений, в которых бы фигурировали имена известных государственных и политических деятелей, а также представителей крупного капитала¹⁴⁷.

Борьба президента с парламентом привела к дестабилизации внутривнутриполитической обстановки и экономической ситуации. К июню 2001 г. курс рупии упал до 12000 за 1 долл. США – самой низкой отметки со времен кризиса 1998 г. На улицах городов происходили столкновения сторонников и противников

¹⁴⁵ Урляпов В. Ф. Индонезийская Чечня. Политический журнал. № 24, 2004. <http://www.politjournal.ru>

¹⁴⁶ <http://asiatimes.narod.ru/news2001/0701/d091.htm>

¹⁴⁷ Шукуров А. Индонезия надорвалась. Континент. №15, 2001 г. www.continent.kz

президента. Члены Нахдатул Улама стали создавать военизированные отряды для защиты своего лидера¹⁴⁸. Готовясь к упорной борьбе, А. Вахид неоднократно проводил перетасовки в правительстве, в ходе которых особенно «досталось» силовикам. Однако, командование сухопутных сил, невзирая на лояльную позицию министра обороны и главкома, заявило президенту, что не поддержит его в случае попыток ввести чрезвычайное положение или распустить парламент. Собравшаяся 23 июня сессия НКК практически единогласно сместила Абдуррахмана Вахида. Пост главы государства перешел, в соответствии с конституцией, к вице-президенту Мегавати Сукарнопутри.

Тотчас после приведения к присяге в качестве главы государства она заявила, что полна решимости справиться со сложными проблемами страны, и отметила, что «справиться с ними можно только при политической стабильности». Добиться такой стабильности в тот момент было нелегко, особенно учитывая отсутствие четкой программы действий у ДПИ(б). Фактически популярность партии и ее вождя была обеспечена святой для многих индонезийцев фамилией, выступлениями против режима Сухарто и тем, что Мегавати подверглась гонениям в последние годы «нового порядка».

Несомненным плюсом для Мегавати было то, что еще в ходе своего вице-президентства ей удалось установить неплохие отношения с военными. Поддержка со стороны армии и особенно сухопутных сил с самого начала придавали ее положению большую устойчивость, нежели была у предшественников. Вместе с тем усиление военных порождало новые проблемы.

Так, сотрудники общественной организации «Центр Аче за референдум» отметили, что приход Мегавати к власти – это «гарантия того, что репрессии в Аче продолжатся, если не усилятся»¹⁴⁹. Действительно, армейский контингент в 30-40 тысяч был снова введен в Аче, где провел ряд операций, по размаху и жестокости сравнимых с теми, что проводились при Сухарто. Тем самым Мегавати лишним раз продемонстрировала, что для Джакарты единственным приемлемым решением проблемы Аче остается силовое. ГАМ должно было быть сокрушено, а мятежная провинция сохранена в составе единой и неделимой Индонезии¹⁵⁰.

На территории Папуа была образована провинция Западный Ириан, что было воспринято как стремление Джакарты и дальше «разделять и властвовать». Разделение, сопровождавшееся народными выступлениями и кровопролитием, повлекло за собой еще и ряд трудностей юридического плана. Правомерность существования Западного Ириана оказалась под вопросом.

Новому правительству добавила проблем и внешнеполитическая ситуация. Ведя активную борьбу с международным терроризмом, Вашингтон призвал Мегавати Сукарнопутри сделать все возможное, чтобы пресечь террористическую активность в Индонезии. Мусульманский экстремизм существовал в Индонезии и в прежние времена. Однако с наступлением XXI в. он приобрел отчетливую антиамериканскую направленность. Наиболее известными акциями террористов в Индонезии были взрывы в ночных клубах на острове Бали в 2002 и 2005 гг., взрыв в отеле «Марриотт» в июле 2003 г., взрывы в 2004 г. у австралийского и американского посольств. Ответственность во всех случаях взяла на себя

¹⁴⁸ Цыганов Ю. Индонезия перед лицом новых потрясений.

<http://political.narod.ru/ARCHIVE/indonesia.htm>

¹⁴⁹ Шукуров А. Индонезия надорвалась. *Континент*. №15, 2001 г. www.continent.kz

¹⁵⁰ Урляпов В.Ф. Индонезийская Чечня. *Политический журнал*. № 24, 2004. <http://www.politjournal.ru>

радикальная организация «Джемаа Исламия», объединяющая исламистов региона в разветвленную террористическую сеть.

Принять помощь со стороны США для решения проблемы внутреннего терроризма на тот момент для Мегавати было невозможно, так как против этого выступали представители ряда исламских партий (в том числе и умеренных), на которые она вынуждена была опираться, проводя свою политику. Использование же своих военных осложнялось тем, что все действия армии находились под пристальным вниманием Запада. Частое нарушение прав человека индонезийскими военными в ходе действий в Восточном Тиморе и других «горячих точках» архипелага повлекло за собой даже установление эмбарго со стороны США на поставку военной техники американского производства (в первую очередь авиации) и запчастей к ней.

Интересно, что когда, реагируя на это обстоятельство, Мегавати в ходе визита в Москву (в апреле 2003 г.) заключила контракт на закупку российских истребителей, оппозиция немедленно организовала парламентское расследование. Покупка четырех многофункциональных истребителей Су-30КИ и двух транспортно-боевых вертолетов Ми-35 была осуществлена в обход министерства обороны, через министерство торговли и промышленности, а также через госагентство «Булог», причастное к ряду громких коррупционных разбирательств¹⁵¹. История, получившая название «Сухойгейт», хотя и была изначально крайне политизирована, но вместе с тем, стала сигналом для Сукарнопутри, что в ближайшее время ее позиции (как в свое время позиции А. Вахида) будут испытываться на прочность.

Несмотря на изначально высокую популярность, позиции Мегавати и ее партии за время четырехлетнего правления постепенно слабели. Индонезийцы были разочарованы неудачами ДПИ(б) в делах стабилизации экономики и создания новых рабочих мест, в борьбе с коррупцией, поддержании общественного порядка и урегулировании региональных конфликтов. На выборах в 2004 г. ДПИ(б) получила лишь 19% голосов по сравнению с 34% в 1999г. Президентская кампания также оказалась для Сукарнопутри неудачной. Избиратели не услышали от нее обещания перемен в составе правительства и проводимом курсе. Мегавати не стремилась к общению с избирателями напрямую, оставаясь в окружении помощников, среди которых имелось немало продажных чиновников. Сказались и недавние региональные выборы, в ходе которых всплыли факты явной коррупции и использования административного ресурса. В политическом фиаско Мегавати сыграло роль и то, что президентские выборы с 2004 г. стали прямыми. Если ранее президента избирал НКК, то в 2004 г. это право было впервые предоставлено народу.

Победа досталась отставному 55-летнему генерал-лейтенанту Сусило Бамбангу Юдхойоно. Новый президент не был новичком в государственных делах. Его карьера пошла в гору после того, как он стал зятем генерала Сарво Эдди Вибово – бывшего командира воздушных десантников, сыгравших решающую роль в событиях 1965 г. Благодаря этому браку, Юдхойоно вошел в элиту индонезийских силовых структур. В 70-х годах он с отличием закончил военную академию, получив знаки различия из рук самого Сухарто.

За время службы Юдхойоно трижды бывал в Восточном Тиморе. В 1976 году в качестве младшего офицера он участвовал в оккупации Восточного Тимора, спустя

¹⁵¹ Ломанов А. «Сухие» подняли бурю в Индонезии. Время новостей. №114, 2003.

<http://www.vremya.ru/2003/114/4/73797.html>

десять лет командовал там батальоном, а еще через десять лет, уже отвечая за территориальные подразделения вооруженных сил всей страны, командовал находившимися там индонезийскими войсками.

Отметим, что бывший главком индонезийской армии Виранто, который тоже участвовал в президентских выборах 2004 г., добился весьма скромных результатов. Виранто шел от Голкара – партии, не пользующейся особой популярностью в постсухартовской Индонезии. В еще большей степени его имидж подпортили многочисленные обвинения международного трибунала в военных преступлениях в Восточном Тиморе. Что же касается Юджойно, то ему аналогичные обвинения не предъявлялись, хотя именно он исполнял приказы Виранто¹⁵². Более того, прежняя связь Юджойно с армией, о необходимости реформировать которую говорили все его предшественники на посту президента, в глазах избирателей оказалась скорее плюсом. По мнению населения, повысить боеспособность армии и очистить ее от коррумпированных офицеров смог бы только «свой человек».

В политике Юджойно оказался уже после падения Сухарто. Абдурахман Вахид назначил генерала сначала министром горно-добывающей промышленности и энергетики, а спустя год – министром по вопросам политики и безопасности. Когда в 2001 г. Вахид под угрозой импичмента пытался ввести военное положение, Юджойно не захотел выводить армию на улицы. Он отказался от своего поста, но вместе с тем заработал имидж борца за справедливость.

Наибольших же успехов он добился уже в правительстве Мегавати Сукарнопутри, где занимал пост министра по вопросам безопасности. В частности, именно он вел переговоры с сепаратистами в Аче. С началом кампании по борьбе с терроризмом Юджойно переключился на это направление, где быстро добился успехов.

Почувствовав, что Мегавати стремительно теряет популярность, он пошел по уже проверенному пути. В марте 2004 г. он вышел из правительства, откестился от очередного коррумпированного и недееспособного режима и выдвинул себя кандидатом в президенты.

Вторым номером в команде Юджойно стал Юсуф Калла – бизнесмен с острова Сулавеси. Его компания РТ.Викака является производителем аэродромного оборудования и работает на мировом рынке. Финансовые возможности Каллы в немалой степени способствовали быстрой «раскрутке» Юджойно, несмотря на расплывчатость предвыборной программы последнего.

Идя к власти, Сусило Бамбанг Юджойно обещал вести борьбу с коррупцией и погасить затянувшиеся конфликты на окраинах страны. И если проблема коррупции остается и по сей день нерешенной, то в плане мирного урегулирования отношений с провинциями были достигнуты определенные результаты. В первую очередь подвижки обозначились в Аче.

Дополнительным поводом к поиску согласия и компромисса стало цунами, обрушившееся на Аче в декабре 2004 г. Столкнувшись с разрушительными последствиями морской стихии, власти Индонезии были вынуждены направить в провинцию значительные гуманитарные силы, а также возобновить контакты с сепаратистами для того, чтобы хотя бы временно остановить насилие в разрушенной провинции. Юджойно призвал боевиков ГАМ к прекращению огня. Несмотря на отдельные провокации с обеих сторон, диалог состоялся. К лету 2005 г. после серии переговоров при посредничестве ЕС он завершился подписанием в

¹⁵² *Строкань С.* Сусильная рука. «Власть». № 39(592) 2004. <http://www.kommersant.ru>.

Хельсинки «Меморандума взаимопонимания» между представителями правительства Индонезии и лидерами ГАМ.

Благодаря достигнутому соглашению, сепаратисты сняли требования о проведении референдума, предоставлении независимости провинции и сохранении военизированных отрядов ГАМ. В свою очередь, Джакарта пошла на ряд уступок, включая предоставление Аче широкой автономии, создание местных органов самоуправления и собственной политической партии, распоряжение финансовыми средствами от использования природных ресурсов провинции, а также привлечение к контролю за процессом дальнейшего мирного урегулирования и сдачи оружия боевиками международных наблюдателей из ЕС и стран АСЕАН.

Решение проблемы Аче при помощи международных посредников принесло правительству Юдхойоно ощутимые дивиденды на международной арене. Можно сказать, это был показательный пример разрешения конфликтных ситуаций для стран ЮВА, имеющих сходные проблемы. Вместе с тем внутри Индонезии нашлись силы, выразившие недовольство таким урегулированием. С одной стороны, националистически настроенная часть индонезийского общества резко выступила против практики привлечения иностранцев к разрешению сугубо внутренних проблем. С другой стороны, тот факт, что представителям ГАМ удалось добиться от Джакарты значительных уступок, подтолкнули лидеров других сепаратистских организаций к активизации деятельности. Так, лидеры «Организации за свободу Папуа» в очередной раз подняли вопрос о пересмотре статуса провинции Ириан Джайя в составе Индонезии и изменениях в сторону большей ее самостоятельности в политической и финансовой сферах.

Помимо «горячих точек», сохраняется и общая напряженность в стране. Острые социально-экономические проблемы создают питательную среду для роста исламского радикализма. Пользуясь поддержкой в мусульманской среде, традиционно подверженной сильным антизападным настроениям, различного рода экстремистские группировки продолжают дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию.

Другой проблемой Индонезии была и остается коррупция. Даже в ходе первых в истории Индонезии прямых президентских выборов были отмечены факты скупки голосов. Выявилось несовершенство закона о финансировании избирательных компаний. Заявив, что коррупция угрожает существованию государства, Юдхойоно повел активную борьбу с давним злом. В кратчайший срок к уголовной ответственности по обвинению в коррупции был привлечен ряд бывших министров, банкиров, представителей крупных государственных и частных компаний. Серьезность намерений президента можно усмотреть и в том, что отныне на банки возложена обязанность информировать компетентные органы о получении вкладов и переводе сумм от 100 млн. рупий (10 тыс. долл.) и выше. Индонезийская власть уделяет также немало внимания развитию международного сотрудничества в борьбе с отмыванием денег.

Сильное недовольство в обществе, сопровождавшееся антиправительственными демонстрациями и акциями протеста, вызвало сокращение дотаций на бензин и дизельное топливо, что привело к удорожанию этих продуктов втрое. Столь непопулярные меры правительства были обусловлены стремлением не допустить роста дефицита госбюджета, образовавшегося в результате увеличения стоимости нефти на мировых рынках. Следует заметить, что в последние годы на востоке страны был открыт ряд достаточно крупных нефтяных месторождений. Однако, несмотря на это, Индонезия, по оценкам специалистов, постепенно все больше превращается в импортера нефти.

Непростой остается ситуация и с ликвидацией последствий стихийных бедствий, обрушившихся на Индонезию в конце 2004 – начале 2005 года. Несмотря на целенаправленные усилия руководства страны по оказанию помощи пострадавшим районам, здесь сохраняется ряд проблем, связанных с восстановлением разрушенной инфраструктуры и возведением жилья.

Определенную дестабилизацию вносят и разногласия между первым и вторым лицами государства, суть которых заключается в том, что за фигурами президента С.Б. Юдхойоно и вице-президента Ю. Каллы стоят разные политические силы и финансово-экономические группы со своими зачастую противоречащими друг другу интересами.

* * *

Завершая общий обзор состояния дел в Индонезии после Сухарто, нужно подчеркнуть ряд существенных моментов, определяющих ситуацию в стране на сегодня, а возможно, и в дальнейшем. Начать следует с особенностей становления демократии. Политическая система «нового порядка» обладала слишком ограниченным потенциалом самокоррекции. Сам Сухарто оказался слишком запятнан репрессиями середины 60-х гг. и собственным nepoтизмом, чтобы безбоязненно встать на путь хотя бы ограниченной политической либерализации, напрашивавшейся к концу его правления. В итоге, получилось, что «прежняя» политическая элита скомпрометирована, а «новая» – не достаточно подготовлена, чтобы взять на себя груз проблем и ответственности за страну. На протяжении ряда лет центральной идеей оппозиции было противостояние «новому порядку». Внезапное крушение последнего поставило в повестку дня вопрос о дальнейших путях развития страны, на который у оппозиции не оказалось готового ответа. Партии были выстроены не вокруг идей и программ, а вокруг лидеров, ни один из которых не имел четкого видения ситуации.

Вместо объединения усилий для борьбы с последствиями кризиса началось «перетягивание одеяла», сопровождавшееся дроблением партий на фракции и объединением в блоки ради нейтрализации вчерашних союзников. В коалиционных и малоэффективных правительствах шла бесконечная перетасовка управленческих кадров, вызванная борьбой за те или иные посты. В разное время положение всех без исключения президентов «испытывалось на прочность» с помощью коррупционных скандалов и т.п. Все это можно было бы назвать естественным процессом политической либерализации, проходящим в условиях долгого воздержания от демократии, если бы он не сопровождался выступлениями демонстрантов, столкновениями с полицией, кровопролитиями, погромами, этническими и религиозными конфликтами, на протяжении ряда лет грозившими реальным распадом страны.

Становление эффективной демократической системы предполагает не только существование формальных институтов демократии, но и отлаженность демократических процессов, и наличие соответствующей культуры. Все это формируется со временем, так что, надо полагать, «издержки» стихийной демократизации будут проявляться в жизни Индонезии еще долго.

Другим важным моментом является роль армии. Несомненно, процесс демократизации заставил военных сдать ряд своих политических позиций. Сегодня они уже не могут претендовать на осуществление «двойной функции» и «гражданской миссии». Вместе с тем нельзя сказать, что армия в новых условиях оказалась полностью вытеснена из политики. Резко возросшая в годы демократии

внутриполитическая нестабильность привела к тому, что скомпрометировавшая себя в период «нового порядка» и враждебно воспринимавшаяся в демократических кругах, армия снова оказалась нужна политикам.

Начиная с президентства Мегавати, позиции военных крепнут. Подавление беспорядков в «горячих точках» и борьба с терроризмом возвращают военным их значимость. Начавшийся с приходом Юдхойоно процесс мирного урегулирования в Аче, хотя и свидетельствовал о невозможности решения этой проблемы чисто силовым путем, тем не менее, принес немалые политические дивиденды бывшему генералу и армии в целом, способствуя улучшению ее имиджа среди населения.

Надо полагать, что в обозримом будущем индонезийская армия сохранит прочные позиции во внутриполитической жизни. И дело не только в том, что в стране сохраняются «горячие точки», террористическая угроза, районы эпидемий и стихийных бедствий, где без военных не обойтись. На сегодняшний день индонезийская армия по-прежнему является внеэтнической и надрелигиозной силой, спланивающей страну.

Наконец, следует отметить проблему экономики, а точнее тех кризисных явлений, которые сохраняются по сей день в этой сфере. В свое время Сухарто сумел за короткий срок создать условия, побудившие *кабиров* и китайцев инвестировать свои капиталы в подъем национальной экономики. Однако, функционирование системы бюрократического капитализма во многом обеспечивалось такими негативными явлениями, как патронаж, nepotism и коррупция. Данные явления (несмотря на активную борьбу с ними в последние годы) продолжают существовать, нанося вред экономике Индонезии.

Смерть экс-президента Сухарто 28 января 2008 г. подвела черту под эпохой диктатуры и авторитаризма в Индонезии. Сегодня демократия, при всей ее слабости и незрелости, воспринимается в обществе как национальное завоевание (подобно тому, как воспринималась независимость, обретенная в результате войны). Политическая система стала более открытой, прозрачной и децентрализованной, влияние армии на политику значительно уменьшилось. Однако все эти изменения не повлияли на судьбу самого Сухарто. За годы его отставки на президентском посту сменилось три главы государства, но ни один из них так и не сумел привлечь бывшего диктатора к суду. Надо полагать, что причина крылась не только в слабом здоровье Сухарто (официальная версия), но и в определенном нежелании «топтать» историю своей страны и людей, которые ее творили, что порой происходит при вскрытии «темных пятен» прошлого. За десять лет, прошедших после отставки Сухарто, недовольство «новым порядком» стало постепенно забываться, уступая место осознанию того факта, что кризис 1997-98 г. отбросил страну слишком сильно назад, а возвращение к прежнему уровню жизни и экономической стабильности является в обозримом будущем едва ли возможным.

ГЛАВА III. Пак Чжон Хи и форсированная модернизация в Южной Корее 1961-1979 гг.

3.1. Политические предпосылки южнокорейского авторитаризма

До середины прошлого столетия Корея – небольшая по размерам и небогатая природными ресурсами страна – постоянно пребывала в большей или меньшей зависимости от своих более крупных и могущественных соседей¹⁵³. Еще в VII веке правителем одного из корейских протогосударств были привлечены китайские войска для победы в междоусобной войне, что положило начало вассальной зависимости Кореи от Китая. Следует отметить, что в политическом плане зависимость эта была во многом формальной: китайский император лишь подтверждал права корейских монархов на престол, не вмешиваясь прямо в вопросы осуществления внутреннего управления. Зато в организации государства и в области культуры корейцы переняли у китайцев многое. В частности, бюрократический аппарат, армия, иероглифическая письменность складывались в Корее по соответствующим китайским образцам. В духовной жизни, также как в Китае, утвердились конфуцианство и буддизм.

Поражение Кореи в войне с маньчжурами в 1637 году и крушение китайской династии Мин привело к установлению более жесткой зависимости Кореи от Китая. Новая китайская династия Цин взяла курс на закрытие своей страны, и Корея была вынуждена следовать в фарватере этой изоляционистской политики. Так продолжалось до 80-х годов XIX века, когда Корее был навязан ряд неравноправных договоров, открывших ее для иностранцев. Японо-китайская война 1894-1895 гг. положила конец корейской зависимости от Китая, а поражение России в русско-японской войне 1904-1905 гг. покончило и с русским влиянием в этом регионе. Став поначалу протекторатом Японии, Корея была аннексирована в 1910 г., управление ею теперь осуществлялось из Токио.

Практически вся промышленность Кореи и значительная часть земли оказалась в японских руках. Оставшиеся без земли крестьяне были вынуждены идти в города, где пополняли ряды рабочих на промышленных предприятиях и рудниках, подвергаясь жесткой эксплуатации со стороны новых хозяев. Повсеместно насаждался японский язык, шла насильственная «японизация» страны, вплоть до присвоения корейцам японских имен и смены корейских топонимов на японские¹⁵⁴.

¹⁵³ Краткий обзор Корейской истории, представленный далее, выполнен на основе сведений почерпнутых из следующих работ: *Ланьков А.Н.* Корея: будни и праздники. М., 2000.; *Ли В.Ф.* Стратегия и политика неокOLONиализма США (Дипломатия «новых рубежей» и страны Южной и Юго-Восточной Азии). М., 1971.; *он же.* Социальная революция и власть в странах Востока. М., 1984.; *Мазуров В.М.* Южная Корея и США (1950-1970). М., 1971.; *Торкунов А.В.* История Кореи: новое прочтение. М., 2003.; *Шабшина Ф.И.* Очерки новейшей истории Кореи (1945-1953). М., 1958.; *Шин В.А.* Китай и корейские государства во второй половине XX столетия. М., 1998.; *Nahm С. А.* Korea. Tradition and Transformation. A History of the Korean People. Seoul, 1988.; *idem.* Introduction to Korean History and Culture. Seoul, 1993.; *Palais В. J.* Politics and Policy in Traditional Korea. L., 1991.

¹⁵⁴ *Дмитриева В.Н.* Некоторые тенденции в трактовке истории Кореи. // Корейский полуостров: мифы, ожидания, реальность. 1 ч. М., 2001., с. 132-137.; *Ланьков А.Н.* Корея: будни и праздники., с. 20.; *Пак Б.Б.* Корейская политика России и Симоносекский мирный договор. // Корейский полуостров: мифы, ожидания, реальность. 2 ч. М., 2001. 15-17.

Недовольство оккупантами, вылившееся в мощное восстание в 1919 г., заставило японцев пойти на уступки. Были созданы корейские законосовещательные собрания при японских административных органах. Увеличилось количество корейских и японо-корейских предприятий, а корейские рабочие получили возможность организовывать профсоюзы. В милитаристских планах Японии Корею отводилось место военно-промышленного плацдарма на континенте. Уже в 30-х годах промышленный облик Кореи сильно изменился. Здесь строились многочисленные металлургические предприятия, электростанции и химические комбинаты. Кроме того, в преддверии Второй мировой войны японцы всячески старались привлечь корейцев на свою сторону идеями панasiatизма и лозунгами корейско-японского «братства».

Вслед за поражением Японии в войне на Корейский полуостров вступили американские и советские войска. Совместное пребывание союзных войск в Корею было предусмотрено еще на Ялтинской конференции, где урегулирование корейской проблемы планировалось при участии 4-х государств, – США, СССР, Англии и Китая. В дальнейшем, на совещании министров иностранных дел в Москве (16 – 25 декабря 1945 г.), была выработана идея советско-американской опеки над Кореей как наиболее оптимальной формы подготовки страны к независимости. Между тем, корейцы приступили к созданию национальных органов самоуправления еще до прихода союзников.

Практически во всех провинциях Кореи были образованы народные комитеты. Получив властные полномочия от японцев накануне капитуляции, комитеты провели съезд своих делегатов в Сеуле и 6 сентября 1945г. (за два дня до высадки американских войск) объявили о создании Народной Республики¹⁵⁵. Этот шаг был поддержан СССР, который рассматривал народные комитеты как законную власть и оказывал им поддержку. Напротив, американцы отнеслись к провозглашению Народной Республики настороженно и даже враждебно. Ссылаясь на предварительные договоренности об установлении опеки над Кореей, США отказались признавать Народную Республику, равно как и претензии на власть корейского временного правительства во главе с Ким Гу (возвратившегося из Китая после изгнания японцев). На юге Кореи была создана американская военная администрация (АВА), принявшая на себя функции верховной власти.

С самого начала АВА столкнулась с серьезными трудностями. Во-первых, для осуществления управления в зоне оккупации были необходимы опытные кадры, владеющие английским и корейским языками. Такими людьми были чиновники и полицейские, служившие при японцах. Однако привлечение их на службу вызвало взрыв негодования в обществе. Попытки полиции ликвидировать народные комитеты и отряды «народной охраны» наталкивались на вооруженное сопротивление. Во-вторых, после освобождения в Корею хлынул поток людей, бежавших в свое время от японцев. Среди них были и видные политические деятели, такие как Ким Гу, Ли Сын Ман. С появлением в Корею этих националистически настроенных лидеров деятельность АВА оказалась затруднительной. Наконец, нельзя не упомянуть о коммунистическом движении, занявшем весьма своеобразную позицию в разгоревшейся политической борьбе.

Начавшаяся в марте 1946 г. работа совместной советско-американской комиссии вызвала протесты на юге страны. Ким Гу уподобил режим опеки

¹⁵⁵ Подробнее см. *Cummings B. The Origins of the Korean War. Vol.1. Liberation and the Emergence of Separate Regimes 1945-1947. New Jersey, 1981, p. 267-278.*

колониализму¹⁵⁶. АВА оказалась перед лицом неуступчивой оппозиции во главе с Ли Сын Маном и Ким Гу, оперировавшей патриотическими лозунгами. Коммунисты же, вроде бы противостоявшие и АВА, и Ли Сын Ману с Ким Гу, неожиданно выступили в поддержку опеки. Пойти на такой шаг заставила, вероятно, необходимость поддержать работу советских представителей в комиссии¹⁵⁷. Сложилась парадоксальная ситуация: правые, среди которых было немало коллаборационистов, стали выглядеть патриотами и противниками США, в то время как коммунисты, особо не связанные с Америкой, выступили как бы на ее стороне.

В результате такого демарша компартия потеряла многих приверженцев. Напротив, блок Ли Сын Мана и Ким Гу обрел новых сторонников. Чиновники и полиция, явившиеся поначалу опорой американцев в Корее, проявляли все большее недовольство деятельностью АВА и открыто симпатизировали оппозиции. В подобной ситуации США ничего не оставалось делать, как решительным образом поменять свою стратегию, отказавшись от дальнейших переговоров по опеке. Решение корейской проблемы было передано ООН. Специальная временная комиссия по Корее обратилась к идее создания национального корейского правительства и провела в мае 1948 г. выборы в Национальную Ассамблею в южной части полуострова. На севере коммунисты отказались от посредничества ООН и осуществили свои собственные выборы чуть позже. Таким образом, произошло образование двух государств – Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) на севере и Республики Корея (РК) на юге.

В результате раздела полуострова, РК утратила почти весь промышленный потенциал. Основная часть предприятий была исторически сконцентрирована в северных районах, юг же был преимущественно аграрным. Страна оказалась в условиях сильнейшей нищеты, послевоенной разрухи и политической нестабильности. Кроме того, раскол страны положил начало длительному периоду конфронтации. Иными словами, «стартовая» ситуация, с которой началась южнокорейская модернизация, была исключительно тяжелой.

Первая республика в Южной Корее

Из всех политических партий, боровшихся за места в Национальной Ассамблее наибольшее количество мандатов получила партия «Национальное общество». Ее лидер Ли Сын Ман был избран председателем Ассамблеи. Это означало, что после обретения независимости он автоматически получал пост президента нового государства.

Следует отметить, что несмотря на долгое пребывание в США, Ли был широко известен в Корее. Более того, у него имелся ряд преимуществ перед другими корейскими политическими лидерами. Во-первых, он принадлежал к аристократическому роду и являлся дальним родственником последнего корейского монарха династии Ли. Уже одно это делало его законным правителем в глазах корейского крестьянства. Во-вторых, Ли Сын Ман выделялся образованностью на фоне других претендентов на верховную власть. Наконец, в качестве поборника

¹⁵⁶ *Дмитриева В.Н.* Некоторые тенденции в трактовке истории Кореи. // *Корейский полуостров: мифы, ожидания, реальность.*, с.141.

¹⁵⁷ *Загорский А.В.* Проблемы демократии в первых республиках 1948-1961. // *Республика Корея: становление современного общества.* М., 1996, с. 29.

корейской независимости он пользовался широкой известностью еще в начале века: тогда с его именем связывались антирусские выступления в Корее.

Однако распределение мест в Национальной Ассамблее не свидетельствовало о *полной* победе Ли Сын Мана. В частности, реальной силой в Ассамблее была Корейская Демократическая партия (КДП) под руководством Ким Сонг Су, основу которой составляли землевладельцы и чиновники – люди, ощущавшие себя государственной элитой. Большинство независимых депутатов (численность которых превышала размеры фракции «Национального общества») сплотилось вокруг КДП и составило сильную оппозицию Ли Сын Ману. На протяжении ряда последующих лет ему пришлось вести непрерывную борьбу за укрепление собственной власти.

Первые столкновения с оппозицией произошли в ходе работы над конституцией, проект которой должен был быть представлен американцам как одно из условий получения независимости. Ли Сын Ман стремился к установлению в Корее президентской республики по типу Соединенных Штатов, в то время как КДП выступало за парламентскую республику. Принятие варианта КДП означало, что главной фигурой в РК будет вице-президент, избираемый Ассамблеей и формирующий правительство с ее согласия. Это давало бы депутатам возможность перемещаться в правительство и другие исполнительные органы. Вслед за этим следовало ожидать назначения родственников и друзей на нижестоящие должности и возрождения коррумпированной, пронизанной фаворитизмом и nepотизмом политической системы времен заката династии Ли¹⁵⁸.

Немалых трудов стоило Ли Сын Ману поставить под свой контроль армию, полицию и бюрократию. Эти опоры власти, воссозданные АВА, состояли во многом из коллаборационистов, обладали сильным корпоративным духом и с трудом поддавались контролю со стороны. Особое место занимала бюрократия. Осуществляя в условиях слабой корейской экономики распределение лицензий, кредитов и иностранной экономической помощи, чиновники быстро превратились в очень влиятельный, состоятельный и довольно-таки независимый слой общества. Не только партии, но и сам президент были вынуждены искать их поддержки. По сути лишь в ходе Корейской войны 1950-1953 гг. Ли Сын Ману удалось создать для своей власти надежную опору (первоначально в лице армии)¹⁵⁹.

Особого внимания требовал внешнеполитический аспект, тесно увязанный с вопросами безопасности. После раздела страны военные конфликты в районе 38-й параллели происходили непрерывно. Покидая в этой обстановке Южную Корею, американская армия оставила ей лишь некоторое оборонительное вооружение. Более того, США заявили, что прекратят всякую помощь, как военную, так и экономическую, в случае если РК поведет себя агрессивно по отношению к северному соседу. В июне 1949 года Ли Сын Ман говорил, что США буквально «не позволяют нам драться»¹⁶⁰. При этом данные корейской и американской разведок

¹⁵⁸ *Joungwon Kim. Divided Korea. The politics of development. 1945-1972. New Jersey, Seoul, 1997, p. 117-118.*

¹⁵⁹ Обзор предыстории и хода Корейской войны 1950-1953 гг. составлен на основе следующих работ: *Ванин Ю.В. Международный аспект Корейской войны: некоторые актуальные вопросы. // Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность. 2 ч.; Торкунов А.В. История Кореи: новое прочтение. М., 2003.; он же. Загадочная война: корейский конфликт 1950-1953 гг.; он же Корейская война: уроки истории.// Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность 2 ч.; Cummings B. The Origins of the Korean War. Vol.2. The Roaring of the Cataract 1947-1950. New Jersey, 1990.*

¹⁶⁰ Цит по: *Ванин Ю.В. Международный аспект Корейской войны: некоторые актуальные вопросы.*, с.83.

говорили о быстро растущей военной мощи КНДР. Министр обороны РК Син Сон Мо 10 мая 1950 г. на пресс-конференции для иностранных журналистов заявил, что части Корейской Народной армии (КНА) направляются к 38-й параллели и готовятся к скорому вторжению на Юг. Группы полевых наблюдателей ООН, совершавших инспекционные поездки вдоль 38-й параллели, отмечали повышенную военную активность северокорейских войск в ночное время и удаление гражданского населения из районов, прилегающих к границе. Однако соответствующих выводов из полученной информации сделано не было¹⁶¹.

Объяснить подобную «слепоту» накануне вторжения можно лишь как преднамеренную. Иными словами, оставляя корейцам слабое оборонительное вооружение, делая установку на оборону и планомерный отход и лишая РК возможности воевать с Севером, США готовили Южную Корею к участи «жертвы коммунистической агрессии». В случае столкновения с северокорейской армией США получали повод для широкомасштабного применения силы и полного уничтожения коммунистического режима на полуострове. Спровоцировать же вторжение оттуда можно было и нарочито слабой обороной границ, и игнорированием всех военных приготовлений КНДР. Подтверждением этого является факт, обнаруженный американским исследователем Брюсом Каммингсом: накануне Корейской войны Пентагон утвердил и распространил план SL-17. Этот план предусматривал, что война начнется со вступления КНА в пределы РК, войска которой отступят, займут оборону на юге по периметру Пусана, после чего последует высадка американского десанта в Инчхоне¹⁶². Судя по всему, план этот не был секретом для высшего руководства РК.

Начавшаяся 25 июня 1950 г. Корейская война развивалась до поры до времени именно по этому сценарию. Уже 1 июля сухопутные войска США высадились на юге Корейского полуострова, а через несколько дней их передовым частям пришлось вступить в боевые действия. Стойкая оборона Пусана и десант в Инчхоне поставили северокорейские войска на грань окружения и вынудили их к отступлению. По всей видимости, политические и военные деятели США сумели обеспечить четкое выполнение намеченного плана, и лишь вступление в войну китайских «добровольцев» спутало карты. К 1951 г. фронт стабилизировался в районе 38 параллели. Продлившаяся еще два года война не принесла ощутимого перевеса ни одной из сторон. Таким образом, война, обратившая страну в руины, оказалась на деле большой политической игрой. Южной Корее в этой игре отводилась роль пешки, жертвывая которой, США планировали ликвидировать северокорейский режим и приостановить дальнейшее распространение коммунистического влияния в Азии.

Война, принеся нечисленные бедствия корейцам, способствовала повышению политического престижа Ли Сын Мана на Юге. К 1956 г. ему удалось сплотить ряды своих сторонников. Взамен партии «Национальное общество» он создал новую Либеральную партию, сумел взять под контроль бюрократию и полицию. Однако главная проблема режима – слабая экономика страны – оставалась нерешенной. Страна жила во многом за счет иностранной, главным образом американской помощи. Существовало немало способов, которыми Либеральная партия обращала эту, преимущественно товарную, помощь в финансы. Наиболее распространенным способом было предоставление лицензий на поставку тех или иных видов товаров в Корею. Взамен предприятие, занимавшееся

¹⁶¹ Ванин Ю.В. *Международный аспект Корейской войны: некоторые актуальные вопросы.*, с.73.

¹⁶² *Cummings B. The Origins of the Korean War. Vol.2., p. 614-615.*

поставками, осуществляло вклады в партийную кассу. Такая практика была очень широко распространена и взаимовыгодна, однако она целиком зависела от иностранной помощи.

Важным шагом в деятельности Ли Сын Мана было проведение в Корее аграрной реформы. Первые попытки в этом направлении были предприняты в феврале 1950 г. Помимо улучшения положения в сельском хозяйстве, Ли Сын Ман преследовал еще одну цель. Реформа должна была лишить землевладельцев их политического влияния в сельских районах и подорвать их позиции в Национальной Ассамблее. Земля предоставлялась крестьянам за выкуп, землевладельцы же получали еще и компенсацию от государства. Осуществление реформы было прервано войной. Следует отметить, что в ходе войны северокорейские коммунисты успели провести радикальную аграрную реформу на территориях, временно оказавшихся под их контролем и впоследствии отошедших к Югу. В результате помещичье землевладение прекратило свое существование практически на всем полуострове. Заметим, что в будущем такое положение дел значительно облегчит миссию Пак Чжон Хи. Реформированный аграрный сектор позволит ему (во всяком случае в 60-е гг.) уделить основное внимание индустриализации страны.

Стремясь создать более прочную основу режиму, Ли Сын Ман начал осуществление проекта по субсидированию ряда промышленных предприятий, которые опять-таки должны были производить отчисления из прибылей в пользу партии. Именно к этому времени относится зарождение первых финансово-промышленных групп, т.н. *чеболей*, которые получают свое дальнейшее развитие при Пак Чжон Хи и станут флагманами корейской экономики. Что же касается Ли Сын Мана, то он не успел достичь ощутимых результатов от своих нововведений, ибо срок его правления уже близился к завершению.

В конце 50-х г. Ли Сын Ман постепенно стал передавать бразды правления своим многочисленным помощникам, объясняя это тем, что «для него уже нет необходимости вникать во все детали происходящего во власти»¹⁶³. В свою очередь, окружение президента создавало вокруг него «информационную завесу», вселяя уверенность в стабильности созданной им системы. Реально же политическое верховенство Ли Сын Мана и его партии держалось в то время на полиции, систематическом «подкармливании» тех, в чьей лояльности правитель был заинтересован, и поддержке сельского населения, которое традиционно принимало сторону власти¹⁶⁴.

Сложившаяся на базе Демократической партии оппозиция значительно укрепилась во второй половине 50-х гг. Восстановление промышленности и процесс урбанизации, сопровождались оттоком населения в города. Основную часть таких переселенцев составляла молодежь, которая стремилась получить в городе образование и работу. Рост образовательного уровня корейской молодежи сопровождался трансформацией сознания, впитыванием западных демократических идей, и превращением студенчества в авангард оппозиции. Напротив, Либеральная партия неуклонно теряла свою популярность. Сокращение американской помощи в 1958-1959 гг. не замедлило сказаться на экономической ситуации в стране. Падение производства, рост инфляции и безработицы усилили недовольство деятельностью правительства. Когда же в 1960 г. были фальсифицированы результаты выборов с целью провести на пост премьер-министра сторонника Ли Сын Мана – престарелого

¹⁶³ *Joungwon Kim. Divided Korea.*, p. 150.

¹⁶⁴ *Загорский А.В. Проблемы демократии в первых республиках 1948-1961.*, с. 43.

Ли Ки Пунга, то последовал взрыв народного негодования. Действия полиции по разгону студенческих демонстраций в Сеуле повлекли за собой многочисленные жертвы и осуждающую реакцию США, уже давно утративших иллюзии в отношении южнокорейского президента. В такой обстановке Ли Сын Ману не оставалось ничего, как подать в отставку.

Вступив на политическую арену Кореи конца 40-х гг. с репутацией твердого националиста, Ли Сын Ман завершил свою карьеру с репутацией американской марионетки, недееспособной с точки зрения объективных задач, стоявших перед страной, и переставшей устраивать сами Соединенные Штаты.

Вторая республика в Южной Корее

Придя на смену режиму Ли Сын Мана, Вторая республика просуществовала недолго. Однако именно в этот период наиболее ярко и драматично проявились черты, присущие корейскому обществу в условиях отсутствия стабильной власти. Более того, неспособность к самоорганизации без некоей высшей направляющей силы породила в корейском народе опасения, что успешное построение современного демократического общества в Корее невозможно. По иронии судьбы, потребовались долгие годы военных режимов, обеспеченных ими экономических успехов, а потом и политической либерализации, чтобы развеять эти опасения.

Отставка Ли Сын Мана и его правительства не повлекли за собой немедленного хаоса. Крах постиг лишь Либеральную партию, как опору личной власти президента. Прочие же политические и экономические структуры оказались задеты в меньшей степени. Вообще, порядок был возвращен на улицы Сеула достаточно быстро. Этому способствовал ряд причин. Во-первых, Ли Сын Ман передал управление известному корейскому политическому деятелю Хо Чону – бывшему премьер-министру и мэру столицы, что обеспечило относительно спокойный процесс смены власти. Во-вторых, студенты, добившись устранения с политической арены ненавистной Либеральной партии, пошли навстречу временному правительству, прекратили демонстрации и вернулись в аудитории. В-третьих, народ в целом занял выжидательную позицию.

Таким образом, временное правительство получило возможность без помех приступить к выполнению основной на том этапе задачи – изменению конституции. Эта работа была выполнена спустя шесть недель после отставки Ли Сын Мана. По ее итогам Южная Корея становилась парламентской республикой. Исполнительная власть переходила в руки премьер-министра, президент оставались функции номинального главы государства. В соответствии с конституцией президент избирался Национальной Ассамблеей, а премьер-министр, назначавшийся президентом, этой Ассамблеей утверждался¹⁶⁵.

Политики, принявшие поправки к конституции и ликвидировавшие политическое наследие Ли Сын Мана – президентскую республику – попали в своеобразную ловушку. В контексте тогдашней политической практики для получения поддержки в Ассамблее премьер-министр должен был обещать депутатам министерские или другие высокие посты. Число таких постов было ограничено и никак не могло вместить 223 члена нижней и 58 членов верхней палат Национальной Ассамблеи. Оставалось лишь прибегать к непрерывной ротации

¹⁶⁵ *Joungwon Kim. Divided Korea., p. 203*

чиновников, что неизбежно сказывалось на эффективности управления государством¹⁶⁶.

Убедительная победа Демократической партии на выборах 29 июля 1960 г. как будто позволяла ей контролировать обе палаты Национальной Ассамблеи. Однако, сплотившиеся в борьбе с Ли Сын Маном демократические силы, сразу после его падения начали делиться на фракции, внутри которых тоже не наблюдалось единства. До переворота оппозиционность режиму фактически заменяла Демократической партии идеологию, но после того, как режим пал, оказалось, что партия не имеет иных объединяющих идей¹⁶⁷.

За девять месяцев существования правительства частичное или полное обновление кабинета произошло трижды (12 сентября 1960, 20 января 1961 и 3 мая 1961). Попытки создать программу действий в таких условиях не увенчались успехом. В результате партия пошла по пути подчинения «общественному мнению». Она практически отказалась от выдвижения своих собственных программ и проектов. Видя, что новая власть не проявляет себя, народ начал спонтанно выражать недовольство. Результатом стали непрекращающиеся митинги и демонстрации. За неполных десять месяцев их произошло около двух тысяч, то есть 6-7 демонстраций в день¹⁶⁸.

Наиболее ярким проявлением безвластия, царившего в Южной Корее в 1960-1961 гг., стал захват протестующими студентами здания Национальной Ассамблеи (11 октября 1960 г.). Демонстранты требовали принятия нового законодательства, которое задним числом могло бы быть использовано для преследования руководителей Либеральной партии. Правительство не только не предприняло никаких действий против них, но и принесло извинения за бездеятельность и обеспечило принятие закона, ограничившего гражданские права лиц, занимавших высокие должности накануне «студенческой революции»¹⁶⁹.

Власти не могли и не хотели призвать народ к порядку по ряду причин. Во-первых, полиция – структура, тесно связанная с режимом Ли Сын Мана, – во время Второй республики практически устранилась от выполнения своих повседневных функций. А во-вторых, потому что Демократическая партия шла к власти главным образом под лозунгом защиты гражданских прав и не могла позволить себе ничего, что походило бы не их ущемление. Уже после краха Второй республики Чан Мен – лидер южнокорейских демократов и премьер-министр в 1960-1961 гг. – говорил, что его партия, во всяком случае, позволила людям испытать безграничную свободу, к которой они так стремились¹⁷⁰.

Не менее сложной для решения, нежели проблемы организации и идеологии, оказалась проблема финансов. Режим Ли Сын Мана сильно зависел от американской помощи и именно сокращение объемов этой помощи сыграло не последнюю роль в его крушении. Новая власть постаралась во что бы то ни стало увеличить приток средств из США. Результатом стало почти полное подчинение деятельности правительства Чан Мена американским интересам.

Среди прочего, оно пошло на девальвацию национальной валюты, увеличив обменный курс с 650 южнокорейских вон за 1 долл. США до 1300 вон. Это вызвало

¹⁶⁶ *Joungwon Kim. Divided Korea.*, p. 204.

¹⁶⁷ *Загорский А.В. Проблемы демократии в первых республиках 1948-1961.*, с. 47

¹⁶⁸ *Мазуров В.М., Сеницын Б.В. Южная Корея. Драматическое перепутье.* М., 1963, с. 111.

¹⁶⁹ *Загорский А.В. Проблемы демократии в первых республиках 1948-1961.*, с. 48

¹⁷⁰ *Joungwon Kim. Divided Korea.*, p. 210.

бурный рост цен с одновременным падением производства, снизившегося в ряде отраслей почти на четверть. Кроме того, правительство Чан Мена подписало договор, в соответствии с которым США получали возможность контроля над распределением предоставляемой ими помощи. После чего половина всех бюджетных расходов Южной Кореи оказалась в ведении Вашингтона.

Однако даже строгий внешний надзор за распределением бюджетных средств не мог остановить коррумпированных членов Национальной Ассамблеи, которые еще во времена Ли Сын Мана привыкли пользоваться своим положением в корыстных целях. Одной из наиболее распространенных махинаций была продажа лицензий на поставку и реализацию иностранных товаров в обмен на значительный процент прибыли. Если раньше подобные махинации осуществлялись в отношении американской помощи, то теперь взгляды депутатов обратились и к Японии. Импорт японской косметики и предметов роскоши был очень прибыльным, но запрещенным при Ли Сын Мане бизнесом. Теперь же лицензии на такую торговлю выдавались легально. В результате дорогостоящие (по южнокорейским меркам) японские товары хлынули в Корею, усугубляя и без того нелегкие финансовые проблемы страны.

Серьезнейшим проявлением слабости новой власти была неспособность выстраивать отношения с силовыми структурами, в частности с армией. Между тем в рядах последней копилось недовольство, порожденное рядом причин как внешнего, так и внутреннего характера. В конце 50-х начале 60-х гг. офицерский корпус южнокорейской армии был сравнительно молод. Многие офицеры, вставшие в строй после Корейской войны, были профессионально подготовлены лучше своих начальников. События 1960 г. породили у них надежду, что высшие командиры, связанные с режимом Ли Сын Мана, будут уволены, а перед армейской молодежью откроются перспективы роста. Но таких увольнений не последовало. Более того, под давлением США правительство Чан Мена начало готовить проект общего сокращения вооруженных сил – при том, что в 1957-1958 гг. подобное сокращение (с 700 тыс. до 600 тыс. человек) уже имело место. Теперь же предполагалось оставить под ружьем лишь 400 тыс. человек. Понятно, что эти планы не вызвали одобрения военных, и создали почву для подготовки антиправительственного выступления¹⁷¹.

Наконец, сильным раздражителем для армии явился рост леворадикальных настроений в молодежной среде. Видя беспомощность новой власти и не желая возврата к прежним временам, молодежь все с большим интересом обращалась к коммунистическим идеям. Дошло до того, что студенты Сеульского университета образовали Национальную студенческую федерацию за воссоединение родины (Минтон) и начали кампанию по сбору 1 млн. подписей в поддержку немедленного воссоединения с КНДР. Далее лидеры федерации предъявили властям ультиматум, угрожая организовать марш в Панмунчжом¹⁷² и начать собственные прямые переговоры с Пхеньяном, если правительство Чан Мена само не примет таких мер. Начало марша запланировали на 20 мая 1961 г.¹⁷³ Эта инициатива Минтона и послужила непосредственным поводом для военного переворота, который 16 мая 1961 г. положил конец Второй республике, надолго сняв с повестки дня проблему демократизации Южной Кореи.

¹⁷¹ *Joungwon Kim. Divided Korea.*, p. 218.

¹⁷² Населенный пункт в районе демилитаризованной зоны, разделяющей Северную и Южную Корею, место, где официальные представители этих стран при необходимости обсуждают вопросы, представляющие взаимные интересы.

¹⁷³ *Загорский А.В. Проблемы демократии в первых республиках 1948-1961.*, с. 48.

Политическая культура Кореи

Для лучшего понимания процессов, проходивших в Южной Корее после 1945 г., следует обратиться к политической культуре этой страны. Как уже говорилось, Корея, находясь долгое время в вассальной зависимости от Китая, восприняла от своего могущественного соседа очень многое в области идеологии, структуры государственного управления и культуры.

Ключевым моментом среди многочисленных заимствований явилось конфуцианство. Именно оно во многом обусловило политическое развитие Кореи, легло в основу ее государственной системы и способствовало формированию ряда особенностей, присущих корейскому менталитету. Нормы китайской политической культуры стали проникать в Корею в начале нашей эры, когда на полуострове возникли первые государственные образования. В 958 г. была введена система экзаменов, что стало важной ступенью в распространении этих норм. Готовясь к экзаменам, будущие чиновники усваивали конфуцианские каноны и комментарии к ним, а также тщательно изучали богатую китайскую литературу по вопросам государственного управления.

С воцарением в конце XIV в. династии Ли позиции конфуцианства еще больше укрепились, его основной конкурент – буддизм – оказался полностью вытесненным из идейно-политической жизни Кореи. Династия Ли постоянно подчеркивала свою верность конфуцианским образцам и даже пыталась обосновать тезис о Корее как «самой конфуцианской» стране на свете, после того как Китай оказался под властью маньчжур и утратил «идеологическую чистоту».

Присущий конфуцианству культ чиновничества наложил отпечаток на всю корейскую государственную систему и политическую культуру. Так, корейский монарх, будучи почти неограниченным в своей власти (ограничение было в признании вассального положения по отношению к китайскому императору и принятии титула *ван*, который носили китайские князья), тем не менее был вынужден прислушиваться к мнению многочисленных советников. При дворе имелся специальный правительственный орган – Саганвон, в функции которого входило критиковать ошибочные действия вана. Ван мог игнорировать замечания Саганвона и даже распустить его, но политическая традиция не одобряла таких действий. Имелись и такие органы, как Хомунгван – своего рода «палата советников» при особе вана, а также Кёнъён, ведавший образованием вана и подбиравший ему соответствующую конфуцианскую литературу, и Йемунгван, занимавшийся составлением указов¹⁷⁴.

С конфуцианской точки зрения образцовый чиновник должен был быть не только трудолюбивым и исполнительным, но еще честным и «прямым», то есть способным выступать против ошибочных политических решений и открыто обличать дурные поступки, кто бы их ни совершал. Конфуцианская традиция предусматривала для чиновника два способа выражения своего несогласия с осуществляемой политикой, – подача соответствующего меморандума на имя вана или отставка в знак протеста. Та же традиция требовала от вана обязательного рассмотрения меморандумов.

Примечательной составляющей конфуцианской политической культуры было особое отношение к истории. Причиной тому была, во-первых, идеализация прошлого, присущая конфуцианству. Отсюда большая популярность ориентации на

¹⁷⁴ Ланьков А.Н. Политическая борьба в Корее XVI-XVIII вв. С-Пб., 1995, с. 26.

«возвращение к древности» в политической мысли Дальнего Востока. Во-вторых, сказывалась слабая разработка концепции загробного воздаяния в конфуцианской религии. Роль своеобразного заменителя играла здесь посмертная слава. Историографы тщательно фиксировали все существенные деяния вана и крупных чиновников. Переписывание истории с целью придания поступкам тех или иных лиц благовидной или негативной окраски было частым явлением. Более того, существовал даже обычай посмертного назначения на должность или повышения в ранге. Случалось и обратное. Как правило, посмертные «взлеты» и «падения» преследовали тех, кто при жизни имел многочисленных последователей и влиял на государственную политику. С приходом их противников к власти начинались посмертные «репрессии», которые в дальнейшем могли смениться «реабилитацией».

Следует отметить, что несмотря на сильную приверженность конфуцианству (и вообще всему китайскому), государственная система Кореи все-таки отличалась от китайского образца. В частности, в Корее существовала жесткая система сословий, ограничивавших вертикальную социальную мобильность.

Напомним, что в Китае система экзаменов в идеале позволяла любому человеку получить чиновничью должность. Исключение было лишь для немногочисленной категории неполноправных. Положение сдавшего экзамены и назначенного на соответствующий пост было необычайно престижным и давало немалую реальную власть. Вместе с тем статус чиновника практически не отражался на его детях.

В Корее дело обстояло совершенно иначе. Как показывают исследования, проведенные С.В. Волковым, занятие постов в госаппарате было изначально привилегией знати. В период государств Силла и Корё (VII – XIII вв.) простолюдины иногда становились чиновниками (как правило, в военных ведомствах), но преимущественно в условиях политической нестабильности, когда экзаменационная система утрачивала свою обязательность¹⁷⁵. С приходом династии Ли государственная служба сделалась единственным занятием, достойным корейского дворянства (*янбанов*). Уклонение от такой службы в течение трех поколений вело к утере сословного положения. Военная служба считалась менее престижной. Служебный рост военных ограничивался третьим неполным рангом в то время как гражданские чиновники могли продвигаться до первого ранга (Всего рангов было 9, но каждый из них делился на два: полный и неполный, так что общее количество рангов достигало 18. Все чиновники в соответствии с их рангами делились на три большие группы: старшие — с I по III ранг, средние — с IV по VI, младшие — с VII по IX). Таким образом, сложилась ситуация, когда все янбаны стремились оказаться в рядах гражданского чиновничества.

Сдача экзаменов для получения должности считалась обязательной процедурой. Однако на деле многие мелкие и средние чиновники экзаменов не сдавали, получая место по рекомендации влиятельных родственников и покровителей. Впрочем, среди высшей знати процент сдавших экзамены был всегда высок, ибо это был вопрос престижа. «Так, из 352 крупных чиновников династии Ли 304 прошли через экзаменационную систему. В целом за пятьсот с небольшим лет существования династии Ли государственные экзамены сдали 15547 человек»¹⁷⁶. Что касается низших сословий, то они были лишены права сдавать экзамены в законодательном порядке. Иными словами, чиновничество, которое составляло в

¹⁷⁵ Подробнее см. Волков С.В. Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987.

¹⁷⁶ Ланьков А.Н. Политическая борьба в Корее XVI-XVIII вв., с. 35.

Китае большой, влиятельный и постоянно обновляющийся социальный слой, превратилось в Корею в замкнутое сословие.

Неуклонный рост янбанского сословия на протяжении XV-XVIII вв. постоянно приводил к несоответствию между количеством постов в госаппарате и числом претендентов на эти посты. Меры, принимаемые правительством в этой области, оказались малоэффективны. Лишение побочных дворянских детей их сословного статуса привело к возникновению нового сословия – *чунъинов*. Высокие посты для них были закрыты, однако их активно привлекали на «технические» должности, требующие не общеконфуцианской, а специальной подготовки. Существовал ряд профессий и областей, в которых специализировались чунъины. Это иностранные языки, медицина, живопись, математика, юриспруденция, гадательное искусство и учение о дао. Следует отметить, что занимавшие нижние ступени в госаппарате чунъины являлись весьма беспокойным слоем. Они постоянно требовали возвращения себе привилегий янбанов и принимали активное участие в разнообразных оппозиционных выступлениях.

Существовал и такой способ удовлетворить претендентов на чиновничий пост как увеличение мест в аппарате путем создания фиктивных должностей. Такие должности не давали реальной власти и материальных преимуществ, но позволяли янбанам сохранить свое сословное положение. В подобном случае их относили к особой сословной группе *сангван*. Впрочем, как отметил южнокорейский историк Ли Сонму, «принципом янбан стало – во имя семейных традиций и личной карьеры не удовлетворяться положением сангвана»¹⁷⁷. Иными словами, создание фиктивных должностей было всего лишь палеативом, а рост численности сангванов способствовал политической нестабильности.

Нельзя обойтись без упоминания и о таком феномене, как борьба придворных партий. Борьба эта проходила в Корею на протяжении XVI-XVIII вв. Как отмечает А.Н. Ланьков, она не носила характера идеологического противостояния. Более того, ни один серьезный вопрос внутренней или внешней политики не нашел в ней своего отражения. Важнейшей ее причиной являлась все та же нехватка мест в аппарате для родовой аристократии. Партии возникали вокруг высоких и авторитетных чиновников, но, как правило, не имели жесткой структуры, а порой и единого вождя. «По сути каждая корейская «партия» представляла собой агломерацию янбанских клиентел»¹⁷⁸.

В случае прихода к власти той или иной партии ее сторонники занимали места в аппарате, а побежденные оправлялись в отставку, в ссылку, в тюрьму или в руки палача. Характерной чертой такой борьбы было то, что победившая партия никогда не сохраняла свою целостность надолго. Борьба за лучшие посты неизбежно приводила к расколу и образованию фракций. Побежденная же партия моментально обретала единство, а с ним и шансы на возврат утраченных позиций. Политический путь от единства в оппозиции к расколу после победы был проделан почти всеми придворными партиями, действовавшими в Корею с XVI по XVIII вв.

Думается, традиции политической борьбы заложенные в то время, надолго его пережили. Во всяком случае характернейшей особенностью политической практики Кореи в новейшее время стала недолговечность партийно-политических структур. Лишь немногим из них удавалось просуществовать дольше 3-5 лет, и трудно отделаться от мысли, что некоторую роль здесь сыграли модели поведения, восходящие к борьбе партий XVI - XVIII вв. Стремление к созданию фракций,

¹⁷⁷ Ланьков А.Н. Политическая борьба в Корею XVI-XVIII вв., с. 44.

¹⁷⁸ Там же, с.171

разделение на «своих» и «чужих» по клановому, территориальному и другим признакам было отмечено Пак Чжон Хи как одна из негативных черт, присущих современным корейцам¹⁷⁹. Развитие национального самосознания и укрепление единства должно было стать, по мнению Пака, неременной предпосылкой успешного развития страны.

Возвращаясь к Корее XVI-XVIII вв., заметим, что раздоры внутри элиты постоянно беспокоили монархов. Борьба партий приносила ощутимый вред государству. Однако стремление корейских ванов выступать в роли миротворцев и беспристрастных арбитров часто приводило к тому, что они сами оказывались втянутыми в конфликт.

Для устранения своих политических противников оппозиционеры регулярно прибегали к подаче меморандумов. Следуя традиции, ван был вынужден рассматривать таковые, включая фактические доносы на своих высших сановников. Снимая виновных с их постов, ссылая и казня их, ван невольно освобождал места для людей другой партии. Иными словами, при всем негативном отношении к борьбе партий корейские монархи принимали в ней активное участие в роли арбитров. Здесь же коренится причина того, что личной власти ванов династии Ли редко что-либо угрожало. Борьба велась не за смену династии или формы правления, а за место в бюрократическом аппарате, и личное расположение вана играло здесь ключевую роль.

Ситуация изменилась лишь в первой половине XVIII в. с приходом к власти вана Ёнчжо. Столкнувшись в начале своего правления с событием, нерядовым по тогдашним меркам, – попыткой вооруженного переворота, ван повел линию на обуздание партийной борьбы путем устранения наиболее непримиримых ее участников. Напротив, умеренные, склонные к компромиссу янбаны продвигались ваном по служебной лестнице независимо от их «партийной принадлежности». Стараясь не отдавать предпочтения ни одной из партий, Ёнчжо за несколько десятилетий своего правления сумел не только погасить конфликты среди чиновничества, но и создал условия, в которых сама традиция партийных склок начала отмирать. Несмотря на то, что упоминания о придворных партиях встречаются почти до конца XIX в., реальным влиянием в то время они уже не пользовались.

Несомненно, Пак Чжон Хи был знаком с историческим опытом Ёнчжо по достижению политической стабильности, как и с другими аспектами традиционной политической культуры своей страны. Однако, как деятель нацеливший себя на форсированную модернизацию, он должен был не просто следовать традициям, но привносить в политику новые, современные элементы. Поставив своей важнейшей целью прорыв в экономике, Пак рассматривал отношения власти с оппозицией сквозь призму этого приоритета.

Форсированная модернизация требовала четкого планирования, централизации управления и постоянного контроля за выполнением намеченного. Опыт 1960-1963 гг. убеждал, что оппозиция не обладает ни видением задач, стоящих перед страной, ни возможностью их эффективного решения. Стало быть, введение в правительство представителей от оппозиции вряд ли принесло бы ощутимые плоды.

Требую от южнокорейских предпринимателей вложений в реальный сектор экономики и усилий по развитию экспорта в обмен на финансовую и

¹⁷⁹ *Park Chung Hee. Our Nation's Path. Seoul, 1970, p. 30-31.*

законодательную поддержку государства, Пак менял модель взаимоотношений власти и бизнеса, сложившуюся при Ли Сын Мане (когда бизнес подпитывал бюрократию и политиков деньгами в обмен на всевозможные льготы), и в то же время действовал в духе конфуцианской этики. С другой стороны, именно благодаря этим действиям на общественной арене вскоре появился герой, которого в старой Корее не было – преуспевающий, националистически настроенный и в то же время лояльный к власти бизнесмен.

При этом образованность, издавна почитаемая в Корее, опять же не была забыта. Модернизация системы образования была одним из пунктов политической программы Пака. К разработке пятилетних планов привлекались лучшие экономисты страны и это, как заметил президент, «оживило конфуцианские традиции династии Ли, где ученые играли большую роль в государственных делах»¹⁸⁰.

О чем не пишет Пак Чжон Хи, так это о том, что выстроенный им авторитарный режим с его опорой в армии, модернизационными установками и связями с крупным бизнесом во многом напоминал об устройстве государственной власти в Японии межвоенного периода – стране, под властью которой находилась тогда Корея.

Разделы, следующие далее, дадут дополнительную пищу к размышлению о соотношении новаторства и традиционализма в политической практике Пак Чжон Хи.

3.2. Третья республика в Южной Корее (1961-1979)

Приход генерала Пак Чжон Хи к власти.

Переворот 16 мая 1961 года был совершен быстро и бескровно, хотя затеяло его не высшее армейское командование. Начальник штаба генерал-лейтенант Чан То Йон был силой принужден к участию в этой акции, что позволило избежать столкновений со своими же корейскими войсками.

Правительство Чан Мена было предупреждено о готовящемся путче, однако не сумело ни предотвратить его, ни оказать сопротивления заговорщикам. Пока премьер-министр пытался укрыться сначала в американском посольстве, а затем в католической миссии, весь Сеул был уже под контролем военных.

Что же за человек возглавил переворот? Большинству корейцев генерал Пак Чжон Хи был в то время мало известен, если известен вообще. Он родился 30 сентября 1917 г. в маленькой деревне недалеко от Тэгу, в небогатой многодетной семье. Его отец был достаточно образованным человеком, но не найдя подходящего места в японской колониальной администрации, был вынужден заниматься крестьянским трудом, чтобы прокормить домочадцев.

В возрасте двадцати лет Пак с отличием закончил педагогический колледж и стал учителем в сельской школе. Юноша быстро понял, что единственный способ чего-то добиться в тогдашних условиях, – это устроиться в организацию, где оцениваются скорее личные качества, чем национальность и происхождение. После трех лет преподавательской работы Пак пошел добровольцем в японскую армию.

Поступив в 1940 г. в маньчжурскую армейскую школу для младшего офицерского состава Пак закончил ее через два года в числе лучших. Это дало ему право на продолжение образования в японской военной академии. В 1944 г. он

¹⁸⁰ *Park Chung Hee. To Build a Nation. Washington, 1971, p. 107.*

вышел из нее в чине лейтенанта, другим результатом учебы стало отличное знание японского языка.

После поражения Японии в войне Пак прошел ускоренный курс, в только что создавшейся корейской военной академии, после чего вступил в ряды южнокорейской армии.

В 1948 г. Пак попал в историю, чуть не стоившую ему жизни. Коммунистическое подполье, существовавшее в армии, подняло мятеж и провозгласило создание «народной республики». После того, как выступление подавили, Пак был арестован как руководитель коммунистической ячейки в военной академии. Военный суд приговорил его к смертной казни, но Ли Сын Ман отменил приговор по ходатайству ряда офицеров и по рекомендации своего американского военного советника Джеймса Хосмана, который знал Пака как отличного солдата. Пак предоставил сведения об известных ему коммунистах в рядах вооруженных сил и продолжил службу уже в качестве офицера разведки в генеральном штабе. Ему поручили заниматься чисткой армии от прокоммунистически настроенных элементов. Характерно, что эта страница биографии Пака тщательно скрывалась от южнокорейской общественности после его прихода к власти (не будучи однако секретом для иностранных экспертов)¹⁸¹.

Пак прошел Корейскую войну и закончил её в чине бригадного генерала. Однако дальнейшее продвижение по службе шло небыстро. Вероятно Ли Сын Ман и его люди не испытывали к нему полного доверия. Кроме того, Пак не принадлежал ни к одной из группировок, сложившихся в армии. Со временем эта нейтральная позиция обернулась определенной выгодой, так как имя Пак Чжон Хи не ассоциировалось ни с Ли Сын Маном, и окружавшими его коррумпированными генералами, ни с эпохой хаотичной демократии Чан Мена.

Вскоре после переворота президент Юн Бо Сон провел переговоры с Пак Чжон Хи, одобрил его действия и призвал всех армейских командующих, не участвовавших в акции, избегать кровопролития и не выступать против путчистов. Военные, формально руководимые Чан То Йоном, образовали Революционный военный комитет и объявили о введении военного положения. Основными задачами были провозглашены следование политике антикоммунизма, ликвидация коррупции, создание самодостаточной экономики, содействие объединению страны с «последующей передачей власти в руки добросовестных политиков и возвращением армии к исполнению прямых обязанностей»¹⁸².

Спустя два дня Чан Мен покинул свое убежище и, собрав заседание правительства, выступил на нем в поддержку военных. После этого правительство в полном составе подало в отставку. Военные же переименовали Революционный военный комитет в Верховный совет национальной реконструкции (ВСНР) и пригласили президента Корейского университета Ю Чин О – юриста, участвовавшего в разработке конституции 1948 г. и подготовке поправок к конституции в 1960 г. – для поиска способов легитимизации режима.

Его первой задачей было установление полного контроля над армией. Все офицеры, проявившие себя нелояльно по отношению к путчистам, смещались со своих постов и брались под арест. В результате чистки освободилось около 2000 офицерских должностей, что сразу принесло путчистам поддержку молодых офицеров, не имевших до этого перспектив роста.

¹⁸¹ Oberdorfer D. The two Koreas: A Contemporary History. Addison-Wesley, 1997, p. 32.

¹⁸² Jungwon Kim. Divided Korea., p. 227.

Параллельно был проведен ряд мероприятий по наведению порядка в стране. Были распущены все политические и общественные организации за исключением благотворительных, научных и религиозных. Вводились жесткие ограничения в отношении печати (издаваться могли лишь газеты, имевшие свою собственную типографию). Около 1170 газет были вынуждены закрыться. Военные арестовали, провели по улицам столицы и отправили на исправительные работы свыше двух тысяч хулиганов. Было объявлено о поимке полусотни крупных мошенников и изъятии у них денежных средств на сумму свыше 5 млрд. вон. После скоротечной ревизии кадров в государственных учреждениях свыше сорока тысяч чиновников, получивших свои места с помощью подкупа, были выставлены за дверь.

Иногда в своем стремлении «вычистить» страну режим доходил даже до закрытия многочисленных кафе, чайных и баров. Показ фильмов в кинотеатрах был взят под контроль цензуры, борющейся против «аморального влияния». Ввоз косметики и парфюмерии из Японии был прекращен, а обнаруженные партии товара публично уничтожались¹⁸³. Впрочем, народ приветствовал многие такие меры, а для самого режима было выгодно «закрутить гайки» посильнее, чтобы в дальнейшем незначительные послабления воспринимались как серьезные шаги в сторону демократизации.

Но все же одного «закручивания гаек» для удержания власти было недостаточно. Демократическая партия оставалась серьезной оппозицией режиму и продолжала пользоваться поддержкой в стране. Кроме того, военные испытывали сильное давление со стороны США. Соединенные Штаты постоянно подчеркивали, что их лояльное отношение к происходящему в Южной Корее вызвано обещаниями Пак Чжон Хи вернуть власть гражданским лицам. Неисполнение этого обязательства грозило ухудшением отношений с Америкой и экономическими санкциями с ее стороны. В сложившейся обстановке Паку пришлось предпринять ряд шагов, направленных на придание режиму более благообразного вида.

Консолидация авторитарного режима

Летом 1961 г. Пак Чжон Хи заявил о намерении передать власть в руки гражданских лиц не позднее 1963 г. Это вызвало большое удовлетворение в Соединенных Штатах и породило надежды в рядах Демократической партии. Пока же военное положение сохранялось под предлогом «создания новых демократических институтов» и «установления настоящего демократического порядка».

Шагом к установлению такого «порядка» стало создание корейского Центрального разведывательного управления (КЦРУ). Сформированное на базе армейской контрразведки и возглавляемое Ким Чжон Пилем, ближайшим соратником Пак Чжон Хи, управление быстро превратилось в важнейшую опору режима. В отличие от американского ЦРУ, эта служба координировала действия как внешней, так и внутренней разведки. В ее компетенцию входило также руководство всеми государственными структурами в сфере национальной безопасности.

Важной задачей КЦРУ стало выявление в стране, а в особенности среди государственных служащих высокого ранга, людей, замеченных в коррупции, симпатиях к коммунизму и негативном отношении к перевороту. Поиск таких людей

¹⁸³ *Joungwon Kim. Divided Korea., p. 232.*

вели во всех государственных структурах, включая ВСНР¹⁸⁴. К февралю 1963 г. 26 его членов пришлось заменить.

Не без помощи разведки создавались и многочисленные общественные организации, призванные укрепить авторитет хунты среди населения. Так возникли «Народное движение за национальную реконструкцию», многочисленные юношеские и женские объединения. Но главным детищем Ким Чжон Пиля стала Демократическая республиканская партия (ДРП), основанная летом 1962 г.

В качестве главной организационной нормы в ней был принят принцип демократического централизма. Не только в этом отношении, но и с точки зрения своей структуры ДРП очень походила на северокорейскую компартию. Ким не отрицал, что, создавая свою партию он руководствовался советами Хван Тэ Сона – замминистра внешней торговли КНДР, связанного дружескими отношениями с братом Пак Чжон Хи¹⁸⁵. Надо сказать, что, хотя в руководстве ДРП было немало выходцев из разведки и армии, далеко не все они одобряли действия Ким Чжон Пиля. Кроме того, ДРП, так же как и другие корейские партии, страдала от фракционности. Многие военные выходили из нее, отзываясь о ней как об организации тоталитарного типа и опасной для будущей демократии.

С самого начала ДРП столкнулась с двумя большими проблемами. Во-первых, новое поколение политических лидеров, которое рассчитывал вырастить режим, должно было соперничать с уже известными политическими фигурами. Во-вторых, для ведения предвыборной кампании нужны были немалые средства. Первая проблема была решена в военно-полицейском духе. 16 марта 1962 г. был принят акт, в соответствии с которым 4374 человека лишались права заниматься политической деятельностью в течение шести лет. В их числе были члены Либеральной, Демократической и Новой демократической партий, студенческие лидеры, военные, изгнанные из состава ВСНР, а также ряд известных журналистов, критиковавших хунту. Президент Юн Бо Сон, который все еще оставался на своем посту, узнав, что большинство его соратников оказались в «черном списке», подал в отставку. Впрочем, это не повлияло на ситуацию – функции президента перешли к председателю ВСНР.

Что касается проблемы финансов, то решить ее было сложнее. В июне 1962 года военными было объявлено о проведении денежной реформы. Все банковские вклады замораживались, переоценивались и свыше определенной суммы конфисковывались как «незаконные накопления». Очевидно, что при этом использовались данные, предоставленные КЦРУ, и конфисковывались часто не «незаконные накопления», а средства, которые могли быть использованы оппозицией. Были и другие источники дохода еще более сомнительного свойства, о которых будет сказано в дальнейшем.

Накануне передачи власти гражданским лицам ВСНР озаботился принятием соответствующей конституции. Во многих отношениях она напоминала основной закон 1948 г, но с поправкой, по которой Южная Корея становилась президентской республикой. Президент избирался всенародным голосованием и получал большие полномочия. Он утверждал премьер-министра и назначал членов правительства, хотя предусматривалась процедура, позволявшая депутатам отклонять некоторые из таких назначений. Согласно другой поправке, все депутаты Национальной Ассамблеи должны были принадлежать каким-либо партиям, независимые депутаты

¹⁸⁴ *Joungwon Kim. Divided Korea.*, p. 235.

¹⁸⁵ *Ibid.*, p. 237.

туда не допускались. В случае исключения из партии депутат лишался своего мандата. Верховный суд имел право распускать любую партию.

Чтобы придать законность процедуре принятия поправок и рассеять обвинения в диктаторском характере режима, было решено организовать по этому вопросу референдум в декабре 1962 г. Вслед за референдумом был обнародован закон о политических партиях, который жестко регламентировал политическую активность в ходе предвыборной кампании. Члены той или иной партии могли вести агитацию и предоставлять деньги для предвыборной кампании. Представители многих социальных групп, например, студенты, учителя, чиновники, военные лишались права вступать в партии. Пак Чжон Хи заявил, что в соответствии с этим законом он сам и ряд других генералов из ВСНП покидают ряды армии.

Однако вскоре вокруг ДРП разразился скандал. Стало известно, что в ноябре 1962 года ее создатель Ким Чжон Пиль неофициально посетил Японию и вел секретные переговоры с министром иностранных дел Японии Охирой. Предметом переговоров стала нормализация отношений Японии и Кореи – тема очень сложная ввиду того, что на протяжении всех послевоенных лет Корея требовала от Японии выплаты репараций. При Ли Сын Мане корейская сторона настаивала на выплате 2 млрд. долл., при Чан Мене – 1,25 млрд. Ким Чжон Пиль добился 300 млн. долл. в виде гранта, еще 200 млн. в качестве экономической помощи, и 100 млн. коммерческих кредитов. При этом, по некоторым данным, 130 млн. долл. были даны Киму авансом для финансирования первого пятилетнего плана и 20 млн. долл. для финансирования ДРП¹⁸⁶.

Такое закулисное решение проблемы вызвало бурю негодования в корейском обществе. Как показали опросы, большинство людей полагало, что установление нормальных отношений с Японией давно необходимо. Недовольство шло от опасений, что японские финансы позволят военным укрепиться у власти и сделают Корею вновь зависимой от Японии. Кроме того, использование иностранных средств в предвыборной кампании было незаконно. Ким Чжон Пиль был вынужден временно покинуть Корею. Престижу ДРП был нанесен сильнейший удар.

Стремясь спасти положение, Пак Чжон Хи создал свою Либерально-демократическую партию, которая вскоре по его указанию слилась с ДРП. При этом произошла смена партийного руководства, людей Ким Чжон Пиль потеснили, а Пак получил надежную опору в обновленной ДРП. На состоявшихся в октябре 1963 г. президентских выборах Пак Чжон Хи одержал победу набрав 46,65 % голосов. Ноябрьские выборы в Национальную Ассамблею принесли победу ДРП, которая получила 110 мест из 175 возможных.

На протяжении последующих четырех лет правительство Пак Чжон Хи было поглощено работой по экономическому развитию страны. Подробнее об этой деятельности будет рассказано в разделе, посвященном экономике. Что же касается внешней политики, то здесь перед правительством стояло две серьезные проблемы – дальнейшее урегулирование отношений с Японией и вопрос об участии РК во Вьетнамской войне.

Возвратившийся из-за рубежа Ким Чжон Пиль прошел на выборах в Национальную Ассамблею и вскоре был направлен в Японию для продолжения переговоров. Этот факт снова задел за живое оппозицию и привел к созданию «Национального комитета борьбы против оскорбительной дипломатии», куда вошли представители всех оппозиционных партий. В городах не прекращались

¹⁸⁶ *Joungwon Kim. Divided Korea.*, p. 246.

студенческие демонстрации протеста. В итоге Ким Чжон Пиль был отозван из Токио. Повторная попытка переговоров, предпринятая в мае 1964 г., снова вывела студентов на улицы. Поддержка, полученная Пак Чжон Хи со стороны США в ходе южнокорейско-японских переговоров, привела к тому, что большая часть южнокорейского студенчества и интеллигенции прониклась антиамериканскими настроениями. Демонстрации протеста проходили в течение всего лета 1964 г.

Пользуясь своим доминирующим положением в Ассамблее, ДРП приняла проект договора с Японией вопреки протестам оппозиции. Подобным же образом было принято решение и о посылке корейских войск во Вьетнам. Обе эти акции обернулись немалой выгодой для правительства Пак Чжон Хи. С 1965 по 1967 г. Южная Корея получила свыше 26 млн. долл. от Японии, около 20 млн. долл. от США и порядка 130 млн. долл. от разных европейских стран. Деньги шли в основном в виде коммерческих займов и позволили значительно увеличить инвестиции в промышленность. Участие Кореи во Вьетнамской войне оплачивалось США и подкрепляло уверенность Запада в том, что Южная Корея сохраняет проамериканскую ориентацию.

Улучшившаяся ситуация в финансовой сфере и подъем в промышленности позволили правительству и ДРП перейти от тактики подавления инакомыслия и оппозиционных настроений к другим формам и методам контролирования ситуации в стране. КЦРУ значительно активизировало свою работу среди населения. Его агенты проникали в студенческие городки, редакции газет, оппозиционные партии и т.д. Политика кнута сменилась политикой пряника. Если раньше к оппозиционно настроенным молодежным лидерам применялись физические меры, то теперь их изолировали от местных студентов, посылая учиться за границу.

Широкое распространение получила политика избирательного кредитования. С внутривластной точки зрения это был очень удобный способ усмирения оппозиции. Доступные банковские кредиты широко использовались прессой, и многие периодические издания попали в эту «кредитную ловушку». Стоило лишь кому-то напечатать антирежимную статью, как предоставление кредитов прекращалось, а с редакции начинали требовать возвращения долгов, что вело к разорению и закрытию газеты¹⁸⁷.

Когда пришла пора новых выборов, в рядах оппозиции царили недоверие и подозрительность, чему во многом способствовали агенты КЦРУ. Различные партии подозревали друг друга в тайном сотрудничестве с властями и получении средств от правительства. Объединение партий или принятие в свои ряды членов других партий стало затруднительно, так как были велики опасения, что среди них могут быть тайные сторонники ДРП.

Выборы 1967 г. вновь принесли победу Паку и ДРП. Однако, несмотря на значительные успехи в экономике, нельзя сказать, что Пак Чжон Хи добился подлинной стабильности. В стране ощущалось нарастающее недовольство режимом. Если после выборов 1963 г. Пак неоднократно предлагал оппозиционным партиям выдвигать свои соображения о путях развития страны и призывал к совместной работе с ДРП, то в дальнейшем власть все больше и больше игнорировала оппонентов. Вероятно, здесь сказалось различное понимание задач, стоявших перед страной. Если для Пак Чжон Хи главный лозунг в это время был «экономика прежде всего», то настроение оппозиции можно охарактеризовать как «демократизация прежде всего». Такое требование было для Пака неприемлемым, ибо демократизация никак не вязалась с созданной им системой власти. Исходя из

¹⁸⁷ *Joungwon Kim. Divided Korea., p. 264-265.*

того, что демократизация без соответствующего уровня развития общества может привести к повторению событий 1960 г., Пак Чжон Хи постарался свести к минимуму возможность победы оппозиции.

Нельзя сказать, что президент полностью лишил её шансов на победу. Выборы 1963 и 1967 гг. оценивались лидерами демократов как законные и честные¹⁸⁸. Но когда Пак Чжон Хи вознамерился в третий раз баллотироваться в президенты (что было не предусмотрено конституцией), это вызвало сильное раздражение в обществе.

Даже в рядах ДРП не все были согласны на предоставление президенту права избираться в третий раз. Дискуссия по этому вопросу поставила партию на грань раскола. Лишившись ряда несогласных членов, ДРП утратила необходимые две трети голосов, и лишь путем подкупа некоторых оппозиционных политиков сумела собрать нужное число подписей для принятия решения о поправке к конституции.

Президент Пак наотрез отказался признать такую поправку, если она не будет всенародно одобрена на референдуме. Как и следовало ожидать, народ одобрил поправку. Свою роль здесь снова сыграли деньги и агенты КЦРУ. Был и еще один фактор – высокий урожай в 1969 г. Благодаря этому, а также увеличению закупочных цен на продукцию сельского хозяйства, доходы крестьян увеличились по сравнению с 1968 на 21 %. Естественно, крестьянство проголосовало за продление полномочий президента, проводившего столь выгодную для села политику¹⁸⁹.

И все же, чем ближе были новые выборы, тем более оборонительную позицию занимали власти. Этому был ряд причин. Во-первых, режим так и не сумел выработать какую-либо внятную идеологию. Казалось, что пока экономика развивается быстрыми темпами, дополнительное идеологическое обоснование правлению Пака не требуется. Долгое время лозунг власти был «легитимность через успех» (*legitimacy through performance*). Однако в нем таилась серьезная опасность: в случае «неуспеха» ставилась под сомнение и «легитимность».

Второй причиной стало уменьшение притока средств из-за рубежа. Создание металлургической и химической промышленности, предусмотренное третьим пятилетним планом, требовало значительных расходов, а прибыль от этих производств существовала пока только в проекте. Заканчивалась война во Вьетнаме, участие Кореи в которой оплачивалось Соединенными Штатами, то есть иссякал и этот источник внешних поступлений. Наконец, США ввели квоту на ввоз корейского текстиля, который в то время был основной экспортной статьёй для Южной Кореи.

Несмотря на все эти сложности, выборы 1971 г. вновь принесли победу Пак Чжон Хи и ДРП. Основной конкурент Пак Чжон Хи – Ким Дэ Чжун получил 45,3% против 53,2 %, у Пака. Ким Дэ Чжун отметил, что в 1971 г. сплоченная и организованная оппозиция наглядно продемонстрировала президенту, что на следующих выборах ему не избежать поражения¹⁹⁰. Пак Чжон Хи потерял часть своего городского электората, но на его стороне были крупные промышленники и крестьяне.

¹⁸⁸ Ким Дэ Чжун. Южная Корея: драмы и надежды демократии. М., 1992, с.123.

¹⁸⁹ *Joungwon Kim. Divided Korea.*, p. 277.

¹⁹⁰ Ким Дэ Чжун. Южная Корея: драмы и надежды демократии., с.125.

Ужесточение методов государственного управления и система «Юсин»

Вслед за выборами по стране прокатилась волна студенческих и рабочих демонстраций. Поводом для них послужили недемократический, по мнению протестующих, характер выборов, случаи вмешательства силовых структур в избирательный процесс. В этих условиях в деятельности режима усилилась репрессивная составляющая. В октябре 1972 года в стране было введено военное положение. Парламент распустили, деятельность политических партий была запрещена. Вслед за этим Государственный Совет, временно исполнявший обязанности парламента, принял закон об очередной поправке к конституции. Данная поправка радикальным образом меняла соотношение полномочий исполнительной и законодательной властей, а также процедуру избрания президента. В корейскую историю конституция 1972 года вошла под названиями «Юсин хонхоп» (Конституция возрождения реформ) и «Юсин чейе» (Конституция восстановления порядка).

Согласно измененной конституции, вопрос пребывания одного и того же лица на посту главы государства в течение нескольких сроков передавался на усмотрение Национального конгресса по объединению (НКО). Этот новый орган, в соответствии с той же конституцией формировался «прямым народным голосованием» и наделялся правом определения основных направлений политики, включая вопрос объединения Кореи. Среди главных задач Конгресса было избрание президента. А поскольку в руках последнего концентрировалась огромная законодательная и исполнительная власть, то фактически складывалась ситуация подконтрольности деятельности НКО действующему главе государства.

Президент получал право назначать премьер-министра и членов Государственного совета, министров, треть депутатов Национальной Ассамблеи, членов Центральной комиссии по проведению выборов и т.п. Он также мог принимать чрезвычайные меры в случаях, когда «национальная безопасность под угрозой или есть возможность возникновения угрозы» (ст. 53). В его власти было решать, прекращать действие чрезвычайных законов или нет. Сверх всего, президент обладал правом роспуска Национальной Ассамблеи (ст. 59)¹⁹¹.

Было бы ошибкой думать, что ужесточение режима было лишь реакцией на народные волнения или проявлением обыкновенного диктаторского властолюбия Пак Чжон Хи. Более пристальное рассмотрение ситуации позволяет заключить, что введение системы «Юсин» именно в тот момент было обусловлено целым комплексом причин.

Как отмечает американский политолог Сэмюэл Хантингтон, модернизация отсталой страны – весьма противоречивый процесс. Там, где этот процесс успешно приходит к завершению, общество обретает относительную стабильность и благополучие. Начальные же стадии модернизации характеризуются нарастанием кризисных явлений и конфликтов.

Устойчивой зависимости между бедностью и отсталостью, с одной стороны, и политической нестабильностью – с другой, на самом деле нет. Не затронутое модернизацией, традиционное или полутрадиционное общество вполне может оставаться стабильным. Напротив, в ходе модернизации неизбежно возникают различного рода диспропорции между секторами народного хозяйства, умножаются и обостряются противоречия между социальными группами. При этом степень

¹⁹¹ Прошин А.А., Тимонин А.А. Неоколониализм США и Южная Корея. М., 1985, с. 125.

конфликтности, по Хантингтону, напрямую связана с темпами модернизации¹⁹². Если учесть, что модернизация в Южной Корее проходила в поистине ураганном темпе, то обострение всевозможных противоречий было неизбежным, и Пак Чжон Хи не мог не реагировать на это обстоятельство.

Существовали и другие факторы, способствовавшие ужесточению режима. Правоавторитарные правления, ориентированные на ускоренный экономический рост, были типичны в тот период для Восточной и Юго-Восточной Азии (Индонезия, Тайвань, Таиланд и др.), и с этой точки зрения Пак Чжон Хи отнюдь не отступал от общерегиональной тенденции.

Надо думать, что введение системы «Юсин» в какой-то мере было продиктовано и попытками сдвинуть отношения с КНДР с мертвой точки. В мае 1972 г планировался диалог с Северной Кореей в рамках подготовки к «объединению родины», отчасти явно задуманный для повышения рейтинга президента. Вместе с тем, «твердокаменный» антикоммунист, каким был Пак Чжон Хи, не мог не размышлять, готовясь к такому мероприятию, обо всех его внутривнутриполитических последствиях и не заботиться об укреплении политических «тылов»¹⁹³.

Наконец, сказывались и перемены в отношениях с Соединенными Штатами. Если в 1961 г. США так или иначе покрывали свыше половины бюджетных расходов Южной Кореи (включая 72,4 % военных расходов), то к 1971 г. экономическая помощь прекратилась, а военная составляла лишь 10% соответствующей бюджетной статьи. Таким образом, Америка больше не могла оказывать экономическое давление на южнокорейского президента подобное тому, которое имело место в 1963 г., когда Пак попытался было продлить военное положение¹⁹⁴.

Тем не менее, генерал опасался негативной реакции на авторитарный сдвиг со стороны США. Момент для перехода к системе «Юсин» был выбран чрезвычайно осмотрительно – через три недели после того, как проект строительства «нового общества» Фердинанда Маркоса на Филиппинах получил сдержанную, но по существу одобрительную оценку Вашингтона¹⁹⁵.

Введение системы «Юсин» ознаменовалось резким повышением активности южнокорейского КЦРУ. Новый начальник управления Ли Ху Рак с самого начала взял жесткий курс на подавление оппозиции. Многие её лидеры были арестованы, подверглись пыткам и тюремному заключению. Основным конкурент Пака на выборах 1971 года – Ким Дэ Чжун сумел избежать ареста, поскольку на момент введения военного положения находился в Японии. Понимая, что возвращение на родину для него опасно, он остался за границей, не прекратив при этом критики режима.

В отместку Ким Дэ Чжун был похищен 8 августа 1973 г. и тайно вывезен в Корею. Спустя пять дней после похищения, в течение которых его жизнь подвергалась ежеминутной опасности, Ким Дэ Чжун был отпущен. Однако еще через 48 часов его вновь схватили и посадили на долгие годы под домашний арест. Причастность КЦРУ к этим деяниям была различима невооруженным глазом¹⁹⁶.

Систематическое подавление оппозиции сильно накалило обстановку в стране. За два года с момента введения системы Юсин было арестовано значительное количество студенческих активистов, партийных и религиозных

¹⁹² Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven, L., 1968, p. 41.

¹⁹³ Прошин А.А., Тимонин А.А. Неоколониализм США и Южная Корея., с. 122.

¹⁹⁴ Jounghwon Kim. Divided Korea., p. 341.

¹⁹⁵ Far Eastern Economic Review., далее FEER, Vol. 79. No. 2. HONGKONG. January 15. 1973., p. 15.

¹⁹⁶ О событиях, связанных с похищением и арестом Ким Дэ Чжуна, см: FEER. 20.08.73., p. 26; *ibid.* 27.08.73., p. 27; *ibid.* 24.09.73., p. 20; *ibid.* 01.10.73., p.17-18;

(христианских) деятелей. Около двухсот из них были приговорены к смертной казни¹⁹⁷. Неудивительно, что в этой ситуации в умах некоторых людей возникали планы «исправления» истории путем устранения Пак Чжон Хи. Покушение на президента в этом контексте не было чем-то абсолютно неожиданным. Оно произошло 15 августа 1974 г. во время выступления Пака в столичном Национальном театре по случаю двадцать девятой годовщины независимости Кореи¹⁹⁸.

Как выяснилось на следствии, покушение было предпринято Мун Се Кваном – корейцем, родившимся в Японии и связанным с тамошней ассоциацией сторонников северокорейского режима. Прибыв в Сеул из Японии по поддельным документам, он явился в Национальный театр под видом высокопоставленного гостя. Без труда миновав охрану, он проник в зал, выхватил пистолет, но при этом умудрился поранить себя. В завязавшейся перестрелке с охранниками пострадал не Пак, а его супруга Юк Йон Су, получившая смертельное ранение. Как потом признался президент, он даже не успел заметить лица убийцы, укрывшись за пуленепробиваемой кафедрой. Несмотря на всю драматичность момента, Пак Чжон Хи нашел в себе силы закончить речь, продемонстрировав, по словам одного из своих помощников, характер необычайно ответственного человека, желающего непременно завершить начатое¹⁹⁹.

Покушение 15 августа привело к новому охлаждению отношений между Южной Кореей и Японией. Если в 1973 г. Япония негодовала по поводу похищения Ким Дэ Чжуна, то теперь пришло время Кореи требовать отчета у японцев. Пак Чжон Хи вызвал к себе японского посла и заявил, что Корея готова пойти на самые жесткие меры, вплоть до разрыва дипломатических отношений и национализации всей японской собственности в Корею, если прокоммунистические, дружественные Пхеньяну ассоциации в Японии не будут уничтожены. С целью подчеркнуть серьезность своих обещаний и выразить свое неудовольствие японской стороне, Пак, прекрасно владевший японским языком, общался с послом через переводчика²⁰⁰. Надо заметить, что угрозы возымели действие: японцы прислали официальное письмо с соболезнованиями и извинениями и предложили начать диалог по урегулированию отношений.

Покушение имело и другие последствия, ибо Юк Йон Су обладавшая уравновешивающим влиянием на мужа, была популярна даже среди тех, кто ненавидел и боялся его самого. Смерть любимой жены нанесла президенту тяжелую психологическую травму. Показательно, что 1975 г. ознаменовался новым витком репрессий, усилением мер по охране президента и чрезвычайными декретами, которые еще больше ограничивали свободу слова, митингов и собраний. Любые попытки пересмотра конституции с целью ее демократизации расценивались теперь как преступление против государства.

В 1978 г. НКО безропотно проголосовал за то, чтобы Пак остался в Синем доме, (как именуется в Южной Корее резиденция высшего национального руководителя) еще на шесть лет. Тем не менее прошедшие в том же году выборы в Национальную Ассамблею укрепили положение самой влиятельной на тот момент оппозиционной организации – Новой демократической партии (НДП) – получившей

¹⁹⁷ Oberdorfer D. The two Koreas: A Contemporary History., p. 41.

¹⁹⁸ Ibid., p. 47.

¹⁹⁹ Ibid., p. 48.

²⁰⁰ Ibid., p. 54.

32,8 % голосов.²⁰¹ С выдвижением Ким Ен Сама в лидеры НДП в мае 1979 г. оппоненты режима активизировали свое давление на власть. В июне Ким выступил с острой критикой в адрес президента и его затянувшегося единоличного правления. Попытки властей лишить его полномочий главы НДП через суд не принесли результата²⁰². Когда же правящий блок не допустил депутатов от НДП на очередную парламентскую сессию и принял резолюцию о лишении Ким Ен Сама депутатского мандата, все депутаты от оппозиции подали в отставку в знак протеста. Разразился сильнейший политический кризис, усугубившийся студенческими волнениями в Пусане, Масане и ряде других городов²⁰³. Возникли опасения, что в случае аналогичных выступлений в Сеуле ситуация может стать неконтролируемой. Режим уже не вырuchали крупные успехи в экономике, в борьбе за выживание он все больше и больше полагался на насильственные методы.

Экономическое развитие Южной Кореи

Вспоминая состояние экономики в 1961 г., Пак Чжон Хи писал в одной из своих книг: «У меня было ощущение, что я получил обворованный дом или обанкротившуюся фирму в управление»²⁰⁴. Независимость, ради которой корейский народ принес столько жертв, подчеркивал Пак, не была достигнута в полной мере: бюджет страны более чем наполовину состоял из иностранной помощи. Это сказывалось не только на хозяйственной жизни, но и на внутренней и внешней политике, делая Южную Корею чрезмерно зависимой от США. Отсюда следовал вывод, что «единственный способ достичь настоящей независимости – это стать экономически независимыми»²⁰⁵.

С самого начала у режима Пак Чжон Хи появилась своего рода «экономическая специализация». По сути дела, обществу было предложено отказаться от «абстрактной» демократии и удовлетвориться хозяйственным и социальным прогрессом. 22 июля 1961 г. было создано Управление экономического планирования (УЭП), ставшее на десятилетия вперед основным органом координации и контроля экономического развития страны. Оно включало бюро всеобщего планирования, бюро мобилизации материальных ресурсов, связанное с министерством строительства, Статистическое бюро, связанное с министерством иностранных дел, а также бюджетное бюро, связанное с министерством финансов. Всего УЭП состояло из четырех бюро и 19 отделов с примерно шестьюстами служащими²⁰⁶. В дальнейшем в составе УЭП появилось еще бюро снабжения, что давало возможность контролировать движение всех внутренних товаров и капиталов, а также поступление иностранной помощи и инвестиций. В 1963 г. году пост главы УЭП был совмещен с постом заместителя премьер-министра, что обеспечивало УЭП доминирующее положение по сравнению с другими министерствами. Фактически возникла структура параллельная правительству, и напрямую подчинявшаяся президенту.

Первый пятилетний план был обнародован в январе 1962 г. и немедленно принят к исполнению. Основными задачами в соответствии с планом было

²⁰¹ *Nahm C. A. Korea. Tradition and Transformation. A History of the Korean People. Seoul, 1988, p. 461.*

²⁰² FEER. 08.06.79., p. 12-13.; *ibid.* 22.06.79., p. 22-23.

²⁰³ FEER. 26.10.79., p. 10.

²⁰⁴ *Park Chung Hee. To Build a Nation., p. 105.*

²⁰⁵ *Park Chung Hee. The Country, The Revolution and I. Seoul, 1979, p. 29.*

²⁰⁶ *Eun Mee Kim. Big Business, Strong State 1960-1990. Albany, 1997, p.102-103.*

заложение прочных основ промышленного роста, создание соответствующей инфраструктуры и преодоление ряда негативных особенностей корейской экономики, сформировавшихся в 50-х годах, когда страна жила во многом за счет иностранной помощи. Годовые темпы прироста экономики планировались на уровне 7,1 %, что было значительно выше показателей периода Ли Сын Мана и Юн Бо Сона.

Отличительной чертой первого и последующих пятилетних планов стала ориентация на производство экспортной продукции. Первоначально экспортная модель должна была реализовываться только в легкой промышленности, в частности, в текстильной отрасли. Это – трудоемкое производство, которое не требовало ни больших капиталовложений, ни высоких технологий, и позволяло Южной Корее завоевать надежную нишу на мировом рынке. В последующие пятилетки доля экспорта в южнокорейской экономике неуклонно увеличивалась.

Несмотря на то, что первый пятилетний план имел ряд слабых сторон и подвергался доработке уже в процессе выполнения, он был осуществлен весьма успешно. Ежегодный экономический рост за период с 1962 по 1966 годы составил 8,9 %, что значительно превышало запланированный уровень. В легкой промышленности этот показатель был еще выше (15,1 %), а среднегодовой прирост экспорта достигал 29,2 %²⁰⁷.

Во второй пятилетке намечалось дальнейшее улучшение этих показателей. Были поставлены такие стратегические задачи, как полное самообеспечение продовольствием и разработка водных ресурсов, создание и быстрое развитие тяжелого машиностроения и химической промышленности. Планировалось расширение деятельности экспортных отраслей и сокращение за счет этого внешнего долга страны. Обращалось внимание на вопросы планирования семьи, увеличения занятости и ограничения роста численности населения. Говорилось о необходимости диверсификации в сельском хозяйстве и увеличение доходов фермеров. Наконец, предполагалось всемерно усилить роль науки в производстве, а также интенсифицировать разработку и применение новых технологий.

План предусматривал ежегодный прирост экономики в 7 %, и этот показатель опять был превышен в ходе выполнения. Среднегодовой прирост экономики составлял 11,1 %, а экспорта - 28,7 %. Вероятно, это были самые высокие темпы роста в тогдашнем мире. В 1971 году экспорт составил 15,8 % ВВП страны²⁰⁸.

Чтобы лучше понять, в чем заключалась причина столь значительных успехов, следует обратиться к такому феномену, как южнокорейские финансово-промышленные группы (ФПГ) или *чеболь*. Возникнув вскоре после Второй мировой войны, *чеболи* представляли собой крупные, сильно диверсифицированные частные корпорации. Часто их сравнивают с аналогичными японскими корпорациями *дзайбацу*. Связь этих двух феноменов подтверждается в письменной речи: корейское слово *чеболь* воспроизводится теми же иероглифами, что и японское слово *дзайбацу*²⁰⁹. По сути, *дзайбацу* – единственная современная форма организации крупных промышленных предприятий, с которой корейцы познакомились при колониальном режиме. Несмотря на то, что японцы старались не допускать корейцев к управлению своими предприятиями и всячески ограничивали национальное предпринимательство, в ряде *дзайбацу* корейцы присутствовали на

²⁰⁷ Eun Mee Kim. Big Business, Strong State., p.105

²⁰⁸ Ibid., p.106.

²⁰⁹ Ланьков А.Н. Корея: будни и праздники. М., 2000, с. 30.

уровне низшего руководящего состава. Это дало им возможность ознакомиться со структурой и работой таких корпораций²¹⁰.

Тем не менее, *чеболи* не были точной копией *дзайбацу*. Для корейских ФПГ, как ни для каких других, характерны диверсификация производства, выходы в не смежные, не связанные между собой отрасли. Эти черты сохраняются по сей день. Диверсификация производства в широком спектре сильно усложняет управление *чебодем*, а порой замедляет развитие всего конгломерата. Среди фирм, входящих в *чеболь*, почти всегда имеются «отстающие» или убыточные предприятия. В подобных случаях их долги и проблемы ложатся на весь *чеболь*. С другой стороны, огромный капитал, вращающийся внутри *чеболей*, позволяет осуществлять взаимное внутреннее кредитование, «спасать» терпящие убытки фирмы или объединять усилия для проведения НИОКР.

Еще одной специфической чертой является семейно-клановая основа управления ФПГ. На сегодняшний день подавляющее большинство *чеболей* управляется потомками их основателей. Для сравнения: послевоенные японские корпорации *кейрецу*, первоначально тоже имевшие семейно-клановую структуру, под давлением экономических реалий были вынуждены перейти к найму профессиональных менеджеров. Однако владельцы *чеболей* не спешат копировать японский опыт. Отношения в корейской семье во многом строятся на базе конфуцианских ценностей и традиций, и перенос этих отношений в сферу бизнеса с точки зрения корейцев вполне оправдан. Например, решение, принятое главой ФПГ, не обсуждается владельцами дочерних компаний, ибо является приказом отца для его детей. Подобная централизация и субординация, конечно, имеют свои негативные стороны, но в ряде случаев могут обеспечивать *чеболям* высокую мобильность²¹¹.

Начав создаваться при Ли Сын Мане, *чеболи* достигли своего расцвета в период правления Пак Чжон Хи. Наиболее крупными среди них были Samsung, Lucky-Gold Star, Hyundai, Han Jin. Основными факторами, способствовавшими росту *чеболей*, были государственное экономическое планирование и государственная политика в области финансов. Сразу после прихода к власти в 1961 г. Пак Чжон Хи национализировал банки и провел денежную реформу. Результатом стало изъятие значительных денежных средств у частных лиц и концентрация их в руках государства. Ранее уже говорилось о том, как эти средства использовались в политической сфере. В экономике же национализированные банки стали мощным рычагом управления промышленностью.

Сконцентрировав финансы в своих руках, государство запретило *чеболям* создавать свои банки. Это стало еще одной чертой, отличавшей *чеболи* от японских корпораций. Лишенные финансовой независимости, южнокорейские корпорации были вынуждены следовать рекомендациям УЭП²¹². Государство же своей кредитной политикой недвусмысленно указывало, развитие каких отраслей промышленности оно считает наиболее приоритетным. Нередко государство полагало первостепенным развитие таких сфер, которые выглядели для *чеболей* малопривлекательными, рискованными или чересчур капиталоемкими. Однако владельцы *чеболей* шли на расширение производства и создание предприятий в

²¹⁰ Подробнее см. *Eun Mee Kim. Big Business, Strong State.*, p.90-91.

²¹¹ *Казарьян Р.Л. Отношения государства и крупного бизнеса в Республике Корея // Корейский полуостров: мифы, ожидания, реальность. 1 ч., с. 154, 163.*

²¹² *Eun Mee Kim. Big Business, Strong State.*, p.83.

указываемых государством отраслях, ибо это означало своевременное получение кредитов в значительном объеме²¹³.

Помимо финансовых рычагов государство имело и ряд других способов воздействия на бизнес. Придя к власти, Пак Чжон Хи в первую очередь продемонстрировал, насколько он может контролировать ситуацию. Был арестован и осужден ряд крупных бизнесменов, например, один из сыновей главы корпорации Samsung. Пак доказывал, что стагнация в экономике при его предшественниках была связана во многом с тем, что политика и экономика оказались насквозь коррумпированными. Тесные связи бизнеса с властью сделали власть слабой и неэффективной, а в бизнес проник фаворитизм.

Собираясь вести страну по пути ускоренной модернизации, Пак выступил за изменение отношений власти и бизнеса. В соответствии с новыми «правилами игры» крупным компаниям следовало отказаться от поиска сиюминутных выгод, от попыток установления слишком тесных личных связей с властью и создания накоплений нечестным путем. Единственное, что приветствовалось властью, – это неуклонное развитие реального производства и наращивание экспорта.

С 1964 г. прибыли, получаемые от экспорта, перестали облагаться корпоративным и индивидуальным подоходными налогами. С валовой экспортной выручки не взимался налог с оборота. Если экспортер мог представить экспортные сертификаты, то он освобождался также от уплаты товарных налогов. Кроме того, был значительно упрощен порядок обложения обычными и специальными таможенными пошлинами необходимых экспортеру импортных товаров и сырья²¹⁴.

Не следует думать, что крупные корпорации в результате превратились в государственные предприятия, безропотно следующие предначертанным для них курсом. Например, тот же Samsung добился значительных успехов без каких-либо особых вспоможений со стороны государства. Тем не менее, в большинстве случаев *чеболи* активно пользовались государственными кредитами и придерживались политики делового сотрудничества с властью, поскольку такое сотрудничество являлось для них выгодным.

Характерной чертой экспортной индустриализации в Южной Корее в 70-х гг. явилось создание отдельных элементов полноотраслевой системы воспроизводства с восполнением недостающих ее частей через участие в международном разделении труда. Дело в том, что легкий доступ к государственному кредитованию позволял не только развивать экспортные отрасли, но и активно использовать импортное сырье и товары. Таким образом, параллельно с ростом экспорта не менее быстрыми темпами рос и импорт, что привело к некоторой диспропорции в южнокорейской экономике. В начале 70-х годов торговый дефицит поднялся до 1,1 млрд. долл. против 318 млн. долл. в начале 60-х.

Создание собственной тяжелой и химической промышленности в ходе третьего пятилетнего плана позволило отчасти решить эту проблему. Южная Корея получила возможность в ряде отраслей осваивать всю цепочку производственного процесса, а не отдельные его части. В тех же отраслях, где освоение всего производственного цикла оставалось слишком сложным и невыгодным делом, южнокорейские корпорации стремились к освоению наиболее трудоемких операций, на которые приходится большая часть добавленной стоимости²¹⁵.

²¹³ Eun Mee Kim. Big Business, Strong State., p.68-69.

²¹⁴ Суслина С.С. Промышленность Южной Кореи. М., 1988, с.23.

²¹⁵ Там же., с.27.

Третий пятилетний план (1972-1976 гг.) вызвал множество разногласий в правительстве и УЭП, поскольку, как уже отмечалось, он предусматривал развитие тяжелой и химической промышленности (ТХП). Причиной для споров было мнение, что ТХП требует слишком больших капиталовложений, которые не способен осуществить ни один из *чеболей*. Другой проблемой было опасение, что такая промышленность окажется нерентабельной из-за сравнительно ограниченного внутреннего рынка Кореи. На внешнем же рынке она может оказаться неконкурентоспособной ввиду своих технологических несовершенств.

Тем не менее, Пак Чжон Хи упорно продолжал настаивать на создании ТХП и делал это отчасти из политических соображений. Он неоднократно замечал, что иногда интересы государства требуют создания таких отраслей, прибыль от которых невелика, если эти отрасли помогают обеспечить безопасность страны²¹⁶. Иными словами, ТХП планировалась как основа для южнокорейского ВПК.

Таким образом, трудно не признать ту крупную роль, которую сыграл Пак Чжон Хи в процессе хозяйственного обновления Южной Кореи. Не будучи экономистом, он компенсировал этот пробел благодаря своей настойчивости, дисциплине и умелой расстановке кадров. Характерно, что помещение, в котором проводился оперативный анализ экономической ситуации в стране, располагалось рядом с его кабинетом в Синем доме. Он лично следил за выполнением пятилетних планов. Осуществление многих крупных проектов находилось под его непосредственным контролем. Присутствовавший на строительстве автострады Сеул-Пусан американский журналист сравнил президента с дирижером большого оркестра. Не ограничиваясь простым присутствием, Пак Чжон Хи лично вникал в проблемы, тормозящие строительство²¹⁷. Особое внимание было уделено созданию ТХП, развитие этих отраслей было предметом его постоянной опеки.

Не менее важной была и проблема кадров. После Корейской войны многие молодые люди уехали в США для получения высшего образования. Эти люди рассчитывали вернуться и применить свои знания на практике, восстанавливая разрушенную экономику²¹⁸. Именно они составили мощный слой менеджеров, работавших в среднем и крупном бизнесе, в Министерстве торговли и в УЭП.

Интересно, что в отношении фигур на ключевых постах Пак был весьма консервативен. Так за все время своего правления он лишь трижды менял людей на посту премьер-министра. С 1963 по 1971 гг. этот пост занимал генерал Чон Иль Гвон, потом его сменил на пять лет Ким Чжон Пиль и под конец премьером был Цой Кю Ха. Аналогичная картина была и на уровне министерств. Исключение составляли министерства внутренних дел, юстиции и образования. В них лишь за период с 1972 по 1979 гг. сменилось от четырех до пяти начальников, что объясняется политической нестабильностью и частыми студенческими волнениями того периода²¹⁹.

Говоря о крупных хозяйственных успехах Южной Кореи, надо отметить, что форсированная индустриализация имела и свою обратную сторону. Если по отношению к крупному бизнесу государство играло роль делового партнера и отчасти наставника, то по отношению к рабочим оно проявляло себя прямо-таки деспотично. Как уже отмечалось, Южная Корея обладала значительными людскими

²¹⁶ *Eun Mee Kim. Big Business, Strong State.*, p.139.

²¹⁷ *Oberdorfer D. The two Koreas: A Contemporary History.*, p. 35.

²¹⁸ *Eun Mee Kim. Big Business, Strong State.*, p.85.

²¹⁹ *Nahm C. A. Korea. Tradition and Transformation.*, p. 458-459.

ресурсами. Преимущественно это были рабочие невысокой квалификации. Это позволяло платить им невысокую заработную плату, снижая тем самым издержки производства и удерживая низкие цены на корейские товары. Изнанкой «корейского чуда» была сильнейшая эксплуатация рабочих, тяжелые условия труда и самый продолжительный рабочий день в мире (примерно 52,3 часа в неделю). Деятельность профсоюзов была сильно ограничена. Еще в 1963 г. в трудовое законодательство были внесены поправки, лишавшие профсоюзы возможности выражать интересы рабочих. Любые попытки открытых выступлений жестоко подавлялись полицией. Чрезвычайный декрет 1971 г. приравнивал участие в забастовках и стачках к уголовно наказуемым деяниям.

Люди, усилиями которых Корея была выведена из состояния нищеты, которые выполняли и перевыполняли пятилетние планы, оплачивались весьма скудно. Условия их жизни улучшались, но очень медленно и незначительно, а в борьбе за свои права им было практически отказано. Государство и крупный бизнес выступали здесь совместно, стремясь поддерживать высокие темпы экономического роста, мало считаясь с теми, кто обеспечивал этот рост.

Особого внимания требовало к себе сельское хозяйство. Чрезмерное увлечение экспортными отраслями и тяжелой промышленностью привело к некоторому снижению производства сельскохозяйственной продукции. Если в 1969 г. Южная Корея обеспечивала себя основными продуктами питания на 92,6 %, то в 1973 г. – лишь на 68,7 %. Бурное развитие промышленности и рост благосостояния городского населения привели к тому, что молодежь начала покидать аграрные районы, стремясь в города. Правительство постаралось выправить сложившуюся ситуацию.

Основными задачами в аграрном секторе было предотвращение расслоения деревенского населения, обезземеливания и пауперизации крестьянства. С этой целью в аграрных районах начала осуществляться программа, направленная на подъем благосостояния села и развитие кооперации. Программа эта получила название «Сымаиль ундон» – Движение за новую деревню (ДНД). Начало было положено в 1971 г., когда во все деревни было завезено по 300 мешков цемента. Делить цемент между семьями запрещалось, крестьяне должны были коллективно использовать его на благо своей деревни. Оценка результатов показала, что большинство деревень имеют низкий уровень кооперации. Тем не менее, на следующий год те деревни, которые рационально использовали цемент, получили уже по 500 мешков и до тонны металлоконструкций. Так, помогая сплоченным деревням, государство стимулировало кооперацию среди сельского населения.

В дальнейшем был запущен ряд программ по строительству дорог, замене соломенных крыш на шиферные, электрификации и водоснабжению деревень. Во всех этих случаях основную часть работы выполняли крестьяне, государство лишь предоставляло материалы и специалистов. Результатом политики ДНД стало улучшение жизни на селе и сокращение разрыва между городом и деревней, что значительно подняло стоимость земли, а также самосознание крестьян²²⁰.

Будучи сам выходцем из крестьян, Пак Чжон Хи хорошо понимал нужды корейской деревни и разбирался в вопросах сельского хозяйства. ДНД стало его любимым детищем. Надо полагать, что именно благодаря его личным усилиям программа обрела большую популярность и дала ощутимые результаты. Пак совершал регулярные поездки по стране, посещая сельские районы. Особо его

²²⁰ Подробнее об этом см: *Park Chung Hee. Saemaul. Korea's New Community Movement. Seoul, 1979, p. 2-10.*

интересовало участие в программе самих крестьян, а именно обсуждения и споры, которые неизменно возникали перед началом реализации каждого нового проекта. Пак справедливо полагал, что подобные обсуждения способствуют развитию низовой демократии, учат крестьян искать консенсус, идти на компромиссы и уважать чужое мнение.

С целью повысить эффективность программы были созданы специальные курсы по подготовке лидеров ДНД. Особую известность приобрел Институт по подготовке лидеров «Сымаиль ундон» в г. Сувоне. Недельные курсы включали в себя физическую подготовку, коллективный труд, лекции и семинары по кооперации и государственной политике в области сельского хозяйства. В кратчайшее время подобную стажировку прошли не только многочисленные крестьяне, но и целый ряд ответственных работников, вплоть до министров. Со временем ДНД приобрело более широкое значение и превратилось в распространителя официальной идеологии, замешанной на конфуцианских принципах, с отчетливой националистической и коллективистской направленностью. В 1978 г. Пак с удовлетворением отмечал, что лозунги ДНД подхватываются в городах и на промышленных предприятиях.

Возвращаясь к сельскому хозяйству, следует отметить, что помимо благоустройства деревень и развития кооперации, власти уделяли большое внимание росту доходов крестьянства. Так, государство пошло на увеличение закупок сельскохозяйственной продукции и повышение закупочных цен на неё в ущерб городским потребителям. Кооператорам предоставлялись новые, высокоурожайные сорта злаков, ядохимикаты и химические удобрения по льготным ценам²²¹. Все это способствовало росту крестьянских доходов. Если в 1965 г. средний доход крестьянской семьи составлял 423 долл., то к 1971 г. он вырос до 1025 долл., а в 1977 был около 2960 долл.²²².

Что касается крупных фермерских хозяйств, то они создавались преимущественно в животноводстве, растениеводстве и шелководстве. При этом основной упор делался на укрупнение хозяйств и механизацию труда. В результате к середине 80-х годов труд в этих отраслях был механизирован на 80-90 %.

Говоря об успехах, достигнутых в аграрном секторе, Пак Чжон Хи отмечал, что добиться этого удалось лишь благодаря наличию соответствующей промышленной базы, а именно производства стройматериалов, удобрений и техники. «Прежде чем вкладывать деньги в сельское хозяйство, – говорил он – мы должны были создать соответствующие условия, в которых инвестиции принесут плоды. В противном случае инвестиции обернулись бы растратой капитала, деревня не смогла бы их освоить»²²³. Создание такой промышленной базы позволило Паку выделить в рамках третьего пятилетнего плана 2 трлн. вон инвестиций в сельское хозяйство.

Внешняя политика Южной Кореи при Пак Чжон Хи.

Основными направлениями внешней политики Южной Кореи в период правления Пак Чжон Хи являлись поддержание на должном уровне безопасности страны и обеспечение успешного выхода страны на мировой рынок. Отсюда и то

²²¹ Шин А.С. Политико-правовые аспекты утверждения и развития капитализма в Южной Корее. // Проблемы Цивилизации и Формации: Запад-Восток. М., 1996, с.78-79.

²²² Park Chung Hee. Saemaul. Korea's New Community Movement., p. 6-7.

²²³ Ibid., p. 57.

первостепенное внимание, которое уделялось американскому, японскому и северокорейскому направлениям.

Следует сразу оговориться, что если с Японией Корея сотрудничала в экономической сфере, а с США – еще и в военно-политической, то с Северной Кореей дела обстояли совершенно иначе. Никаких экономических связей с этой страной у Южной Кореи не было, а политический диалог шел медленно и без особой заинтересованности с обеих сторон. Однако само по себе соседство с враждебно настроенной коммунистической страной оказывало немалое воздействие на принятие тех или иных решений в политике. Более того, именно наличие реального и близкого противника облегчило для Пак Чжон Хи осуществление мер по наведению порядка в 1961 г., стимулировало курс на форсированную модернизацию с созданием собственной тяжелой, химической и военной промышленности, и, наконец, оправдывало многочисленные перегибы авторитарного правления.

Что касается контактов с Японией, то как отмечалось, они завязались еще в ноябре 1962 г. во время встречи тогдашнего шефа южнокорейской разведки Ким Чжон Пиля и японского министра иностранных дел Охиры. Основным направлением во взаимоотношениях Южной Кореи и Японии было всестороннее укрепление экономических связей. По мере развития южнокорейской экономики Япония становилась все более привлекательным партнером в области бизнеса. Японские инвестиции и технологии находили активное применение в Южной Корее, и в конце 70-х годов японский капитал занял лидирующие позиции в текстильной, химической и алюминиевой промышленности. Своими капиталовложениями Япония обеспечивала 80% производства локомотивов, 70% - электронной аппаратуры, 60% – стального листа, 50% – цемента и около 40% мощностей по производству удобрений²²⁴. Крупнейшие японские корпорации открыли в Южной Корее свыше 150 своих филиалов.

При этом между Японией и Южной Кореей сложилась определенная система кооперации. С самого начала Япония была заинтересована в дешевой рабочей силе, которая имела в Южной Корее. А та, в свою очередь, нуждалась в инвестициях и технологиях производства экспортной продукции. Столь тесные связи с бывшими колонизаторами неоднократно вызывали недовольство южнокорейского населения, и правительство Пак Чжон Хи порой бывало вынуждено идти на некоторые ограничения в этой области. Однако тесная кооперация с японскими фирмами была выгодна Южной Корее еще и по ряду других причин.

Во-первых, географическая близость Японии делала любые деловые контакты с ней более оперативными и дешевыми. Во-вторых, культурная и языковая близость облегчала взаимопонимание сторон. Наконец, в вопросах промышленного производства очень важным фактором явилось техническое обслуживание произведенного товара. Южная Корея, активно участвуя в международном разделении труда, производила сборку многих японских товаров. При этом поставка комплектующих, оборудования и запчастей из Японии обходилось во много раз дешевле и быстрее, нежели из США или Европы²²⁵. Не случайно Япония и по сей день занимает особое место в южнокорейской внешней политике.

Что касается Соединенных Штатов, то здесь, в отличие от Японии, основной интерес Сеула заключался в сохранении американского военного присутствия на полуострове. Несомненно, экономическая помощь США сыграла немалую роль на

²²⁴ Суслина С.С. Промышленность Южной Кореи., с.91.

²²⁵ Eun Mee Kim. Big Business, Strong State., p.87.

послевоенном этапе развития страны. Однако после прихода Пак Чжон Хи к власти его страна нуждалась в таком содействии, чем дальше, тем меньше. Военное же присутствие США всегда оставалось для Южной Кореи крайне желательным.

Дело в том, что возможности самой южнокорейской армии были невелики. Наличие же американского контингента гарантировало вовлеченность США в любое серьезное столкновение с Северной Кореей. Несмотря на то, что численность американских войск постепенно сокращалась, а внутри страны они располагались в качестве второго эшелона охраны демилитаризованной зоны, сам факт их присутствия оказывал на Север сдерживающее воздействие.

Когда после введения системы «Юсин» южнокорейский режим утратил демократический «фасад», США заявили о сокращении своей военной помощи РК. Однако такая попытка повлиять на Пака не имела успеха. В ответ на действия США Сеул предпринял ряд шагов по завоеванию поддержки американского Конгресса путем подкупа законодателей.

Наиболее ярко проявил себя на этом поприще молодой южнокорейский бизнесмен Пак Тонг Сун. Когда во второй половине 70-х годов его деятельность получила огласку в США и комиссия по расследованию приступила к допросам Пак Тонг Суна, она была поражена масштабами его деятельности. Практически все конгрессмены в разное время получали подношения от Пак Тонг Суна в размере от 1000 до 200 000 долл²²⁶.

Американские журналисты были шокированы тем, что самые уважаемые и высокопоставленные люди в их стране оказались в большей или меньшей степени купленными²²⁷. Насколько большую роль сыграли эти взятки, сказать трудно, и сам Пак Тонг Сун затруднялся ответить на этот вопрос. Похоже, это был тот вариант подкупа, при котором должностному лицу даются деньги или подарки «авансом», без каких-либо конкретных просьб и пожеланий. Так или иначе, но скандал, связанный с Пак Тонг Суном, оказался для Америки настолько громким и неожиданным, что по аналогии с Уотергейтским скандалом получил название «Кореягейт».

Другим поводом для проявления беспокойства со стороны США стала южнокорейская программа по производству ядерного оружия. Начатая в 1972 г., она предполагала создание на базе французских технологий предприятия по переработке ядерных отходов и производству обогащенного урана. В соответствии с проектом завод должен был производить до двадцати килограмм плутония в год. Этого было достаточно для создания двух ядерных бомб, сравнимых с теми, что были сброшены на Хиросиму.

Ядерные испытания в Индии в 1974 г. поставили США перед угрозой распространения ядерного оружия в странах «третьего мира» и заставили обратить внимание на Южную Корею, которая в то время без лишней огласки занялась возвращением на родину, из тех же США, своих специалистов в области ядерной физики. Несмотря на заверения Пак Чжон Хи, что «Корея приступит к разработке ядерного оружия только в случае, если американский «ядерный зонтик» перестанет ее прикрывать»²²⁸, для американцев было очевидно, что работы над ядерным оружием идут в Южной Корее полным ходом.

С большим трудом американцам удалось уговорить Пака, приостановить разработки, пригрозив полностью пересмотреть свою роль в обеспечении безопасности Южной Кореи. Видимо, боязнь лишиться реальной внешней

²²⁶ FEER. 27.01.1978., p. 22-23.

²²⁷ Oberdorfer D. The two Koreas: A Contemporary History., p. 50.

²²⁸ Ibid., p. 71.

поддержки перевесила стремление создать свою собственную ядерную бомбу. Разработки были свернуты. Тем не менее в 1978 г. выяснилось, что они возобновились (а, возможно, и не прекращались полностью). Бывший пресс-секретарь президента Сон У Рюн вспоминал, что в январе 1979 г. Пак обмолвился о скором завершении работы над ядерным оружием. По его словам, Пак предполагал показать готовые бомбы в 1981 г. на параде в День Вооруженных сил, после чего объявить о своей отставке²²⁹. Если под этими словами имелась реальная почва, то следует признать, что это был бы эффективный и продуманный ход: после такого достижения местные патриоты непременно завалили бы президента просьбами не покидать своего поста.

К тому времени четвертый пятилетний план и период форсированной модернизации должны были подойти к концу, а мощная и самодостаточная экономика получила бы надежную защиту от любых внешних угроз. Однако разыграть этот сценарий Пак Чжон Хи не пришлось.

3.3. Правление Пак Чжон Хи: итоги и последствия

Вечером 26 октября 1979 г. Пак Чжон Хи ужинал в штаб-квартире КЦРУ вместе с шефом этого учреждения Ким Чжай Кю. Вместе с ними за столом сидели начальник президентской охраны Ча Чи Чол и глава секретариата Синего дома Ким Кэ Вон. Как и глава государства, все трое были в прошлом армейскими офицерами и свое восхождение в политике начали во время переворота 1961 г. Помимо них в соседнем помещении находились пять президентских охранников и группа сотрудников Ким Чжай Кю.

Уже в самом начале трапезы между начальником президентской охраны и шефом КЦРУ разгорелся жаркий спор. Ча стал критиковать Кима за его слабые и неадекватные действия в отношении демонстраций в Пусане. Попытки Кима оправдаться, заявив, что виной всему был жесткий курс правительства по отношению к Новой демократической партии, лишь усугубили ситуацию. Пак Чжон Хи поддержал Ча Чи Чола, выразив недовольствие работой КЦРУ.

Будучи шефом КЦРУ, Ким, надо полагать, обладал значительной информацией о происходящем в стране. Для него было очевидно, что, несмотря на жесткие меры, ряды оппозиции неуклонно растут, а власть президента поддерживается во многом силовыми методами. Ким подозревал, что Ча Чи Чол намеренно скрывает от президента реальное положение дел, подталкивая его к открытому применению силы против оппозиции. Имелись также опасения, что, пользуясь своим влиянием, Ча настраивает президента против шефа КЦРУ. Обвинения в некомпетентности и плохой работе, брошенные Киму, могли быть первыми симптомами скорой отставки.

Так или иначе, застольная ссора закончилась тем, что Ким Чжай Кю выхватил пистолет. В начавшейся перестрелке с участием агентов КЦРУ, ворвавшихся в помещение, Ча Чи Чол и его люди были убиты, а Пак получил смертельное ранение. Глава президентского секретариата Ким Кэ Вон уцелел. В тот же день он рассказал о случившемся на экстренном совещании членов правительства. Было решено немедленно ввести военное положение и арестовать Ким Чжай Кю, который не пытался скрыться.

²²⁹ Oberdorfer D. The two Koreas: A Contemporary History., p. 73.

На суде вскрылись многочисленные факты, свидетельствовавшие, что внутри правящей элиты назревал серьезный раскол. Среди тех, кто стоял близко к президенту, были сторонники ужесточения и без того не слишком мягкого и гуманного режима. Тот же Ча, по словам Ким Кэ Вона, постоянно превышал свои полномочия и пытался убедить президента, что следует действовать жестче. Другую группу образовали те, кто не желал прослыть сторонником откровенно антидемократических и диктаторских методов правления, кому надоели бесконечные волнения и студенческие демонстрации, кто желал стабильности и безопасности. Среди них были Ким Чжай Кю, и начальник генштаба генерал Чон Сун Ха. Следствию быстро удалось установить, что между этими людьми существовал заговор, в соответствии с которым после свержения президента предполагалось введение военного положения для приостановки работы гражданских властей. Вслед за этим Ким Чжай Кю планировал использовать подконтрольную ему машину КЦРУ для проведения внеочередных выборов. Вопрос был лишь в том, проводить ли выборы в рамках системы «Юсин» или срочно внести в конституцию ряд поправок, либерализующих режим голосования²³⁰. Однако Ким Кэ Вон, также состоявший в заговоре, в последний момент не выдержал и рассказал на заседании кабинета о планах Ким Чжай Кю. Это сорвало запланированный переворот.

Вместе с тем закончилась и эпоха Пака. Временно возглавивший страну Цой Кю Ха предпринял первые шаги к сворачиванию системы «Юсин» и ликвидации авторитарного наследия Пак Чжон Хи. В декабре 1979 г. им были отменены чрезвычайные декреты Пака, ограничивающие свободу слова и собраний, а также запрещавшие внесение поправок в конституцию. 68 политических заключенных были выпущены на свободу. Еще 224 человека, ожидавших суда, были отпущены без дальнейших разбирательств²³¹.

Южная Корея после Пак Чжон Хи

Как уже отмечалось в предыдущих разделах, к осени 1979 г. в ходе процесса форсированной модернизации в южнокорейском обществе накопилось значительное количество противоречий. Внезапная смерть Пак Чжон Хи всколыхнула всю страну, побудив различные политические силы к активным действиям. Оппозиционные партии сконцентрировали свои усилия на борьбе за скорейшее принятие новой конституции. Эта борьба проходила на фоне широких народных выступлений и при активной поддержке массового студенческого движения. Правительство во главе с Цой Кю Ха, который, в соответствии с конституцией «Юсин», был избран 6 декабря 1979 г. президентом, придерживалось мнения, что необходим определенный переходный период. Референдум по новой конституции Цой Кю Ха предлагал провести через год, а новое правительство сформировать к лету 1981 г.

Что касается военных, то рост оппозиции, слабость гражданского правительства и общая дестабилизация политической обстановки вызывали в армейских кругах определенные опасения. Но, в отличие от партий и студенческих движений, у которых смерть Пак Чжон Хи породила надежды на изменение политической ситуации в стране, среди военных подобных устремлений не наблюдалось. Если генералы старшего поколения опасались политической

²³⁰ FEER. 16.11.79., p. 16.

²³¹ FEER. 21.12.1979. p. 20-21.

дестабилизации и повторения «демократии» времен Чан Мена, то для молодых военных убийство Пак Чжон Хи открывало новые перспективы.

Будущий президент Южной Кореи генерал Чон Ду Хван, прошедший обучение в Корейской военной академии, принадлежал именно к молодому поколению военных. Курируя в армии вопросы безопасности, генерал Чон совершил 12 декабря 1979 г. внутриармейский переворот, арестовав начальника штаба армии Чон Сун Хва, уволив около 30 других старших офицеров и назначив начальником сеульского гарнизона своего друга и соратника Ро Дэ У. По сути, в армейском руководстве произошла насильственная смена поколений.

Весной 1980 г. по стране прокатился ряд забастовок и демонстраций с требованиями повышения заработной платы, ускорения работы по подготовке конституции, а также смещения Чон Ду Хвана с поста главы КЦРУ, который он самолично занял 14 апреля. На мощные студенческие демонстрации, прошедшие в мае во многих городах, Чон Ду Хван ответил введением военного положения, закрытием университетов, арестами сотен людей, включая таких ведущих оппозиционных лидеров как Ким Дэ Чжун и Ким Ен Сам. В ответ на эти аресты по стране прокатилась новая волна демонстраций.

Тогда же произошли кровавые события в Кванчжу, где разгон демонстрации обернулся всенародным выступлением. Начавшиеся 18 мая в связи с арестом Ким Дэ Чжуна студенческие выступления в Кванчжу быстро приобрели характер ожесточенных столкновений демонстрантов и сил спецназа. Были убитые и раненые. На следующий день число демонстрантов удвоилось, а к 20 мая достигло 100 тысяч. Восставшее население захватило городские центры власти, арсенал и удерживало город в своих руках с 22 по 26 мая. Против горожан были брошены войска специального назначения численностью до 10 тыс. человек, находившиеся под совместным американо-корейским командованием. Госдепартамент США отказался выступать посредником между военными и повстанцами, фактически дав «добро» на карательную операцию в Кванчжу, в ходе которой было убито около двух тысяч жителей.

Большинство западных и южнокорейских ученых и политиков считают, что главной причиной, по которой события в Кванчжу приняли такой трагический оборот, является феномен южнокорейского регионализма. Кванчжу – столица Южной Чоллы, провинции, которая всегда подвергалась дискриминации. Политическая, экономическая и военная элиты формировались в Южной Корее из уроженцев других провинций, в то время как Чолла традиционно ходила «в пасынках» у Сеула. Этим, в частности, объясняется особая неприязнь, которую вызывал Ким Дэ Чжун, родившийся в Кванчжу, у таких выходцев из Кёнсана, как Пак Чжон Хи и Чон Ду Хван²³².

Можно добавить, что для Чон Ду Хвана расправа в Кванчжу явилась еще и хорошей возможностью преподать урок своим политическим оппонентам, продемонстрировать твердость и внушить страх. Что же касается планов Чона по занятию президентского кресла, то они к маю 1980 г. сложились уже достаточно четко. После событий в Кванчжу он начал широкомасштабную «чистку». Гражданское правительство было отправлено в отставку. Арестам подверглись не только оппозиционные политические деятели и студенческие активисты, но и немало фигур среди правящего истеблишмента. Расчищая место для собственной политической базы, Чон Ду Хван арестовал таких приверженцев Пак Чжон Хи как

²³² *Симония Н.А.* Правление Чон Ду Хвана и начало демократизации. // Республика Корея: становление современного общества. М., 1996, с. 53.

Ким Чжон Пиль, Пак Чон Гю, Ли Ху Рак и многих других. «Очищению» был подвергнут госаппарат (из которого уволили 232 старших и 4760 прочих чиновников), армия, КЦРУ (пострадало около 300 сотрудников и агентов), СМИ (были закрыты 172 периодических издания)²³³.

Примерно тогда же был создан Специальный комитет по национальной безопасности, в обязанности которого входило оказание помощи президенту по управлению страной в условиях военного положения. В рамках этого комитета действовал Постоянный комитет во главе с Чон Ду Хваном, имевший право издавать законы и принимать различные политические решения до избрания новой Национальной Ассамблеи. Таким образом, Чон Ду Хван фактически изолировал президента Цой Кю Ха от власти. Соблюдая последние формальности, генерал оставил пост главы КЦРУ, произвел сам себя в полные генералы, подал в отставку, а 27 августа 1980 г. был избран электоральной коллегией на пост президента. Выборы были безальтернативными, а кандидатура Чона была одобрена всеобщим «поднятием рук» – 2524 членами коллегии из 2525.

В конце сентября проект новой конституции был представлен на суд общественности. В соответствии с ее положениями президент избирался на семилетний срок, но только один раз. Выборы не были прямыми, население голосовало за 5000 выборщиков, которые затем избирали президента. Конституция была одобрена референдумом от 22 октября. В соответствии с одной из дополнительных ее статей, все существовавшие партии распускались сроком на месяц (с 22 октября по 22 ноября 1980 г.), что давало возможность Чон Ду Хвану подготовиться к выборам. Созданный им немедленно Законодательный совет безопасности (новый временный законодательный орган, которому предстояло действовать до избрания новой Национальной Ассамблеи) принял ряд положений по «очищению политической культуры» и ограничению числа партий. Был составлен список видных политиков и интеллектуалов, которым запрещалось участие в политической жизни до 1988 г., т.е. на весь срок президентства Чон Ду Хвана. Правда, все эти меры не привели к снижению политической активности населения – в декабре было образовано 16 новых партий. Президентские выборы, прошедшие в начале 1981 г., принесли победу Чон Ду Хвану.

С проведением выборов в Национальную Ассамблею в июне 1981 г. новая система власти окончательно оформилась. Подавляющее большинство мест (151 из 276) в Ассамблее заняла партия президента – «Демократическая партия справедливости» (ДПС). В стране сложилась корейская разновидность «парламентского авторитаризма», отчасти похожего на индийский или японский вариант системы с «доминантной партией». Принципиальное отличие корейского варианта заключалось в том, что «доминантная партия» господствовала лишь в рамках парламента, который в свою очередь не являлся главной политической структурой в системе власти. Центральное место занимал президент, за спиной которого стояла армия. Иными словами, ДПС должна была служить послушным орудием в руках президента, осуществлять мобилизацию электората и утверждение правительственных постановлений в парламенте, что делало ее больше похожей на Голкар в Индонезии²³⁴.

И все же южнокорейская система отличалась от индонезийской более высоким уровнем активности легальной оппозиции, которая постоянно имела

²³³ Симолия Н.А. Правление Чон Ду Хвана и начало демократизации., с. 54.

²³⁴ Подробную характеристику феномена парламентского авторитаризма на современном Востоке см: Эволюция Восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.

сильную поддержку со стороны оппозиции «уличной». Это делало всю политическую систему более динамичной. Как показали дальнейшие события, этот динамизм послужил одним из факторов дальнейшей эволюции страны в сторону демократии²³⁵.

Изменения произошли и в экономике. Следует заметить, что на рубеже 70-х – 80-х гг. южнокорейская экономика попала в полосу депрессии (в 1980 г. ВВП сократился на 5,7% по сравнению с 1979 г.)²³⁶. С одной стороны, повышение цен на нефть сильно сократило валютные резервы страны. С другой стороны, США и Япония – основные импортеры южнокорейской продукции – укрепили протекционистских барьеры. Усилилась и конкуренция со стороны стран АСЕАН. В результате президент Чон был вынужден пойти на постепенную экономическую либерализацию, проект которой разработал, но не успел осуществить еще Пак Чжон Хи²³⁷. Стремясь к сокращению внешнего долга, Южная Корея стала переходить от займов за рубежом к привлечению прямых инвестиций. Государство отказалось от полного контроля за финансовой сферой, многие банки были приватизированы, крупный бизнес перестал всецело зависеть в этом вопросе от власти.

В отношении *чеболей* был предпринят ряд мер, направленных на их разукрупнение. Им было предложено отказаться от избыточной диверсификации, сосредоточиться на нескольких «основных» отраслях и продавать свои акции на бирже, дабы сделаться более открытыми и преодолеть свой «семейный» характер. Кроме того, был значительно расширен круг «запретных» для *чеболей* отраслей, где должен был доминировать мелкий и средний бизнес.

Либеральные реформы растянулись почти на два десятилетия. Несмотря на свою мощь, *чеболи* еще долго не желали испытывать себя свободной конкуренцией и поэтому приветствовали вмешательство государства в экономику в тех случаях, когда это касалось усиления протекционистских мер. В свою очередь чиновники, воспитанные в духе государственного капитализма, не слишком спешили, ибо полная либерализация экономики резко сузила бы подконтрольную им сферу. В этих условиях у представителей государственно-политической элиты и крупного бизнеса возникало все больше точек соприкосновения и мотивов к сближению.

Что касается намерений Чон Ду Хвана реально оставить президентский пост в 1988 г., то здесь можно сказать, что такое намерение было, и оно было обусловлено целым рядом причин. С одной стороны, пример Пак Чжон Хи наглядно демонстрировал, что бывает с президентами, когда они всеми правдами и неправдами пытаются продлить сроки своего правления.

С другой стороны, Чон был вынужден брать в расчет изменения политической ситуации в стране и в мире. Ранее отмечалось, что система «Юсин» была введена Паком с оглядкой на действия Фердинанда Маркоса и на реакцию США в отношении Филиппин. Теперь ситуация изменилась. Антиправительственный подъем 1983-86 гг. на Филиппинах, к нарастанию которого Америка имела прямое касательство, в конце концов вынудил Маркоса бежать из страны. Чон Ду Хван не мог не учитывать возможности подобного «охлаждения отношений» со стороны США и к его режиму. Обещание Чона ограничиться *одним* семилетним президентским сроком были «взяты на контроль» в Вашингтоне.

К «непродлению» президентских полномочий склоняла Чона и его семья, которая не желала оказаться в эпицентре народного недовольства. Наконец,

²³⁵ Симония Н.А. Правление Чон Ду Хвана и начало демократизации., с. 55.

²³⁶ Бучкин. А.А. Социальная эволюция современной Южной Кореи., с 19.

²³⁷ Eun Mee Kim. Big Business, Strong State., p.172.

требовалось создание прецедента мирной передачи власти. Во время своей встречи в 1983 г. с Рональдом Рейганом Чон заметил, что «люди (корейцы) верят в возможность смены президентов лишь насильственным путем, а это очень опасный образ мыслей»²³⁸.

Примерно со второй половины 80-х годов Чон Ду Хван начал постепенно осуществлять и политическую либерализацию. Были отменены некоторые наиболее одиозные пережитки военного режима, как-то комендантский час, «черные» списки, ограничивающие право ряда общественных деятелей на участие в политике. Примерно тогда же Чон озаботился подготовкой преемника – своего однокашника и близкого друга генерала Ро Дэ У.

К 1986 г. основная борьба между правительством и оппозицией разгорелась по вопросу о новой конституции. Активная политическая борьба, протекавшая в 80-х гг., привела к численному увеличению и сплочению оппозиции. Это позволило ей перейти от борьбы за установление парламентской республики, в которой власть президента была бы ограничена Национальной Ассамблеей, к требованию прямых президентских выборов. Со своей стороны Чон Ду Хван предложил ограничить роль президента представительскими функциями, сконцентрировав всю власть в руках премьер-министра.

Сделав ставку на фракционность оппозиции, Чон в весной 1987 г. выдвинул широкую программу политических реформ в обмен на принятие его предложения парламентской республики. Ли Мин У, формальный лидер Новой корейской демократической партии – ведущей оппозиционной организации – согласился, чем немедленно вызвал раскол в рядах НКДП и выход из ее состава таких видных деятелей как Ким Ен Сам и Ким Дэ Чжун, подозревавших, что Чон готовится пересест в кресло премьера. После ухода из НКДП двух Кимов и значительного числа их сторонников, Чон Ду Хван прервал переговоры, заявив, что не видит у оппозиции должного уровня ответственности. Выборы (по старой конституции) были назначены на февраль 1988 г., а кандидатом на пост президента от ДПС был выдвинут Ро Дэ У.

Политические маневры Чона вызвали всеобщее неодобрение. По стране прокатилась новая волна студенческих выступлений. Полиция оказалась не в состоянии справиться с демонстрантами, а армия на этот раз воздержалась от активного участия в конфликте. Разрешить ситуацию удалось Ро Дэ У. 29 июня он выступил с предложением компромисса – Декларацией из 8 пунктов, в которых принимались все требования оппозиции, как то: пересмотр конституции; новый избирательный закон; прямые президентские выборы; освобождение политзаключенных; демократические свободы и т.д. Спустя несколько дней Чон Ду Хван одобрил данную инициативу. Что касается оппозиции, то, несмотря на уверения во взаимной преданности, Ким Ен Сам и Ким Дэ Чжун не договорились о едином фронте. Ким Дэ Чжун пошел на выборы во главе собственной Партии мира и демократии, что раскололо оппозиционный электорат и в итоге способствовало победе Ро Дэ У. Длительный период диктатур в Южной Корее закончился.

Правление Ро Дэ У было отмечено значительными позитивными сдвигами. Своего рода символом успехов южнокорейской модернизации стали Олимпийские игры в Сеуле в 1988 г. Вслед за ними начался период активных внешнеполитических контактов, результатом которых явилось установление дипломатических отношений с СССР, странами Восточной Европы и Китаем.

²³⁸ Oberdorfer D. The two Koreas: A Contemporary History., p. 163.

Во внутренней политике были приняты меры по обеспечению демократических свобод, организации профсоюзного движения, расследованию злоупотреблений в годы диктатур. Экс-президент Чон Ду Хван был вынужден принести публичные извинения и отправиться в ссылку.

Осуществляя политическую модернизацию страны, Ро Дэ У вместе с тем не был намерен кардинально менять структуру режима, особенно, если учесть, что после апрельских выборов 1988 г. в Национальную Ассамблею оппозиционные партии по числу депутатских мест превзошли ДПС, и теперь оппозиция могла блокировать те или иные начинания власти. Ситуацию требовалось вернуть под контроль, причем таким образом, чтобы ослабить оппозицию и закрепить прецедент мирной передачи власти в массовом сознании.

В итоге 9 февраля 1990 г. Ро ДэУ, Ким Ен Сам и Ким Чжон Пиль объединили свои партии в Демократическую либеральную партию (ДЛП). Ро Дэ У получил возможность контролировать 2/3 мест в парламенте и завершить свое правление в условиях политической стабильности. Ким Ен Саму же было обещано выдвижение его кандидатуры на пост президента в 1992 г. Параллельно была решена и проблема укрепления легитимности правящей партии, ибо прежняя ДПС в значительной мере воспринималась как партия «наследников Чон Ду Хвана».

В выборах 1992 г. Ро Дэ У не участвовал, предоставив Ким Ен Саму все права на лидерство. Победа Ким Ен Сама на выборах положила начало новому этапу демократизации. За исключением краткого правления Чан Мена, это был первый случай в истории Южной Кореи, когда во главе страны оказалось гражданское лицо.

В феврале 1993 г. Ким выдвинул лозунг построения «новой Кореи», целью которого было создание обновленной административной системы. Основными задачами ставились борьба с должностными преступлениями и коррупцией, оживление экономики и повышение государственной дисциплины. Результаты были неоднозначными. Несомненно успешной стала борьба со злоупотреблениями в рядах армии и спецслужб. Здесь заслугой Ким Ен Сама стало устранение из политической жизни большинства представителей полуконспиративной организации высшего офицерства *Ханахве*, – организации, при содействии которой к власти пришли Чон Ду Хван и Ро Дэ У. Были вскрыты многочисленные факты коррупции в армии, в том числе случаи подкупа командного состава в целях продвижения по службе, нарушения при закупках необходимых армии материалов и продовольствия и т. п. За три месяца после инаугурации Ким Ен Сама через демократическое «чистилище» прошли более тысячи высших руководителей армии и госучреждений.

Удалив ряд наиболее одиозных генералов, Ким Ен Сам положил конец постоянному вмешательству военных в политическую жизнь Южной Кореи, вынудил их ограничить свою деятельность профессиональной сферой и лишил их той особой роли, которую разведслужбы и армия до сих пор играли во внутренней политике страны. Вместе с тем, это не выглядело как «разгром» армии – наоборот, шло ее реформирование и перевооружение, а неуклонное увеличение военных расходов (в среднем на 10 % в год) подчеркивало то, что вопросы безопасности оставались в числе приоритетных²³⁹.

В отличие от армейских реформ, кампания по борьбе с коррупцией оказалась менее эффективной. Расследование финансовых афер прежних лет быстро вылилось в скандал, в котором оказались замешаны крупнейшие политические фигуры. В Национальной Ассамблее прошли слушания, на которых было доказано

²³⁹ Толстоулаков И.А. Политическая реформа Ким Ёнсама и вооруженные силы Южной Кореи. Россия и АТР. Владивосток, 2005, № 3, с. 160

наличие в ряде южнокорейских банков счетов на подставных и несуществующих лиц. Средства на этих счетах (около 625 млн. долл.) являлись секретным фондом Ро Дэ У. Сам экс-президент, выступив по телевидению, подтвердил наличие у него таких средств, добавив, что создание подобных фондов было «старой политической практикой». Для корейцев это был сильный удар – генерал-демократ, «южнокорейский Горбачев», человек, обещавший покончить с коррупцией и открыть «великую эру обычных людей», обладал доходами, которые в тысячу раз превосходили заявленные. Несмотря на свое глубокое сожаление и раскаяние, Ро Дэ У стал в одночасье для корейцев «наиболее ненавистным президентом»²⁴⁰.

Однако на этом дело не закончилось. В ходе судебных разбирательств на скамье подсудимых вместе с Ро Дэ У оказался и Чон Ду Хван. Оба экс-президента были приговорены к смертной казни, замененной значительными сроками тюремного заключения. Были предъявлены обвинения руководителям более 20 *чеболей*. Но самым неприятным было то, что всплыли факты получения в 1990 г. Ким Дэ Чжуном 2,5 млн. долл. от Ро Дэ У. Тут же встал вопрос о наличии секретных фондов у действующего президента Ким Ен Сама. Возникла ситуация, сходная с последствиями гласности в СССР, когда власть, инициировавшая вскрытие разного рода «темных» пятен истории, сама оказалась под угрозой разоблачений, порочащих ее авторитет.

Боготворившие своего президента в 1993-94 гг. как принципиального и последовательного борца с коррупцией сограждане все чаще стали вести речь о том, что под предлогом этой борьбы Ким Ен Сам ведет преследование своих политических противников и неугодных лиц. Несколько крупных процессов, связанных с дачей и получением взяток, в которых оказались замешаны близкие Киму люди (в том числе его сын Ким Хён Чоль), банкротство корпорации «Ханбо», близкой к администрации президента, – все это привело к тому, что к середине 1996 г. Ким Ен Сам в значительной мере утратил свою популярность.

Что касается экономики, то здесь меры, предпринятые Ким Ен Самом, не увенчались успехом. Либерализация финансовой сферы, по мнению ряда южнокорейских экспертов, была проведена слишком поспешно и непродуманно. Если получение долгосрочных кредитов проходило под контролем за финансовым положением заемщика со стороны министерства финансов и экономики, то движение краткосрочных кредитов практически выпало из поля зрения регулирующих органов. В итоге среди предпринимателей широко распространилась практика набора краткосрочных кредитов без должных обоснований и гарантий. Пагубную роль сыграло и то обстоятельство, что новая политическая элита, формировавшаяся вокруг Ким Ен Сама, реанимировала и даже усилила свои коррупционные связи с бизнесом, сложившиеся в предшествующие десятилетия²⁴¹.

Азиатский кризис 1997-98 гг. больно ударил по Южной Корее, выявив несостоятельность ряда *чеболей* и крупных банков и поставив страну на грань финансового краха. В тот момент экономическая и политическая системы страны прошли своего рода испытание на прочность. Несмотря на серьезный ущерб, нанесенный кризисом, система устояла. Напомним, что в то же время в Индонезии финансовый кризис обернулся кризисом структурным, что в значительной мере было связано с боязнью Сухарто своевременно пойти на политическую либерализацию. Система «бюрократического капитализма» была теснейшим образом «завязана» на

²⁴⁰ Oberdorfer D. The two Koreas: A Contemporary History., p. 378-379.

²⁴¹ Федоровский А.Н. Южная Корея: особенности взаимоотношений государства и бизнеса. // Место и роль государства в догоняющем развитии. М., 1999, с. 70.

фигуре президента, – незаменимого и несменяемого. В результате, стихийно начавшийся процесс демократизации проходил в атмосфере кровавых эксцессов и политической нестабильности. Напротив, в Южной Корее процесс демократизации зашел уже достаточно далеко, что позволило ему сыграть роль «амортизатора». Кризис не сумел пошатнуть политическую систему, а смена руководства, произошедшая в результате выборов 1997 г., вызвала прилив воодушевления в обществе, ибо (впервые в истории страны) к власти конституционным путем пришла оппозиция.

В силу объективных обстоятельств в первые годы своего президентства Ким Дэ Чжун был вынужден сосредоточить усилия на реформировании экономической сферы. От правительства потребовались энергичные меры, направленные на оздоровление финансов привлечение иностранных инвестиций, приватизацию ряда компаний госсектора и создание благоприятных условий для деятельности среднего и мелкого бизнеса. Ситуация осложнялась тем, что предложенные МВФ меры по стабилизации экономики и преодолению кризисных явлений неизбежно должны были сказаться на уровне благосостояния корейцев и привести к конфликту с профсоюзами, которые оказали существенную поддержку новому президенту на выборах 1997 г. Тем не менее Ким Дэ Чжун отважился на болезненные, носящие в значительной мере неолиберальный характер реформы.

Дело было не только в том, что в условиях кризиса приходилось следовать рекомендациям МВФ, сокращать государственное вмешательство в экономику в пользу рыночных механизмов, отказываться от поддержки неконкурентоспособных компаний, снижать уровень обеспеченности и социальной защищенности населения. Конечной целью реформирования должно было стать облегчение вхождения Южной Кореи в процесс глобализации. В долгосрочном плане успешность такого вхождения зависела от ряда факторов, в том числе и от определенной трансформации корейской политической культуры.

Ранее уже говорилось о том, что авторитаризм, опирающийся в Южной Корее на национализм и традиционализм, замешанный во многом на конфуцианстве, способствовал эффективной мобилизации населения для решения задач форсированной модернизации. В дальнейшем же, по мере успешного (и очень быстрого) экономического роста, власть была вынуждена делать шаги в направлении политической либерализации, которые постепенно привели к замене авторитарного режима демократическим.

Политическая модернизация в Южной Корее, предполагала, в свою очередь, и соответствующую модернизацию в культурной сфере. Однако, здесь изменения накапливались медленнее. Экономический взлет 60-80-х гг., достигнутый в обстановке почти полного отсутствия каких бы то ни было либеральных и демократических ценностей и институтов, сформировал авторитарную «традицию» внутри управленческих структур госаппарата и бизнеса. Характерное для этих сфер сочетание авторитарных методов с конфуцианскими традициями сохранилось, несмотря на смену политической системы. До поры до времени связка авторитаризма с конфуцианством работала безотказно и, лишь столкнувшись с *реальными* демократическими преобразованиями, она стала давать сбой²⁴².

В этой связи становится понятно, почему в ходе своих экономических реформ Ким Дэ Чжун сделал упор на преобразование бизнеса через трансформацию корпоративных институтов. В первую очередь это касалось *чеболей*. Надо заметить,

²⁴² Казарьян Р.Л. Отношения государства и крупного бизнеса в Республике Корея // Корейский полуостров: мифы, ожидания, реальность. 1 ч., с. 163.

что гигантские масштабы и экономическая мощь этих ФПГ, ставших во многом локомотивом развития Южной Кореи, долгое время как бы маскировали ряд присущих им негативных тенденций. В хозяйственной практике *чеболей*, складывавшейся десятилетиями, утвердились такие явления, как заведомо убыточные вспомогательные дочерние компании, запутанная система ответственности, не позволяющая установить реальных виновников коммерческих неудач и злоупотреблений, круговая порука и т.п. Поэтому в ходе реформ правительству постоянно приходилось требовать от руководства *чеболей* «наведения порядка» в компаниях, разграничения сфер ответственности в управлении, более четкого ориентирования менеджмента на получение прибыли²⁴³.

В целом руководство *чеболей* пошло навстречу президенту. Кризис наглядно показал, что от принципа *“too-big-to-fail,”* (*слишком крупные, чтобы потерпеть неудачу*) действовавшего в отношении *чеболей*, надо отказываться. Масштабы деятельности и диверсификации *чеболей* стали настолько велики, что семейно-клановый подход к управлению переставал быть эффективным. Однако, такие особенности южнокорейских ФПГ как, перекрестное владение акциями компаний внутри одного *чеболя*, взаимное кредитование и гарантирование займов, наконец, сама семейно-клановая система владения, создавали немалые трудности для реформирования. За 1998-99 гг. пять крупнейших *чеболей* ликвидировали порядка 57 своих дочерних структур, что положительно сказалось на состоянии дел²⁴⁴. Тем не менее реструктуризация крупного бизнеса не решила всех задач, поскольку кризис сократил и число возможных «покупателей» компаний, подлежащих продаже.

Другой сферой, лежащей на стыке экономического реформирования и культурной модернизации, стала сфера образования и науки. Построение современной системы образования было одной из важнейших задач южнокорейской модернизации еще со времен Пак Чжон Хи. На сегодняшний день среднее образование в РК практически бесплатно и общедоступно. Что касается вузов, то они на 80% являются частными. Правда, правительство оказывает существенную материальную поддержку, как учебным программам вузов, так и студентам. Поощряется повышение чиновниками своего образовательного уровня в стране и за границей²⁴⁵. Вхождение страны в процесс глобализации привело к тому, что важнейшей задачей стала подготовка высококвалифицированных кадров для работы в передовых отраслях промышленности, а также расширение НИОКР, способных обеспечить корейской продукции высокую конкурентоспособность на мировом рынке. В период с 1999 по 2003 гг. доля расходов на НИОКР в бюджете страны возросла с 3,7% до 5%. Средства направлялись преимущественно на поддержку исследований в области телекоммуникаций, биотехнологий и создания новых материалов. Помимо этого, крупные компании осуществляли финансирование государственных институтов и исследовательских центров, ведущих научные разработки по таким направлениям, как расширение возможностей Интернета, оптоволоконных линий и беспроводной передачи информации, цифрового вещания и компьютерных технологий²⁴⁶.

²⁴³ Федоровский А.Н. Южнокорейские Чэболы: становление, развитие, трансформация. М., 2007, с. 81-82.

²⁴⁴ Там же, с. 85.

²⁴⁵ Там же, с. 95.

²⁴⁶ Там же, с. 98.

Наконец, следует отметить инициативы, предпринятые Ким Дэ Чжуном во внешней политике. Главное место здесь заняли взаимоотношения с Северной Кореей. Собственно говоря, карта «северной политики» разыгрывалась всеми президентами (особенно в моменты выборов). Ким Дэ Чжун внес в позицию Юга определенные коррективы, сделав акцент не на объединении, а на мирном сосуществовании. Курс, получивший название политики «солнечного тепла» предполагал установление нормальных дипломатических отношений и развитие внутрикореysких экономических контактов и связей. Как таковой вопрос объединения отодвигался «на потом». Результатом данных предложений стал саммит в Пхеньяне, на котором была заключена «Совместная декларация Севера и Юга». В ней обе стороны выразили решимость продвигаться к объединению самостоятельно, без внешней помощи и стран посредников. Интересно заметить, что пока на полуострове существовало два жестких политических режима, (различавшихся идеологическим наполнением), рассуждения о сближении РК и КНДР оставались преимущественно в области теории и предвыборной риторики. Положительные подвижки во взаимоотношениях Севера и Юга возникли лишь после того, как в Южной Корее начался процесс демократизации.

Сменивший в 2003 г. Ким Дэ Чжуна на посту президента Но Му Хен продолжил намеченный курс реформ. Новый президент принадлежал к более молодому поколению. Хотя он не имел высшего образования и «нужных» связей, но отличался честностью и открытостью, что позволило ему быстро завоевать массовое признание.

Во внутренней политике Но Му Хен продолжил борьбу с коррупцией и внутренним регионализмом – двумя основными бедами южнокорейской политической системы. В экономической сфере основное внимание по-прежнему уделялось дальнейшему реформированию *чеболей*, развитию информационных технологий и совершенствованию социальной сферы. Фактически, это было претворение в жизнь тех идей, которые отстаивались Демпартией, но не были реализованы вследствие кризиса.

Не менее важным аспектом деятельности Но Му Хена стала внешняя политика, где продолжение курса на сближение с Северной Кореей оказалось осложнено из-за ядерной проблемы и международной борьбы с терроризмом, в ходе которой Соединенные Штаты включили КНДР в так называемую «ось зла».

* * *

Подводя итоги, остановимся на некоторых особенностях развития Южной Кореи после Пака, сыгравших важную роль в формировании современного облика этой страны. Первым делом отметим, что в отличие от Индонезии, процесс перехода от авторитаризма к демократии оказался здесь значительно растянут во времени, что сделало его гораздо более плавным и естественным. Как бы ни относились корейцы к Чон Ду Хвану, свой вклад в эти перемены внес и он. Ранее уже отмечалось, что в ходе форсированной модернизации в южнокорейском обществе накопилось значительное количество противоречий, настоятельно требовавших разрешения. «Стихийная» демократизация подобная той, что имела место в Кванчжу, в случае ее перерастания в общегосударственное явление могла нанести серьезный ущерб стране, вплоть до срыва модернизации. Действия Чона в этой ситуации можно рассматривать как выбор меньшего зла (что ни в коей мере не снимает с него ответственности за кровопролитие).

Начав с «закручивания гаек», Чон Ду Хван, по сути, отложил политическую либерализацию, но взамен «бессрочного» президентства Пака четко обозначил сроки своего правления, указав обществу тот рубеж, за которым может начаться демократизация. Наконец, именно Чон создал прецедент мирной передачи власти.

В дальнейшем процесс политической либерализации осуществлялся последовательно и отличался преемственностью демократических преобразований. Данная преемственность обеспечивалась во многом тем, что до последних лет у руля находились политические деятели, сформировавшиеся в годы правления Пак Чжон Хи. Годы политической борьбы позволили им не только сформировать свое видение курса развития страны, но и усвоить основные «правила игры», в чем-то и впитать авторитарную политическую культуру, присущую прежним режимам.

Другим существенным фактором, работавшим на устойчивость демократических изменений в современной Южной Корее, стало удаление военных от политики. Начавшийся при Ким Ен Саме, этот процесс знаменовал собой конец эпохи президентов-генералов и той особой роли, которую при них играли в жизни страны армия и спецслужбы.

Наконец, важнейшим фактором, во многом обеспечившим переход от авторитаризма к демократии, стала неуклонная и быстрая экономическая модернизация. Сохранение преемственности в экономической стратегии, постепенная либерализация и реформирование крупного бизнеса при сохранении определенной государственной поддержки обеспечило стране мощный индустриальный фундамент. Опираясь на него, политическая элита не только нашла в себе силы двинуться по пути сворачивания авторитаризма и замены его демократией, но и пройти этот путь достаточно равномерно, без забеганий вперед и попятных движений.

Кризис 1997-98 гг. нанес ощутимый удар по экономике страны, высветив негативные стороны южнокорейской системы. Тесные связи власти и бизнеса, коррупция, финансовые махинации – все это имело место (и даже приобрело немалые масштабы с приходом демократии). Стала очевидной громоздкость *чеболей* и недостаточность контроля над финансовыми институтами. Печальный опыт кризиса был учтен и направлен на реформирование экономической системы. Как бы то ни было, на сегодняшний день Южная Корея являет собой на редкость успешный пример модернизации. Начав движение по этому пути типичным представителем Периферии, она, спустя несколько десятилетий вплотную приблизилась к странам Центра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели деятельность национальных лидеров в двух азиатских странах – Сухарто в Индонезии и Пак Чжон Хи в Южной Корее в условиях переходного периода – эпохи ускоренной модернизации и укрепления национальной независимости. Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся как сравнения результатов деятельности двух лидеров, так и их соответствия той исторической ситуации, в которой им пришлось играть лидерскую роль.

Прежде всего, необходимо сказать, что это роль была весьма значительной. И Сухарто, и Пак Чжон Хи персонифицировали длительные периоды в истории своих стран и политические системы, созданные в это время («новый порядок» в Индонезии, «Юсин» в Южной Корее). Они лично создавали эти системы и их идеологию. Они инициировали определенную экономическую политику в целях форсированной модернизации («бюрократический капитализм» в Индонезии, *чеболи* в Южной Корее). Оценивая результаты деятельности данных лидеров, можно выделить как немалые сходства, так и определенные различия.

Сходство в значительной мере объясняется типологической общностью исторической стадии эволюции названных стран, а также соответствующих исторических предпосылок. Добившись независимости после Второй мировой войны, обе страны пытались следовать определенным западным образцам в процессе создания своей государственности, но и там и тут попытки внедрить парламентскую демократию западного типа не принесли ни политической стабильности, ни позитивных сдвигов в экономике. Новые демократические структуры, как правило, оказывались отражением общества, страдающего от многочисленных слабостей, противоречий и «непереваренной» политизации. В рамках демократического процесса это зачастую оборачивалось активизацией партикуляристских предрассудков, что вело к непрерывному увеличению числа партий и фракций, затяжным спорам и конфликтам на политической сцене, носившим большей частью неконструктивный характер.

В обеих странах в большей или меньшей степени имели влияние коммунисты. Дело в том, что после обретения независимости Индонезия и Южная Корея не могли не реагировать на идеологические импульсы извне, где разворачивалось соперничество двух мировых систем. Социалистическая модель демонстрировала тогда впечатляющие успехи и выглядела реальной альтернативой западному капитализму. Рост коммунистических настроений наблюдался всякий раз, когда страны оказывались перед лицом экономического кризиса и политической дестабилизации. В Индонезии – в период «направляемой демократии», в Южной Корее – после обретения независимости (1945-46 гг.) и во время правления Чан Мена (1960-61 гг.). Крепнущие позиции коммунистов вызывали обеспокоенность в военной среде и послужили в обеих странах поводом для перехода армии в наступление.

Наконец, еще одно историческое сходство. До установления режимов Сухарто и Пак Чжон Хи и в Индонезии, и в Южной Корее уже сложились экономические системы, в которых военные играли не последнюю роль. Особенно выделялась в этом плане Индонезия, где армия изначально была не только вооруженной, но во многом политической и экономической силой. Впрочем, и в Южной Корее, где армия традиционно пользовалась меньшим авторитетом нежели, скажем, чиновники, близкая к президенту Ли Сын Ману армейская верхушка интегрировалась в

политическую систему и экономику страны достаточно глубоко. Особенно укрепились позиции военных в обеих странах в конце 50-х гг.

Все вышеперечисленные сходства послужили предпосылками для захвата власти военными в Индонезии и Южной Корее. Неспособность режимов-предшественников решать насущные проблемы общества и стремление предотвратить дальнейший рост коммунистического влияния побудили генералов, имевших прочные позиции в политических системах обеих стран, пойти на решительные шаги по установлению авторитарных режимов.

Определенной исторической заслугой Сухарто и Пак Чжон Хи являлось то, что созданные ими политические структуры были ориентированы на решение задач модернизации. Ведь немало авторитарных режимов оказывались неспособными к проведению модернизации, хотя порой и прикрывались соответствующими лозунгами. Индонезия же и Южная Корея явили собой пример «модернизаторского» авторитаризма – явления, представляющего собой случай наиболее продуктивного раскрытия возможностей политического авторитаризма.

Выбор именно авторитарной формы правления был не случайным по ряду причин. С одной стороны, возможности контроля и мобилизации общества при авторитаризме, как правило, превосходят таковые в условиях демократии. Если вспомнить, что экономически Индонезия и Южная Корея в конце 50-х – начале 60-х гг. были в весьма плачевном состоянии, то становится ясно, что осуществить экономический подъем, а тем более, ускоренную модернизацию новые власти могла лишь с помощью крутых мер.

С другой стороны, авторитаризм предполагает доминирующее положение исполнительной власти и непосредственно главы государства в политической системе. Как уже отмечалось, для стран так называемого третьего эшелона – основной массы государств Азии, Африки и Латинской Америки – были характерны сильное запаздывание с началом модернизационного процесса и ведущая роль государства в нем. Государство (зачастую именно в лице исполнительной власти) становилось главным инициатором модернизации, а порой руководило этим процессом во всех сферах общественной жизни. Эти тенденции были учтены военными Индонезии и Южной Кореи.

Также хорошо укладывалась в авторитарную политическую систему и первостепенная роль носителя высшей власти. Это было связано с целым рядом причин, начиная от низкой политической грамотности населения, которое плохо разбиралось в программах партий, но легко воспринимало обращенные к нему слова политических лидеров, и кончая стереотипами традиционной политической культуры, для которой роль первого лица была, как правило, очень характерна.

Наконец, если вспомнить, что в 50-х – 60-х гг. прошлого столетия в странах Юго-Восточной Азии авторитарные режимы стали возникать один за другим, то, можно утверждать, что установление авторитарных режимов в Индонезии и Южной Корее было обусловлено не только рядом сходных предпосылок, но и региональной тенденцией.

Сходство задач, стоявших тогда перед Индонезией и Южной Кореей, а также поиск их решения на путях авторитаризма привели к тому, что модели управления обществом, создаваемые новой властью, оказались в ряде аспектов схожими. В обеих странах были созданы крупные организационные структуры, которым предстояло стать опорами новой власти и проводниками ее политического и экономического курса. В Южной Корее – это Корейское Центральное разведывательное управление (КЦРУ) и Управление экономического планирования (УЭП), в Индонезии – Оперативное командование по восстановлению безопасности

и порядка (КОПКАМТИБ), Управление по координации разведдеятельности (БАКИН) и Бюро по проведению специальных операций (ОПСУС). Аналогом южнокорейского УЭП был БАППЕНАС – Управление планирования национального развития. Преобразованиям в области экономики уделялось особое внимание. Успехи в этой сфере должны были способствовать легитимизации военных режимов и ликвидации коммунистических настроений в обществе.

Под руководством Сухарто и Пак Чжон Хи страны совершили впечатляющий рывок в экономическом развитии. Промышленность Индонезии и Южной Кореи была поднята практически из руин. Начатое с легкой и пищевой промышленности, восстановление народного хозяйства осуществлялось на основе пятилетних планов развития и проходило под контролем со стороны государства. При общей тенденции к первоочередному развитию импортозамещающей промышленности, уделялось внимание и созданию отраслей, ориентированных на экспорт. Особенно это проявилось в Южной Корее, где с самого начала экспортное производство рассматривалось как важнейшее условие успешного развития, а в дальнейшем на нем стала базироваться вся экономическая стратегия.

Непосредственными проводниками экспортной стратегии в промышленности Южной Кореи стали *чеболи*. Возникнув в конце 50-х гг., они за годы правления Пака превратились из небольших семейных фирм в промышленных гигантов. И произошло это исключительно благодаря государству, которое, удерживая «командные высоты» в экономике, ограничивало действие рыночного механизма, регламентировало распределение кредитов и экспортных субсидий, контролировало внешнеторговые операции и регулировало цены. Сосредоточив в своих руках контроль над финансами и законодательно запретив крупному бизнесу иметь свои банки, Пак Чжон Хи лишил крупных предпринимателей финансовой независимости и стал, по сути, диктатором южнокорейской экономики и вместе с тем ее создателем.

В Индонезии аналог *чеболей* (с определенными натяжками и оговорками) присутствовал в лице финансово-промышленных империй Лима Сиу Лионга, Боба Хасана, Ибну Сутово, старших детей Сухарто и др.

Не был забыт аграрный сектор экономики. Вслед за развитием промышленности началась механизация и интенсификация сельского хозяйства. В Южной Корее реализация программы помощи селу, целью которой было предотвращение расслоения деревенского населения, обезземеливания и пауперизации крестьянства, началась в 1971 г. В рамках этой программы, получившей название «Движение за новую деревню» (ДНД), удалось сократить разрыв между динамично развивающимися городами и сохранявшими долгое время традиционный уклад сельскими районами. Кроме того, как считал Пак Чжон Хи, помимо улучшения материального положения деревни, ДНД способствовало укреплению авторитета власти на селе.

В Индонезии модернизация села не носила столь масштабного характера. Земельная реформа, подобная тем, которые имели место в НИСах первого поколения, в Индонезии не осуществлялась. Основой аграрного сектора здесь являлись крупные плантационные хозяйства, а крестьянская община (в особенности на Яве) страдала от нехватки земель. Тем не менее, даже в такой ситуации удалось добиться определенных успехов. Упор, сделанный государством на переселенческую политику и «зеленую революцию», позволил наконец-то добиться самообеспечения страны важнейшими сельскохозяйственными продуктами (в первую очередь рисом).

Ускоренная модернизация привела к определенным социальным изменениям. Увеличилась горизонтальная и вертикальная социальная мобильность населения,

за годы форсированной модернизации образовался средний класс, сыгравший в дальнейшем не последнюю роль в расшатывании режимов и подталкивании их к демократизации. Вместе с тем произошло значительное расслоение общества. Само собой, доходы представителей власти и крупного бизнеса намного опережали доходы остальных категорий населения. Черта бедности искусственно занижалась.

Таким образом, ускоренное развитие оборачивалось для общества длительным напряжением, социальными дисбалансами и конфликтами. В принципе, как показал С. Хантингтон, это вещи неизбежные в ходе модернизации, когда возникают диспропорции между отдельными секторами народного хозяйства, между различными социальными группами, между обществом и властью в целом. Какое-то время уровень напряженности в обществе должен был расти и дальше, причем это напрямую было связано с темпами модернизации. Примеры Индонезии при Сухарто и Южной Кореи при Пак Чжон Хи иллюстрируют этот тезис весьма наглядно.

Понимая и в какой-то мере предвидя эти трудности, оба лидера предприняли усилия к созданию мощной системы государственного управления, которая позволяла бы направлять общественную жизнь и в которой в полной мере работала бы «вертикаль власти». Была реформирована и «упрощена» партийная система, механизм выборов был взят под контроль на самых разных уровнях. До определенного момента реформированная политическая система позволяла справляться с оппозицией и вспышками социального протеста, «выпускать пар». Однако, чем дальше, тем яснее вырисовывалась необходимость особых мер (особенно для быстро идущей вперед Южной Кореи).

Предвидя грядущие проблемы, Пак Чжон Хи решил пойти по пути «закручивания гаек», введя в октябре 1972 г. военное положение и присвоив себе по сути диктаторские полномочия, закреплявшиеся в новой конституции «Юсин». Эта система была призвана гарантировать пожизненное нахождение Пака у власти. Кроме того, «Юсин» должна была обеспечить безопасность и контроль над обществом в ходе выполнения третьего и четвертого пятилетних планов, предполагавших создание тяжелой и химической промышленности, перестройку экономической структуры с целью повышения ее конкурентоспособности, а также масштабные изменения в аграрном секторе и идеологической сфере.

Подобный резкий крен вправо окончательно нарушил консенсус между властью и обществом. Упрямое и жесткое проведение в жизнь Паком курса на форсированную модернизацию вызывало недовольство общества, уставшего от «затягивания поясов». Росло негодование оппозиции, которая сплотилась и закалилась за годы борьбы с режимом и которой новая конституция не оставляла шансов на победу. Вмешательство государства в экономику все больше тяготило *чеболи*, которые ощущали свою возросшую мощь. Наконец, даже с точки зрения южнокорейской политической культуры, действия Пака не соответствовали традиционным представлениям о стиле руководства корейских монархов, которые, как правило, играли роль арбитров в спорах между различными фракциями аристократов-бюрократов, нежели проводили какую-то свою линию. Политическая культура режима Пак Чжон Хи (базирувавшаяся в своей основе на конфуцианстве) вместе с тем имела сильный «самурайский» оттенок, крайне неприятный для корейцев.

Сухарто действовал несколько иным образом, а именно, путем балансирования между различными силами – как поддерживающими режим, так и потенциально оппозиционными. С одной стороны, в отличие от Пака, Сухарто уделил гораздо больше внимания строительству своей партии власти – Голкар. Она

оказалась фактическим продолжением бюрократической системы, поскольку в обязательном порядке включала в свои ряды всех государственных служащих, и, таким образом, была послушным орудием в руках власти.

С другой стороны, по мере необходимости укреплялись основные «подпорки» режима. Так, в 70-х гг. в армии – главной опоре режима – был осуществлен искусно направляемый процесс смены поколений, в ходе которого молодые военные должны были впитать от ветеранов «дух революции» и понимание важности «гражданской миссии» военных, но вместе с тем своим назначением были полностью обязаны президенту. Тогда же была пересмотрена официальная идеология Панча сила. Ее внешне неизменные и достаточно абстрактные положения были наполнены новым содержанием, отражавшим изменения, происходившие в стране под руководством «нового порядка». При этом Панча сила превратилась в руках режима в своеобразную идеологическую матрицу, любые попытки выйти за рамки которой жестко пресекались.

Следует заметить, что политика балансирования не означала для Сухарто отказа от жестких и даже жестоких мер. Любые антирежимные выступления подавлялись. Так, участники «Петиции пятидесяти», осуждавшие Сухарто за систематическое нарушение конституции 1945 года, сохранение двойной функции армии и использование официальной идеологии Панча сила для запугивания политических противников, были значительно ущемлены в правах, власть постаралась создать вокруг них политический вакуум. Савито Картовитово, бросивший вызов лично президенту, получил длительный срок тюремного заключения.

Вместе с тем балансирование между различными силами позволяло Сухарто и его режиму проявлять определенную гибкость. Президент всегда мог дистанцироваться от фактов применения очевидного насилия и использовать ситуацию для укрепления собственного положения (как это было, к примеру, в случае с расстрелом демонстрации в Восточном Тиморе). Следует иметь в виду, что подобное балансирование правителя вообще характерно для индонезийской политической культуры. Сочетание традиционной степенности и неторопливости, присущей яванским монархам, с выдвиганием современных лозунгов и задач делало индонезийского президента не только верховным гарантом социальной «гармонии» (уподоблявшегося в этом смысле правителям средневековой Явы), но и прагматичным реформатором, исходящим из текущих потребностей переходного, модернизирующегося общества.

Не допуская перехода назревающих конфликтов в стадию открытых столкновений, Сухарто стремился поддерживать определенную стабильность в обществе (и долго преуспевал в этом). Однако в целом по настоящему не разрешенные противоречия постепенно накапливались. Рано или поздно это должно было обернуться большими неприятностями для режима.

Оценивая сейчас, по прошествии многих десятилетий процесс эволюции авторитарных режимов в Индонезии и Южной Корее, можно сделать вывод, что путь, по которому пошел Пак Чжон Хи, оказался более радикальным, но вместе с тем и обоюдоострым. Цели (частично достигнутые) заключались в том, что, во-первых, система «Юсин» давала Паку контроль за реализацией намеченной экономической стратегии. Форсированная модернизация «по-корейски» требовала колоссальных капиталовложений. За годы правления Пак Чжон Хи внешний долг страны значительно вырос, но при этом постоянно ощущалась нехватка средств. На протяжении десятилетий Южная Корея балансировала на грани кризиса,

одновременно удивляя мир невиданными темпами роста. В этих условиях ужесточение авторитарной системы было объяснимо.

Во-вторых, «Юсин», не оставляя оппозиции шансов на победу, способствовала тем самым сохранению политического статус-кво. С точки зрения Пака, оппозиционные партии еще не созрели для демократии. Их традиционная тяга к делению на фракции и бесконечная политическая «грызня» вызывали опасения Пак Чжон Хи в том плане, что судьба модернизации будет поставлена на карту, если допустить такую оппозицию к власти. Следует напомнить, что попытки привлечения представителей оппозиции к работе правительства имели место в самом начале правления Пака, но, по его мнению, не оправдали себя.

Наконец, новая конституция гарантировала не только пожизненное нахождение Пака у власти, но и большую степень личной безопасности, что в условиях всеобщего недовольства его внутриполитическим курсом было весьма важно. Впрочем, соображения личной безопасности находились так сказать в «подчиненном» положении. Иными словами, власть была для Пака не самоцелью, а скорее средством, позволяющим осуществлять запланированные преобразования. Ощущение, что под его руководством страна штурмует одну за другой экономические вершины, приносило Паку то удовлетворение, которое многие политики испытывают лишь от одного обладания властью.

Первые успехи убедили Пака, что выбранный им путь – единственно верный. Более того, на какое-то время ему удалось вселить в корейцев уверенность, что он видит четкую перспективу развития страны, а жесткий режим необходим для будущего процветания. Отстаивая свой курс, Пак проявлял «прямоту», свойственную настоящим конфуцианским чиновникам, т.е. готовность обосновать и последовательно отстаивать свое мнение, чего бы это ни стоило. В данном случае это стоило ему жизни.

В Индонезии все обстояло несколько иначе. Процесс модернизации тут был неотделим от такого явления, как «бюрократический капитализм». Если в в конце 1957 г, когда в результате антиголландской кампании экономика страны оказалась в состоянии близком к хаосу, пересадка военных в кресла чиновников и государственных менеджеров позволила как-то стабилизировать положение, то еще до прихода Сухарто к власти эта практика обнаружила свои отрицательные стороны. Склонность же Сухарто как главы режима к фаворитизму и nepотизму привела к ситуации, когда большая часть экономики страны оказалась под контролем его друзей и родственников. Если Пак Чжон Хи требовал соблюдения определенной дистанции между властью и бизнесом, то в Индонезии власть неоднократно шла на «подправление правил игры», если они почему-то оказывались неудобными для главных «игроков».

Тесное сращение интересов власти и бизнеса не могло не сказаться на процессе модернизации. Ее успехи оказались слишком явно переплетены с благополучием «семьи», а сохранение авторитарной системы – с системой безопасности и сохранением личных тайн Сухарто, уходящих корнями в 1965 г. Это вызывало глухое недовольство в обществе. «Закручивать гайки» и создавать за счет этого дополнительную напряженность в такой ситуации было рискованно. К тому же Сухарто не ставил столь амбициозных задач как Пак, и не выдвигал таких жестких сроков выполнения намеченного.

Ограничения социально-экономическому прогрессу ставила сама система «бюрократического капитализма». Демонстрируя высокую живучесть, она вместе с тем вела к значительному оттоку средств из производства и делала индонезийскую экономику уязвимой даже во времена наибольших макроэкономических достижений.

Пример тому – активное и неконтролируемое использование средств «Пертамины», которое ввергло компанию в тяжелый кризис в 1975 г., чуть было не обернувшийся политическим кризисом для Сухарто.

Аналогичную роль сыграл новый виток фаворитизма и nepотизма в ходе инвестиционного бума 1994-1996 гг. Вкупе с поспешной и не всегда аккуратной либерализацией финансового рынка, доступностью внешнего и особенно краткосрочного кредита и избыточными вложениями в переоцененную недвижимость, он в значительной мере увеличил внешний долг Индонезии и ослабил ее финансовую систему. До тех пор, пока корыстные интересы индонезийской власти и ее ближайшего окружения как-то уравнивались экономическими успехами страны, система функционировала. Однако лишь только летом 1997 г. разразился Азиатский финансовый кризис, как последовали дестабилизация и резкий экономический спад, а вслед за ними и крах власти, ибо все это были звенья одной цепи.

Ситуация осложнялась еще и тем, что до последних дней своего правления Сухарто оставался безальтернативной политической фигурой. Большинство потенциальных лидеров имели слишком тесные связи с режимом, а значит, в той или иной мере отвечали за постигшие страну неудачи. Верхушка армии, неоднократно выходявшая на политическую авансцену в трудную минуту, оказалась к концу 90-х гг. скомпрометированной сверх всякой меры.

На этом фоне южнокорейский государственный капитализм оказался более прочным. Впрочем, развернувшиеся после смерти Пака реформы по либерализации финансовой сферы и последовавший с приходом президента Ро Дэ У (1988-1992) поворот к демократизации значительно усилили взаимозависимость власти и предпринимательских кругов. Уже президенту Ким Ен Саму (1993-1997) пришлось провести кампанию по борьбе с коррупцией, в ходе которой на скамье подсудимых оказались два экс-президента и были предъявлены обвинения руководителям более 20 *чеболей*. Тем не менее, кампания не принесла желаемого успеха, поскольку новая политическая элита, сформировавшаяся вокруг Ким Ен Сама, сама активно вписалась в «неформальные» отношения власти с бизнесом, сложившиеся в предшествующие годы.

Это не привело к возникновению южнокорейского варианта «бюрократического капитализма», но тот факт, что финансовый кризис 1997-1998 гг. потряс экономику одного из ведущих «тигров», позволяет сделать некоторые выводы. А именно, слишком сильное сближение власти и бизнеса оказалось способным сделать уязвимой при неблагоприятных колебаниях мировой экономической конъюнктуры даже такую прочную систему, какую когда-то создал Пак Чжон Хи. Систему, где были заложены прочные индустриальные основы модернизации, и была найдена перспективная стратегия развития, следование которой в немалой степени страховало Южную Корею от серьезных срывов. Наконец, систему, в которой переход к демократии произошел гораздо раньше, нежели в Индонезии и проблем с преемственностью власти не существовало. Те же Ким Ен Сам и Ким Дэ Чжун сформировались как политики в противостоянии Паку, а оппозиция, о которой он так нелестно когда-то отзывался, сумела за долгие годы в значительной мере изжить свои недостатки. Демократизации способствовало и формирование в ходе модернизации достаточно многочисленного среднего класса, появление которого опять-таки связано с успешностью экономической политики, начатой в свое время режимом Пак Чжон Хи.

В Индонезии сращение власти и бизнеса было очень велико, что в итоге обернулось одновременным крахом экономики и политического режима. И хотя

худшего сценария, связанного с распадом государства и гражданской войной, удалось избежать, последствия потрясений будут ощущаться здесь еще долго. Демократия, пришедшая на смену «новому порядку», остается пока весьма шаткой. Пока ее эффективность в значительной мере снижена унаследованными от эпохи Сухарто проблемами, связанным с коррупцией, патронажем и nepotизмом.

Сравнение Индонезии и Южной Кореи позволяет сделать и еще один вывод. Тесное сближение власти и бизнеса крайне опасно и чревато тяжелыми последствиями для любой страны, особенно живущей в условиях переходного периода. И чем больше размеры страны, чем богаче она природными ресурсами, тем больше в ней возможностей для подобного «симбиоза» и тем меньше стимулов для проведения успешной модернизации. Впрочем, даже в таких условиях успешное развитие возможно, если во главе страны оказывается соответствующий политический лидер.

Окончательная историческая оценка деятельности политических режимов Сухарто и Пак Чжон Хи, а также их персонального вклада в процесс модернизации соответствующих стран, еще впереди. Но и сейчас очевидно, что она должна быть объективной и взвешенной. Не отрицая негативных аспектов, присущих этим режимам, и ошибок, совершенных их лидерами (а задним числом отмечать ошибки, как известно, не столь уж сложно), важно констатировать несомненные достижения названных стран (особенно Южной Кореи) на переходном периоде исторической эволюции, в процессе модернизации, и тот вклад, который внесли в этот процесс их национальные лидеры. Этот опыт, на наш взгляд, не утратил своего значения и сегодня.

Данная работа, как представляется, позволяет сформулировать и некоторые общие положения относительно политического обеспечения модернизации в развивающихся странах, относящиеся не только к Индонезии и Южной Корее.

Во-первых, форсированная «догоняющая» модернизация в развивающихся странах, представляющих «третий эшелон» мирового капитализма, предполагает доминирующую роль авторитарного государства.

Во-вторых, модернизаторский авторитаризм образует властную пирамиду с национальным лидером во главе, не только персонифицирующим политический режим, но и являющимся гарантом проводимых преобразований.

В-третьих, дирижистская политика «модернизаторского» авторитаризма в принципе не исключает тех или иных форм «обратной связи» с обществом.

В-четвертых, крайние формы сращения бюрократии и бизнеса («бюрократический капитализм») – таят в себе опасность эрозии политических структур, торможения процессов модернизации и подрыва «модернизаторского» авторитаризма как такового.

В-пятых, «модернизаторский» авторитаризм (даже при определенной его жесткости) не воздвигает непреодолимых препятствий на пути к демократии. Напротив, решая вопросы экономического и социального развития, он способствует росту среднего класса, создает предпосылки политической либерализации и постепенно размывает основы собственного существования.

ЛИТЕРАТУРА

Источники (государственные документы, конституционные акты, произведения политических деятелей, политические биографии)

1. *Капица М.С., Малетин Н.П.* Сукарно. Политическая биография. М., 1980.
2. Конституция Республики Индонезии // Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана. М., 1960.
3. Конституция Индонезии 1945 года – творение человека. М., 2000.
4. *Ким Дэ Чжун.* Южная Корея: драмы и надежды демократии. М., 1992.
5. *Сукарно.* Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1956.
6. *Сукарно.* Сарина. Задачи женщин в борьбе Республики Индонезия. М., 1958.
7. *Elson R.L.* Suharto: A Political Biography. N.Y., 2001.
8. Korea and the Philippines: November 1972. A Staff Report for Committee on Foreign Relations, United States Senate. Wash., 1973.
9. *Park Chung Hee.* Our Nation's Path. Seoul, 1970.
10. *Park Chung Hee.* To Build a Nation. Washington, 1971.
11. *Park Chung Hee.* The Country, The Revolution and I. Seoul, 1979.
12. *Park Chung Hee.* Saemaul: Korea's New Community Movement. Seoul, 1979.
13. *Soeharto.* My Thoughts, Words and Deeds – An Autobiography. Jakarta, 1992.
14. *Sukarno.* Revolution. Independence Day Message. Supplements: MANIPOL-USDEK and Birth of Pantja Sila. Djakarta, 1966.
15. *Roeder O.G.* The Smiling General: President Soeharto of Indonesia. Djakarta, 1969.
16. The 1945 Constitution of the Republic of Indonesia. Djakarta, 1966.

Работы отечественных исследователей

17. Авторитаризм и демократия в «третьем мире». М., 1991.
18. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996.
19. *Александров Ю.Г.* Современная Индонезия: Аграрная политика 1965-1972 гг. М., 1977.
20. *Андреев Г.А.* Индонезийское государство: проблема единства и автономии (1945-1965). М., 1974.
21. *Андреев М.А.* Ликвидация экономических позиций голландского империализма в Индонезии. М., 1962.
22. *Андреев М.А.* Будущее индонезийской нефти. М., 1964.
23. *Архипов В.Я.* Экономика и экономическая политика Индонезии 1945-1968 гг. М., 1971.
24. *Бажанов Е.П.* Актуальные проблемы международных отношений. Избранные труды в 3 т. М., 2001-2002.
25. *Бандиленко Г.Г.* Культура и идеология средневековых государств Явы. Очерк истории VIII-XV вв. М., 1984.
26. *Беленький А.Б.* Национальное пробуждение Индонезии. М., 1965.
27. *Беленький А.Б.* Идеология национально-освободительного движения в

- Индонезии 1917-1942 гг. Радикальный мелкобуржуазный национализм. М., 1978.
28. *Бучкин. А.А.* Социальная эволюция современной Южной Кореи. М., 1987.
 29. *Волков С.В.* Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987.
 30. *Голубева Е.В.* Государственная бюрократия и политика: Индонезия и Филиппины 70-80 гг. М., 1988.
 31. *Гордон А.В.* Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989.
 32. *Губер А.А.* Индонезия: Социально-экономические очерки. М., 1932.
 33. *Губер А.А.* Избранные труды. М., 1976.
 34. *Демин Л.М.* Японская оккупация Индонезии (1942-1945). М., 1963.
 35. *Демин Л.М., Другов А.Ю., Чуфрин Г.И.* Индонезия: закономерности, тенденции, перспективы развития. М., 1987.
 36. *Другов А.Ю.* Индонезия: политическая культура и политический режим. М., 1997.
 37. *Другов А.Ю.* Политическая власть и Эволюция политической системы Индонезии (1965-1988). М., 1989.
 38. *Другов А.Ю.* История Индонезии: XX век. М., 2005.
 39. *Другов А.Ю., Резников А.Б.* Индонезия в период «направляемой демократии». М., 1969.
 40. *Ерасов Б.С.* Культура, религия и цивилизация на Востоке. М., 1982.
 41. *Ерасов Б.С.* Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1990.
 42. *Ефимова Л.М.* Современный ислам и политика на зарубежном Востоке: М., 1986.
 43. *Ионова А.И.* «Мусульманский национализм» в современной Индонезии 1945-1965 гг. М., 1972.
 44. История Востока. Т. 1-2. М., 1993.
 45. Китайские этнические группы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1986.
 46. Корейский полуостров: мифы, ожидания, реальность. М., 2001.
 47. Крупные развивающиеся страны в социально-экономических структурах современного мира. М., 1990.
 48. *Кузнецова С.С.* У истоков индонезийской культуры (Яванская культурная традиция XVII-XX вв.). М., 1989.
 49. *Кямилев Э.Х.* Политическая борьба и проблемы централизации в Индонезии 1945-1975 гг. М., 1978.
 50. *Ланьков А.Н.* Политическая борьба в Корее XVI-XVIII вв. С-Пб., 1995.
 51. *Ланьков А.Н.* Корея: будни и праздники. М., 2000.
 52. *Левинсон Г.И.* Китайские этнические группы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1986,
 53. *Ли В.Ф.* Стратегия и политика неокOLONиализма США (Дипломатия «новых рубежей» и страны Южной и Юго-Восточной Азии). М., 1971.
 54. *Ли В.Ф.* Россия и Корея в геополитике евразийского Востока (XX в.). М., 2000.
 55. *Мазуров В.М.* Южная Корея и США (1950-1970). М., 1971.
 56. *Мазуров В.М.* От авторитаризма к демократии (Практика Южной Кореи и Филиппин). М., 1996.
 57. *Мазуров В.М., Сеницын Б.В.* Южная Корея. Драматическое перепутье.

- М., 1963.
58. *Малетин Н.П.* Внешняя политика Индонезии 1965-1979 гг. М., 1981.
 59. Место и роль государства в догоняющем развитии. М., 1999.
 60. *Мирский Г.И.* «Третий мир»: общество, власть, армия. М., 1976.
 61. Национально-освободительное движение в Индонезии 1942-1965 гг. М., 1970.
 62. Нусантара. Юго-Восточная Азия. С-Пб., 1998.
 63. *Панченко А.П.* Армия и модернизация общества. Опыт Индонезии. М., 1994.
 64. *Пахомова Л.Ф.* Национальный капитал в экономике Индонезии. М., 1966.
 65. *Плеханов Ю.А.* Индонезия: проблемы развития. М., 1980.
 66. Проблемы цивилизации и формации: Запад – Восток: М., 1996.
 67. *Прошин А.А., Тимонин А.А.* Неоколониализм США и Южная Корея. М., 1985.
 68. Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. М., 1983.
 69. Республика Индонезия: политика, экономика, идеология 1965-1977 гг. М., 1978.
 70. Республика Корея: становление современного общества. М., 1996.
 71. *Севортыан Р.Э.* Армия в политическом режиме стран современного Востока. М., 1973.
 72. *Симония Н.А.* Буржуазия и формирование нации в Индонезии. М., 1964.
 73. *Симония Н.А.* Торгово-ростовщический капитал в Азии. М., 1972.
 74. *Симония Н.А.* Страны Востока: пути развития. М., 1975.
 75. *Симония Н.А.* Индонезия. М., 1978.
 76. На скрещении мировых и локальных закономерностей: Россия, КНР и Республика Корея. М., 1996.
 77. *Сумский В.В.* Национализм и авторитаризм. Политико-идеологические процессы в Индонезии, Пакистане и Бангладеш. М., 1987.
 78. *Суслина С.С.* Промышленность Южной Кореи. М., 1988.
 79. *Суслина С.С.* Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 80-х – начало 90-х годов). М., 1997.
 80. *Сычев В.Ф.* Индонезия и мусульманский мир в XX веке. М., 2003.
 81. *Толстоулаков И.А.* Политическая реформа Ким Ёнсама и вооруженные силы Южной Кореи. // Россия и АТР. № 3, Владивосток, 2005.
 82. *Торкунов А.В.* Загадочная война: корейский конфликт 1950-1953 гг. М., 2000.
 83. *Ульяновский Р.А.* Политические портреты борцов за национальную независимость. М., 1980.
 84. *Урляпов В.Ф.* Индонезия и международные отношения в азиатско-тихоокеанском регионе. М., 1993.
 85. *Федоров В.А.* Эволюция авторитарных режимов на Востоке. М., 1992.
 86. *Федоровский А.Н.* Южнокорейские Чэболь: становление, развитие, трансформация. М., 2007.
 87. *Холл Д. Дж. Е.* История Юго-Восточной Азии. М., 1958.
 88. *Хорос В.Г.* Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980.
 89. *Хорос В.Г.* Русская история в сравнительном освещении. М., 1996.
 90. *Цыганов В.А.* Национально-революционные партии Индонезии (1927-

- 1942). М., 1969.
91. *Цыганов В.А.* История Индонезии. Ч.2. М., 1993.
 92. *Шабшина Ф.И.* Очерки новейшей истории Кореи (1945-1953). М., 1958.
 93. *Шабшина Ф.И.* Южная Корея 1945-1946. Записки очевидца. М., 1974.
 94. *Шин В.А.* Китай и корейские государства во второй половине XX столетия. М., 1998.
 95. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
 96. Юго-Восточная Азия в 70-е годы. М., 1979.
 97. Юго-Восточная Азия: современное политическое развитие. М., 1984.
 98. *Юрьев А.Ю.* Индонезия после событий 1965 г. М., 1973.

Исследования зарубежных авторов

99. After Development: The Transformation of the Korean Presidency and Bureaucracy. Wash., 1997.
100. *Anderson B.R.O.'G.* The Idea of Power in Javanese Culture // Culture and Politics in Indonesia. Ithaca, L., 1972.
101. *Anderson B.R.O.'G.* Cartoons and Monuments: The Evolution of Political Communication under the New Order. Political Power and Communications in Indonesia. Berkley, 1978.
102. *Anderson B.R.O.'G., McVey R. T.* A Preliminary Analysis of the October 1, 1965 Coup in Indonesia. Ithaca, 1971.
103. *Becker J.* Rogue regime. Oxford, 2005
104. *Bell G. D.* The Achievers. Preston-Hill, 1973.
105. *Blondel J.* Political Leadership: Towards a General Analysis. L., 1987.
106. *Burns J. M.* Leadership. N.Y., 1978.
107. *Crouch H.* The army and politics in Indonesia. Ithaca, L., 1978.
108. *Crouch H.* The trend to Authoritarianism // The Development of Indonesian Society. N.Y., 1980.
109. *Cummings B.* The Origins of the Korean War. Vol.1. Liberation and the Emergence of Separate Regimes 1945-1947. New Jersey, 1981.
110. *Cummings B.* The Origins of the Korean War. Vol.2. The Roaring of the Cataract 1947-1950. New Jersey, 1990.
111. *Emerson D.K.* Indonesia's Elite: Political Culture and Cultural Politics. Ithaca, L., 1976.
112. *Eun Mee Kim.* Big Business, Strong State 1960-1990. Albany, 1997.
113. *Feith H.* The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia. Ithaca, N.Y., 1962.
114. *Geertz C.* The Religion of Java. Chicago, L., 1976.
115. *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. New Haven, L., 1968.
116. Interpreting Indonesian Politics. Ithaca, N.Y., 1982.
117. *Jenkins D.* Suharto and His Generals: Indonesian Military Politics 1975-1983. Ithaca, N.Y., 1984.
118. *Joungwon Kim.* Divided Korea. The Politics of Development 1945-1972. New Jersey-Seoul, 1997.
119. *Kahin G.M.* Nationalism and Revolution in Indonesia. Ithaca, N.Y., 1955.
120. *Kingsbury D.* The Politics of Indonesia. Oxford, 1998.
121. *Leifer M.* Indonesia's Foreign Policy. L., 1983.

122. *Lingle C.* The Rise and Decline of the Asian Century: False Starts on the Path to the Global Millennium. Hong Kong, 1997.
123. *Mackie J.A.C.* The Chinese in Indonesia: Five Essays. Honolulu, 1976.
124. *May B.* The Indonesian Tragedy. Singapore, 1979.
125. *McDonald H.* Suharto's Indonesia. Blackburn, 1980.
126. *Nahm C. A.* Korea: Tradition and Transformation: A History of the Korean People. Seoul, 1988.
127. *Nahm C. A.* Introduction to Korean History and Culture. Seoul, 1993.
128. *Nawaz M. B.* Indonesia under Suharto. N.Y., 1987.
129. *Oberdorfer D.* The Two Koreas: A Contemporary History. Addison-Wesley, 1997.
130. *Palais B.J.* Politics and Policy in Traditional Korea. L., 1991.
131. *Parry R.* In the Time of Madness. On the Edge of Chaos in Indonesia. L., 2006.
132. *Polomka P.* Indonesia Since Sukarno. Blackburn, 1971.
133. *Robison. R.* Indonesia: The Rise of Capital. Sydney, 1988.
134. *Robison. R.* Toward a Class Analysis of Indonesian Military Bureaucratic State // Indonesia, 1978, № 25.
135. *Schwarz A.* A Nation in Waiting. Indonesia in the 1990s. Boulder, 1995.
136. *Sukardi R.* The Indonesian Military after the New Order. Singapore, 2005.
137. The Last Days of President Suharto. Clayton, Australia, 1999.
138. *Vatikiotis M.* Indonesian Politics under Suharto: The Rise and Fall of the New Order. L., N.Y., 1998.
139. Violence and the State in Suharto's Indonesia. Ithaca, L., 2001.
140. *Wertheim W.* Indonesian Society in Transition. The Hague-Bandung, 1956.

Периодика

141. Азия и Африка сегодня. М.
142. Время новостей. М.
143. Известия, М.
144. Коммерсантъ. «Власть». М.
145. Мировая экономика и международные отношения. М.
146. Народы Азии и Африки. М.
147. Политический журнал. М.
148. Правда. М.
149. Asia Magazine. Hong Kong
150. Asian Survey. Berkley
151. Contemporary Southeast Asia. Singapore
152. Far Eastern Economic Review. Hong Kong
153. Financial Times. L.
154. Foreign Affairs. N.Y.
155. Inside Indonesia. Northcote, Australia
156. International Herald Tribune. P.
157. The Indonesian Quarterly. Jakarta
158. Third World Quarterly. L.

Интернет

159. <http://www.antara.co.id/en/>
160. <http://www.asiasociety.org/>
161. <http://www.atimes.com/>
162. <http://cip.cornell.edu/>
163. <http://en.wikisource.org/>
164. <http://www.iht.com/>
165. <http://www.lib.ru/>
166. http://www.oefre.unibe.ch/law/icl/ks00000_.html
167. <http://www.thejakartapost.com/>